

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ К УСТЬЮ Р. ЛЕНЫ

1881-1884

ДОКТОРА А. БУНГЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО Е. ГЕЙНЦА

16-го декабря 1881 года выехала из С.-Петербурга экспедиция, снаряжённая Императорским Русским Географическим Обществом к устью Лены и состоящая из начальника её, поручика И. Йоргенса, его помощника, канд. мат. А. Эйгнера, и д-ра А. Бунге, прикомандированного к экспедиции в качестве врача и естествоиспытателя, а также второго помощника; кроме того, были взяты с собою два матроса пятого флотского экипажа.

По железной дороге члены экспедиции доехали до Нижнего Новгорода, где пришлось остановиться на более продолжительное время, так как здесь удобнее всего было закупить большие запасы, нужные для экспедиции, и тотчас отослать их дальше. Отсюда же началось далёкое путешествие на санях до Иркутска и Якутска, для чего надо было запасти повозками как для самих путешественников, так и для их довольно обширного багажа (около 55 пудов). За всеми этими приготовлениями прошла целая неделя; так что лишь 26-го декабря вечером мы выехали трёх тяжело нагруженных кибитках из Нижнего Новгорода, имея впереди ещё 11 тысяч вёрст до цели нашего путешествия. 30-го декабря мы прибыли в Казань, встретили новый год на небольшой

станции уже за городом и достигли 6-го января 1882 года город Пермь, несмотря на ужасно ухабистую дорогу. Отсюда мы воспользовались железной дорогой, проведённой в то время лишь до Екатеринбурга, поместив наши нагруженные повозки на платформы. Дальнейшее путешествие уже так часто описывалось, что мы можем ограничиться здесь лишь кратким очерком его, тем более, что мы совершили его, хотя и не совсем без препятствий, но и без особенных приключений.

В городах Екатеринбурге, Томске и Омске экспедиция останавливалась лишь на короткое время, тогда как в Томске пришлось сделать более продолжительную остановку. Здесь были закуплены большие запасы осветительного материала и провизии и отправлены прямо в Жигалово, один из начальных пунктов судоходства по верхней Лене. Так как в Томск мы приехали на масленицу, когда торговля на время прекратилась, то наше пребывание здесь ещё более затянулось.

Далее мы были задержаны перед городом Красноярском, где вследствие совершенного отсутствия снега на почтовой дороге наши кибитки не могли быть отправлены дальше. Только с помощью местной полиции удалось достать от крестьян достаточное число лошадей (до 38), чтобы добраться, оставляя Красноярск в стороне, окольными путями до следующей станции, где снова начался санный путь. Только 19-го февраля, уже с наступлением весны, мы достигли Иркутска. Здесь члены экспедиции на время разделились, ибо г. Юргенс спешил приехать в Якутск, пользуясь ещё зимней дорогой, чтобы вовремя, т.е. до открытия навигации на Лене, сделать там нужные приготовления к дальнейшему путешествию экспедиции; прежде всего ему надо было окончательно решить вопрос, жить ли экспедиции в доме, или в юртах. Гг. Эйгнер и д-р Бунге остались пока в Иркутске до открытия навигации на верхней Лене, так как только с открытием навигации можно было отправить дальше запасы экспедиции, которые между тем прибыли в Иркутск и здесь ещё значительно увеличились. Весь транспорт принял на себя торговый дом братьев Н. и П. Кузнецовых по поручению золотопромышленника камергера П.А. Сиверса, который изъявил готовность безвозмездно предоставить для транспорта приисковые барки и пароходы.

В свободное время путешественники занимались разными приготовлениями, метеорологическими и магнитными наблюдениями, а

также обучением наблюдению по инструментам и вообще арифметике нижних чинов, число которых было увеличено двумя из местного гарнизона. Кроме того в здешнем отделении Императорского Русского Географического Общества, президентом которого был в то время П.Ф. Унтербергер, обсуждался вопрос об основании предполагаемой промежуточной станции, и после продолжительных переговоров по телеграфу с С.-Петербургом было решено основать её в Преображенском на Нижней Тунгуске; заведывание этой станцией было поручено И.Д. Черскому.

Сибирская весна подвигалась вперёд с непреодолимой силой, и уже в конце апреля мы получили известие, что Лена вскрылась в верхнем своём течении и что скоро откроется навигация. 1-го мая кандидат Эйгнер и д-р Бунге выехали на колёсах из Иркутска в Качуту, начальный пункт судоходства по Лене. Накануне ночью, после тёплых, совершенно летних дней, выпал запоздавший снег; холмы в окрестности Иркутска, покрытые снегом и поросшие в то же время уже совершенно зелёными берёзами и лиловыми рододендронами, представляли чудную картину.

3-го мая путешественникам открылся с высоты вид на долину реки Лены, с которой с этих пор так тесно будет связана их судьба в продолжении двух лет. Здесь, в Качуге, господствовало большое оживление: одна барка за другой отчаливала от берега и пускалась по быстрому течению ещё узкой реки. Здесь мы узнали, что барки (называемые паузками), предназначенные для нас и нагруженные нашими запасами, уже ушли, и что мы должны на колёсах доехать до Жигалова, чтобы нагнать их там.

Мы тотчас отправились дальше и достигли Жигалова 4-го мая; но здесь наших барок ещё не было, так как они были задержаны на отмелях вследствие низкого уровня воды в реке.

От Качуги, как уже сказано, начинается судоходство по Лене, которое по верхнему её течению, а именно до Якутска, совершается преимущественно на так называемых паузках. На них доставляются все съестные припасы для городов, лежащих вниз по течению, а главным образом для больших золотых приисков. Пароходство очень слабо развито на Лене, и только маленькие пароходы могут достигать Жигалова или Качуги, и то только при очень высоком уровне воды. Пароходы принадлежат исключительно золотопромышленникам и находятся потому преимущественно в их распоряжении; только изредка (раза 2-3 за всё лето) они

предпринимают поездки в Якутск, главным образом с целью доставлять оттуда скот для массы рабочих на золотых приисках; пассажиров же они берут только при случае. Вследствие этого пассажиры, а также и почта доставляются летом вниз по течению на небольших лодках (шитиках), а вверх по течению эти лодки тащатся вдоль берега лошадьми. Почтовые станции расположены вдоль всей Лены до Якутска в расстоянии 20-25 вёрст одна от другой; зимою эти же станции снабжают путешественников лошадьми.

Паузки и карбасы

Паузки, приспособленные только для плавания вниз по течению, представляют из себя неуклюжие речные барки, дно которых сколачивается из брёвен, а боковые стены из толстых досок, связанных между собою деревянными гвоздями и ивовыми прутьями; такого рода суда строятся на верховьях Лены (выше Качуги) для транспорта товаров вниз по реке. По прибытии на место назначения их разбирают, и брёвна употребляются для различного рода построек, причём их первоначальное назначение всё-же узнаётся по тем отверстиям (на полах, заборах и прочего в Якутске), которые были сделаны для скрепления их деревян-

ными гвоздями. Железо вовсе не употребляется при постройке этих судов, и эта-то конструкция даёт им при известной упругости немалую устойчивость, так что они в состоянии выдержать более сильные напоры, чем прочнее построенные суда. Они вообще продолговато четырёхугольной формы с приделанным треугольным носом. Длина их от носа до кормы равняется приблизительно 35 футам, а ширина от 20 до 25 фут. Они поднимают от 1000 до 2000 пудов груза, причём они сидят в воде сравнительно неглубоко, всего лишь на 3 или 4 фута, так как дно их совершенно плоское. Главный четырёхугольный корпус покрыт хорошо сделанной дощатой крышей, а передняя открытая треугольная часть служит кухней и местом, где находятся гребцы; большая часть крытого корпуса предназначается для товаров и только небольшие помещения, отделённые дощатыми стенами, служат каютами для пассажиров. Так как паузки очень тяжелы и сидят в воде неглубоко, то течение реки и ветер оказывают на эти суда очень значительное влияние, а потому паузки вполне зависят от них во время движения. Помощью вёсел, обыкновенно двух, которыми гребут по 3 или по 4 человека, можно при благоприятных обстоятельствах изменять по желанию как направление, так и скорость движения. Для управления судном служит большое кормовое весло, сделанное из простого бревна, которым работают также несколько человек; при быстром же течении и сильном ветре не может быть и речи об управлении судами, и надо как можно скорее искать для них безопасное убежище. При вполне попутном ветре можно ставить парус, между тем как при противном ветре пользуются так называемым водяным парусом, благодаря которому течение реки получает большее влияние на судно. Большая часть этих паузков доходит до устьев Витима или Олёкмы с товарами и провизией для больших золотых приисков, лежащих по этим рекам; другая часть идёт до Якутска, причём эти суда нередко попадают в очень затруднительное положение вследствие господствующих здесь ветров при очень значительной ширине реки. Ниже Якутска почти никогда не решаются ездить на паузках, так как плавание на таких неуклюжих и ненадёжных судах по нижней Лене слишком рискованно. Даже пароходы, предназначенные исключительно для речного сообщения, ходят очень редко, и то лишь в виде исключения, ниже Якутска до устья Алдана, так как по своей конструкции они не могут выдержать бури и сильного волнения. Паузки с

менее высокими бортами и без крыши называются карбасами и служат для транспорта таких товаров, которые не портятся от влияния погоды.

6-го мая, благодаря сильному дождю, уровень воды в реке поднялся, и наши барки пришли в Жигалово. Началась нагрузка прибывших за зиму товаров, между прочим и доставленных для экспедиции из Томска, а 10-го наши барки отчалили и стали спускаться вниз по Лене.

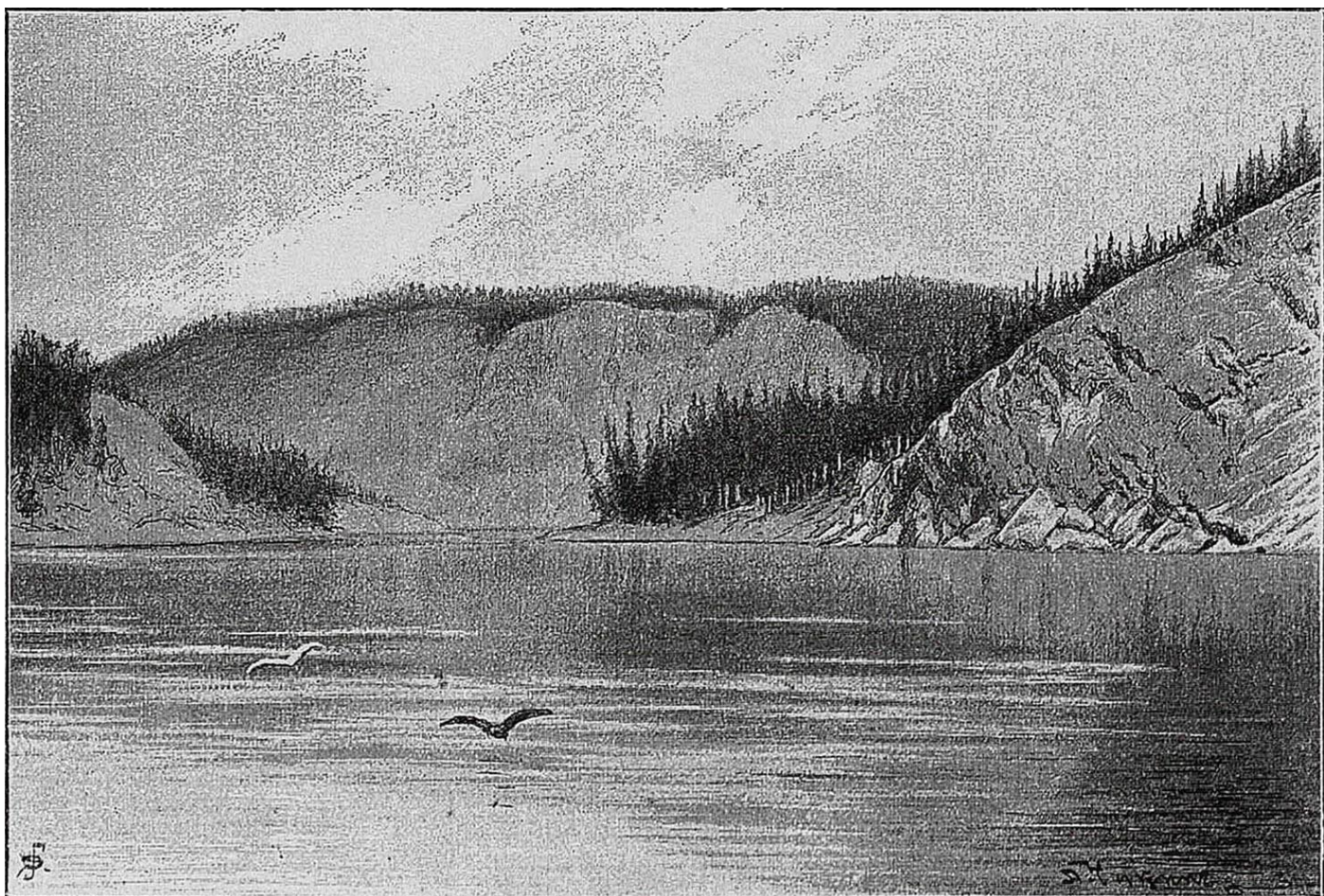
Такое путешествие весною доставляет большое наслаждение. Почти без всякого шума плывут барки вниз по чудной, всё более и более расширяющейся реке, лесистые берега которой представляют при каждом повороте всё новые живописные пейзажи. Притом нам благоприятствовала и погода: стояли чудные, ясные, тихие дни. Вокруг раздавались крики кукушки и пение птиц. Часто нам приходилось проезжать большие, густо населённые сёла, в которых господствовало в это время большое оживление. Особенно красивы берега реки ниже Киренска, у так называемых Щёк, где река извивается между крутыми утёсами, отвесно спускающимися к реке и достигающими нескольких сот футов высоты. Владельцы паузков очень опасаются этого места, так как при господствующем здесь сильном течении барки легко могут потерпеть повреждение у скалистых берегов. Один утёс считается особенно опасным и носит название «Пьяный Бык», потому что несколько лет тому назад об этот выступ разбилась барка, нагруженная спиртом.

27-го мая мы достигли Витимска, где пришлось пробыть несколько дней, так как отсюда до Якутска мы должны были продолжать путешествие на приисковом пароходе, который ещё совершал рейс вверх по Витиму.

Здесь мы опять встретились с лейтенантами флота Сев.-Ам. Соед. Штат. гг. Гарбером и Шютце, с которыми мы уже познакомились в Иркутске. Они строили здесь небольшую шхуну, на которой собирались достигнуть устья Лены, чтобы продолжать розыски погибшего экипажа «Жаннетты», особенно третьей шлюпки, пропавшей без вести.

31-го мая мы сели на пароход «Тихон Задонский», а наш багаж был нагружен на большую барку (так называемую баржу), куда поместились и наши люди. Эта баржа шла на буксире за нашим пароходом, так же, как и судно американцев, которые присоединились к нам.

Здесь у Витимска ширина реки превышает одну версту, и вскоре делается ещё значительнее, между тем как у Качуги она не достигала и 50 сажень.

«Щёки» ниже г. Киренска

Лесистые берега по временам очень живописны, особенно в одном месте, где крутые, ущелистые берега своими причудливыми формами напоминают развалины старых замков, дворцов и т.д.; это явление встречается отчасти и на верхней Лене и придаёт берегам особую прелесть.

4-го июня мы прибыли в Якутск, где встретились с начальником нашей экспедиции, г. Юргенсом, который между тем успешно окончил все приготовления по делам экспедиции, благодаря энергичному содействию Его Превосходительства Якутского губернатора, генерала Черняева. После долгого обсуждения было решено устроить станцию не в юртах, а в доме, который был уже выстроен на берегу Лены, с тем, чтобы быть разобранным и отправленным к устью Лены, где без особых затруднений можно будет вновь построить его. Хотя и без того значительный багаж экспедиции таким образом ещё больше увеличился, нам всё-таки не пришлось сожалеть о принятом решении: европеец всегда будет

чувствовать себя лучше в доме, чем в юрте, а кроме того сильные перемены температуры и теплота, излучаемая очагом, могли бы оказать вредное влияние на инструменты, отсчитываемые в комнате.

Таким же образом были выстроены будка для астрономических наблюдений и клетка для помещения термометров, которые тоже могли быть разобраны и нагружены на паузки. Приобретены и главнейшие запасы провизии: мука, солёное и копчёное мясо, масло и проч. в достаточном количестве для продовольствия в продолжение более чем одного года.

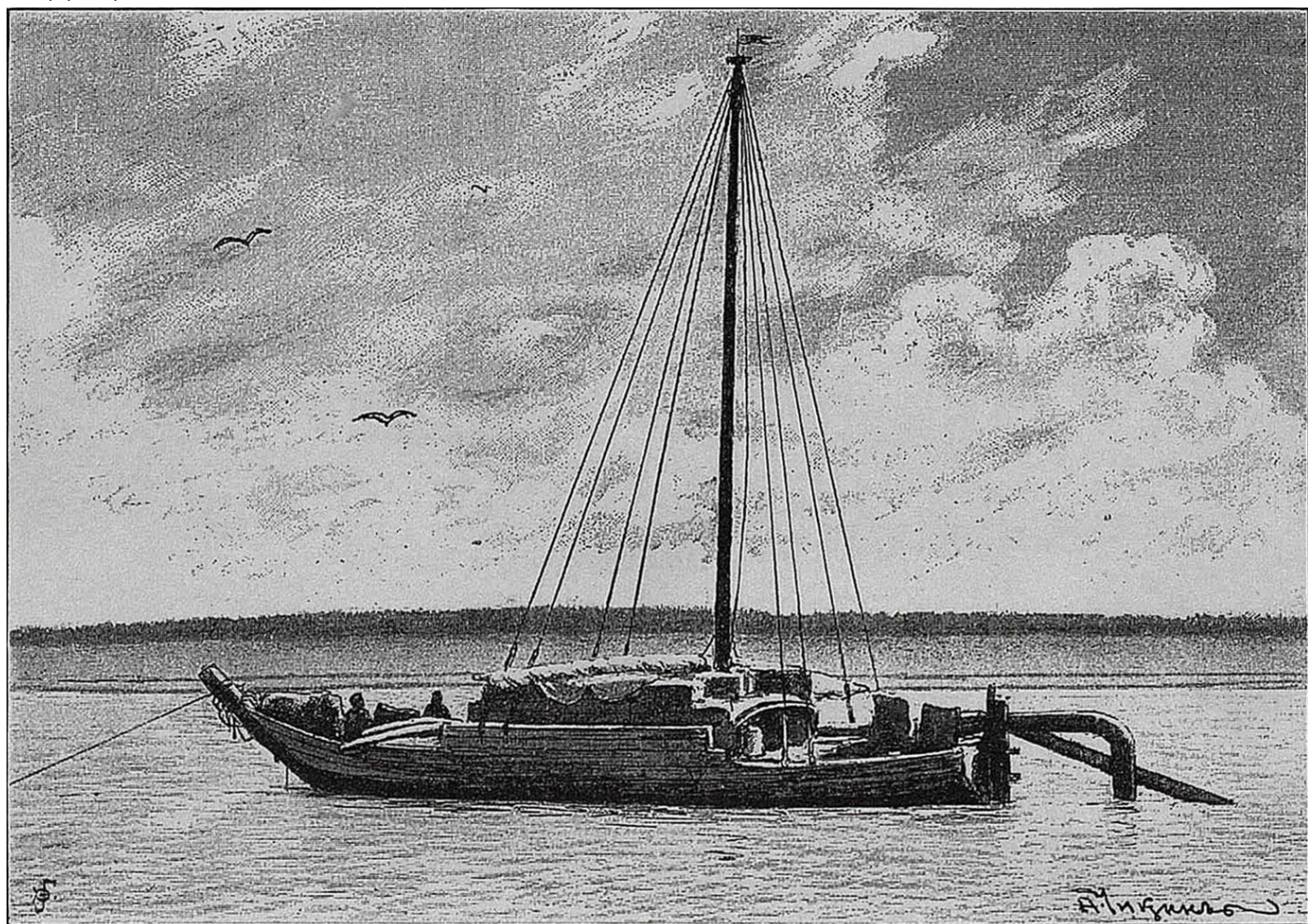
Главное затруднение представлял теперь дальнейший транспорт всех этих вещей и строительного материала, что вместе составляло груз, доходящий до 8000 пудов.

По нижней Лене, от Якутска до её устья, ходят так называемые каюки, большие суда первобытной конструкции, которые однако при всех недостатках имеют некоторое сходство с парусными судами; они несравненно надёжнее паузков и гораздо легче управляются. Наибольшие из них поднимают от тысячи до тысячи пятисот пудов груза.

Каюки разделяются по их владельцам на две категории, на рыбачьи и на купеческие, совершенно сходные по конструкции. Первые зимуют в Якутске и отправляются тотчас же по вскрытии реки, «вслед за льдом», как выражаются здесь, вниз по течению, для ловли рыбы в окрестностях Булуна; со своим уловом они возвращаются в Якутск уже осенью, обыкновенно в сентябре. Булун они неохотно покидают позже 20-го июля, так как, в случае каких-нибудь непредвиденных задержек, они могут быть настигнуты ледоходом, что помешает им добраться до своей цели и поставит их в самое затруднительное положение.

Купцы зимуют близ устья Лены, в Усть-Янске и других местах, а их каюки остаются у Булуна, который они покидают с наступлением лета (в начале июня), нагруженные купленными и вымененными товарами, преимущественно мехами и мамонтовой костью; в Якутск они приходят в середине июля, как раз к началу большой ярмарки, имеющей огромное значение для всей Якутской области. В середине или в конце августа они покидают Якутск с запасом разных товаров, нужных обитателям севера как-то: материя, чай, табак, сахар и т.д., и в конце сентября достигают снова Булуна.

Лишь с 1879 года по нижней Лене совершал рейсы также пароход, а именно «Лена», спутник знаменитой «Веги», который въехал в реку с её устья и делал каюкам некоторую конкуренцию. Пароход этот был в то время как раз занят, а кроме того он и не вместил бы всего багажа экспедиции.

Каюк на р. Лене

Число рыбачьих каюк было в то время очень ограничено и тех, которые могли быть предоставлены в наше распоряжение, не достало бы, чтобы поднять весь багаж экспедиции, не говоря уже о том, что от того приостановилась бы доставка рыбы в Якутск. Таким образом мы были вынуждены совершить плавание на паузках, хотя опытные плователи по р. Лене покачивали головой и уверяли, что это отчаянное предприятие, что паузки не в состоянии выдержать страшных бурь на нижней Лене при значительной ширине реки и сильном волнении, и что мы никогда не достигнем нашей цели. Но «нужда свои законы пишет», и потому мы начали нагружать весь наш материал и нашу провизию на три паузка и один карбас, на который поместили и двух коров и одного телёнка.

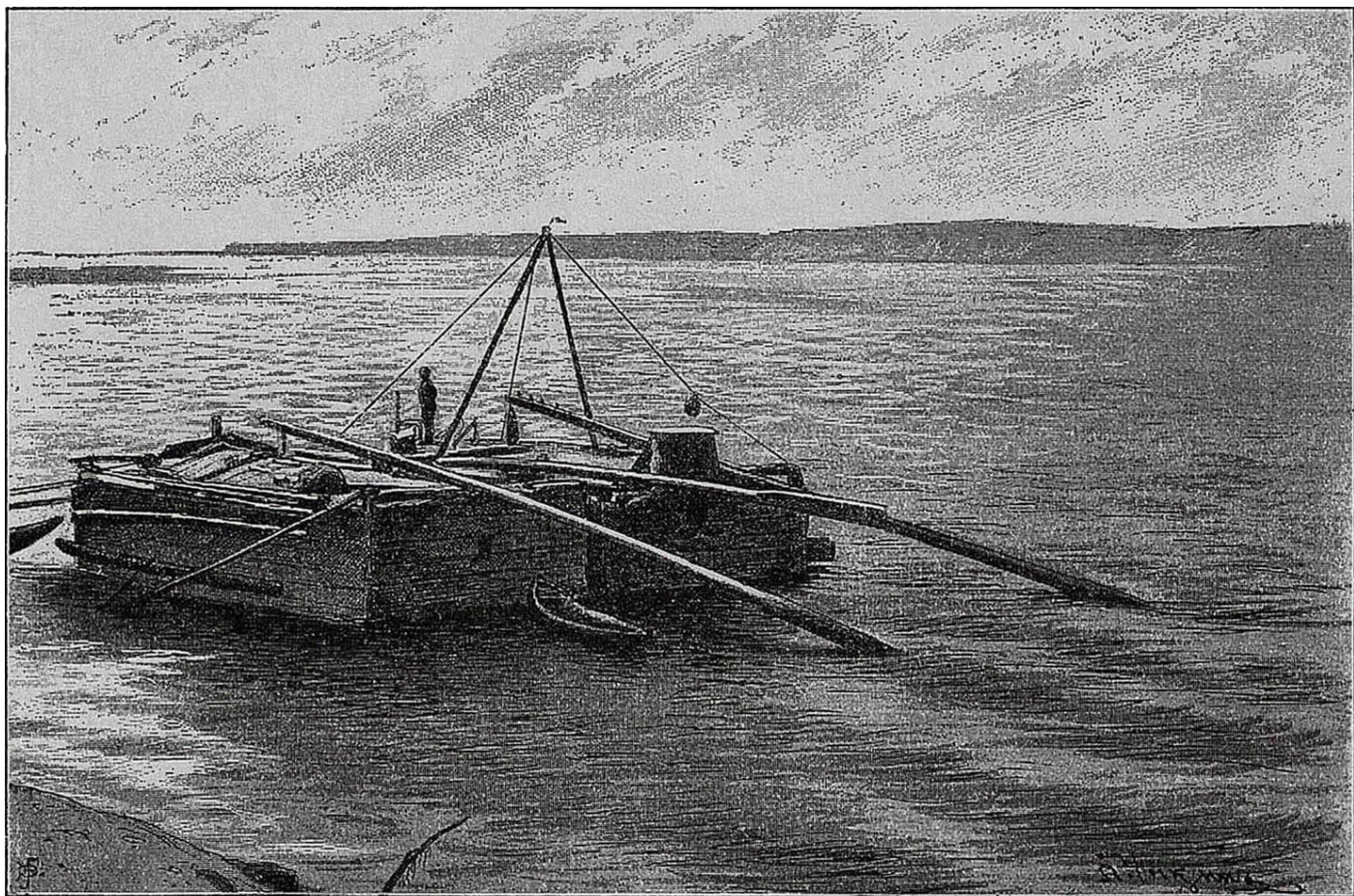
Было нанято достаточное количество рабочих и гребцов, а управление судами поручено двум опытным лоцманам. Таким образом ничего не препятствовало нашему отъезду. Незадолго до нас покинули Якутск и американцы на шхуне «Search».

В день отъезда в присутствии Его Превосходительства Якутского губернатора на паузках был отслужен молебен, и были освящены сами паузки.

В г. Якутске состав экспедиции увеличился ещё на одно лицо; к ней был прикомандирован, казак А. Большев в качестве переводчика якутского языка и впоследствии наблюдателя.

19-го июля в 6 часов вечера были, наконец, окончены все приготовления, закупки и нагрузка на паузки, и экспедиция пустилась в путь на четырёх барках (3-х паузках и 1-ом карбасе), снайтовленных попарно. Долго ещё слышны были громкие прощальные крики провожавших нас Якутских друзей. Погода стояла тихая и тёплая; под вечер и следующую ночь с разных, сторон наблюдались грозы. Река, покрытая множеством островов, частью поросших лесом, достигает ниже Якутска приблизительно 15 вёрст ширины. Низкие вообще берега Лены по большей части покрыты смешанным лесом (лиственница, тополь, берёза, ель, сосна и кедр).

Утром 20-го июня сильный ветер заставил нас пристать к левому берегу реки; место, к которому мы причалили, оказалось очень интересным в геологическом отношении, так как здесь на берегу, поднимающемся приблизительно на 150 футов над водой, были залежи каменного угля, которые, как мы раньше слышали, горят уже в продолжении нескольких лет. Но подъезжая к берегу, мы заметили, что вблизи одной шахты лишь тлела куча угля. Местами слой угля достигал толщины в несколько метров. Каменный уголь, встречающийся на Лене, принадлежит, как известно, к юрской формации, имеет местами блестящий вид, твёрд и жирен, и потому весьма пригоден, как показали опыты в Иркутске, для приготовления газа; для топки же машин его не столь выгодно употреблять, так как он даёт слишком много золы. Но надо полагать, что со временем будут найдены залежи угля, содержащего меньше золы, который принесёт немало пользы будущему судоходству по Лене и другим промышленным предприятиям.

Паузки Ленской экспедиции

К этой стоянке нас принудил не только сильный ветер, но и то обстоятельство, что вторая наша барка села на мель. Так как фарватер реки с каждым годом меняется, да и вообще мало известен, то нередко случалось, что та или другая барка, благодаря своей неповоротливости, попадала на мель, и только с большой потерей времени и труда, причём рабочим часто приходилось спускаться в воду, удавалось приводить барки снова в движение. Подобные приключения случались так часто, что мы здесь не будем останавливаться на каждом отдельном случае; этот раз барка, попавшая на мель, скоро догнала нас и мы вместе поплыли дальше и причалили после полудня 20-го июня к правому берегу, недалеко от селения Намский Улус. Так как в последние дни в Якутске у нас не оставалось ни минуты свободного времени, то мы хотели воспользоваться этой стоянкой, чтобы написать, наконец, все нужные письма и отправить их в Якутск с казаком, сопровождавшим нас именно для этой цели. Здесь мы впервые познакомились с бичом всех сибирских путешественников, а именно с комарами, от которых нам не суждено было так скоро освободиться. Ничем не возможно отогнать этих кровожадных насекомых; они проникают всюду, так что скоро все непокрытые части

тела, лицо, уши, затылок и руки, сильно пухнут; особенно страдают уши. Уколы их очень чувствительны и вызывают продолжительный зуд, вследствие которого, особенно во время сна, ещё больше раздражаешь кожу. Единственным спасением, особенно на воде, служит свежий ветер; но лишь только он утихает, насекомые тотчас же появляются из своих убежищ. Таким убежищем служит им особенно промежуток между обеими барками, где они сидят целыми тысячами и откуда мы тщетно старались прогнать их.

21-го мы поехали дальше и уже утром 22-го увидели на С.-В, Алданские горы, отроги Верхоянского хребта. Синеватые горы, местами покрытые снегом, несколько разнообразили довольно скучный ландшафт.

Река достигает здесь необычайной ширины, местами доходящей до 30 вёрст, а если верить нашим лоцманам, то и до 50 и более. Берега её только изредка бывают видны из-за, массы островов, и то лишь в виде узкой синеватой полосы. Казалось, что мы едем по огромному озеру и только течение напоминало, что мы плывём по реке. Горизонт на север и на юг часто представлял безбрежное водное пространство, на котором отдалённые острова обрисовывались в виде висящих в воздухе пятен; только по мере приближения к ним обнаруживалось, что это были действительно острова. Характер этих островов везде один и тот же; бóльшие из них покрыты густым кустарником (ивами и другими кустарными растениями, как-то: *ribes*, *viburnum*, *rharnus*). Отдельные стволы очень вытягиваются вследствие густой заросли у их подножия и имеют при том только небольшую макушку, так что издали они напоминают собою тростник. В половодье весною все эти острова совершенно затопляются и ещё в середине лета заметны следы этих наводнений и ледохода, так как все кусты наклонены по направлению течения реки. Южный берег острова представляет самую высокую часть его и беспрестанно обваливается, на северной же части образуются низкие песчаные наносы, лишённые всякой растительности. Таким образом остров всё подвигается вследствие постоянных обвалов с южной части и наносов с северной, по направлению течения реки. Только на некоторых островах небольшие еловые леса указывают на более продолжительное существование их. На островах находятся озёра в роде лагун, служащие местом вывода миллионов комаров, которые скрываются в

чащах кустарников острова. Горе тому, кто отважится проникнуть в эти чащи: дорого придётся ему поплатиться за свою любознательность!

В полдень 22-го июня мы пристали к острову близ устья Алдана, чтобы произвести здесь астрономические определения. В три часа наблюдения были благополучно окончены, и мы продолжали наше плавание 22-го и 23-го июня, хотя отчасти и с попутным ветром, но всё же не без некоторых затруднений (как, например, сильный туман). 24-го вечером мы достигли устья Вилюя, где к правому берегу реки снова подходит горный хребет. При устье Вилюя не видно и следа какого-бы то ни было селения, не говоря уже о «городе Усть-Вилуйске», означенном на карте. Мы остановились у совершенно пустынного острова, обитаемого лишь миллионами комаров, чтобы и здесь произвести магнитные и астрономические наблюдения. Неблагоприятная погода, сильный ветер и тучи задержали нас здесь до вечера 25-го, когда мы, наконец, были в состоянии продолжать наше плавание. От Алдана до Жиганска на берегах Лены не заметно никаких больших поселений; только на некоторых островах мы встретили якутских рыбаков, снабдивших нас чудной рыбой (стерлядь). Пойманную рыбу они пускают в находящиеся на островах лагуны, откуда её потом уже не трудно выудить; осенью же, с наступлением постоянных морозов, всю накопившуюся за лето рыбу в мороженном виде доставляют по большей части в Якутск.

В следующие дни часто разражались грозы, сопровождавшиеся сильным ветром; так в ночь с 27-го на 28-е июня после сильных гроз задул от северо-запада шторм, который привёл паузки, севшие на мель, в очень опасное положение; вследствие сильного волнения наши барки, связанные вместе, сильно ударялись друг о друга и только с большим трудом удалось разъединить ужасно трещавшие и качавшиеся суда. Во время этой бури, сопровождавшейся дождём, температура воздуха значительно упала. Это был, так сказать, первый привет Ледовитого океана!

Рано утром 29-го июня мы проехали устье Чиримыя (левого притока Лены), где в откосе берега, поднимающегося здесь несколько выше, были найдены Чекановским интересные окаменелости. Мы спешили вперёд, имея всё время ввиду нашу цель: как можно скорей достигнуть устья Лены. Немного дальше мы встретили купца, ехавшего с несколь-

кими каюками в Якутск. Мы стали делать ему знаки, чтобы он остановился, что он и исполнил. Мы также причалили к левому берегу и передали ему наши письма для доставки их в Якутск. На следующий день мы миновали лежащий около 50 вёрст выше Жиганска остров «Столб», единственный скалистый, а не наносный остров Лены (исключая острова близ устья). С ним связана следующая якутская легенда. Рассказывают, что когда в прошлом столетии был уничтожен город «Красное» и все его жители переведены в Жиганск, то три сестры не захотели покориться этому распоряжению и озлобленные поселились на этом острове, где они обитают до сих пор в образе ведьм. С проезжающих мимо острова они взимают дань в виде водки и муки, которые надо бросить в воду около острова, а в случае отказа от уплаты дани и непочтительного поведения относительно возмущённых сестёр, болезнь и всякого рода несчастья неумолимо постигают непокорных.

Начиная с этого места река принимает другой характер: берега, особенно левый, делаются выше, и состоят из слоистого камня, между которым заметны обыкновенно два-три пласта каменного угля. Острова встречаются реже и делаются меньше, и берега, приблизившиеся друг к другу, по большей части отчётливо видны; река течёт одним руслом шириною от 10 до 15 вёрст.

К вечеру 1-го июля мы увидели церковь Жиганска, расположенную на высоком левом берегу, которая, казалось, приветливо приглашала нас остановиться. В 6 часов наши барки вошли в устье речки Жиганки, на живописном берегу которой расположен город, если только можно дать Жиганску это название. В прошлом столетии Жиганск пользовался некоторым значением и был даже окружным городом. Но после того, как к концу прошлого столетия он был разорён и сожжён шайкой разбойников, пришедших с востока вниз по Алдану, большая часть жителей покинула эту опасную местность, и только остатки развалившихся юрт и домов указывают на некогда густое население.

В настоящее время население Жиганска состояло только из 5 лиц: священника, его жены, дочери, зятя и проживающей здесь вдовы, если не считать немногочисленной тунгусской прислуги. Жалкую, однообразную жизнь ведут эти люди, единственным развлечением которых служат проезжающие мимо их поселения каюки. Впоследствии мы

узнали, что большинство этих людей умерло от оспы, свирепствовавшей осенью 1883 года, так что священник остался почти совсем один. Тяжёлое впечатление производят развалившиеся дома и юрты, окружённые множеством густо разросшихся цветущих растений: они напоминают собой кладбище.

Туземец верхом

Первоначально предполагалось устроить в Жиганске промежуточную станцию, но от этой мысли пришлось отказаться вследствие недостатка лиц, которые могли бы производить наблюдения.

Мы намеревались произвести здесь астрономические наблюдения для точного определения географического положения места. Раскапывая землю, мы наткнулись на 1½ аршина от поверхности на вечномёрзлую почву.

Из-за тумана и пасмурной погоды мы простояли здесь больше, чем предполагали. Во время нашей стоянки приехала из Якутска лодка с несколькими казаками, которые были посланы оттуда 6 дней после нашего отъезда, чтобы настичь политических преступников, бежавших из Верхоянска, где они находились в предварительном заключении, и

пустившихся в лодке вниз по Яне. Они намеревались достигнуть Ледовитого океана и потом вдоль берега направиться к востоку, в надежде наткнуться на американских китоловов, которые доставили бы их в Америку.

Оба предприятия окончились очень плачевно. Преступники были скоро настигнуты погоней из Верхоянска у устья Яны, а лодка казаков потерпела аварию в губе Борхая между устьями Лены и Яны и была совершенно разбита; бедные казаки с трудом и большими лишениями лишь поздно осенью добрались до Якутска. Плавание по Ледовитому океану, тем более на таких ненадёжных судах, слишком рискованное предприятие!

Мы снабдили казаков некоторыми припасами и лекарствами, в которых они очень нуждались; после непродолжительного пребывания в Жиганске они отчалили от берега с песнями и ружейной пальбой и продолжали своё плавание.

Только 4-го июля мы могли пуститься в дальнейший путь; при отъезде мы оставили старому священнику, который был в то время очень болен, лекарства и несколько предметов роскоши, за что он в свою очередь подарил нам прекрасной свежей рыбы.

Погода стояла тихая и ясная, и наши барки спокойно плыли вниз по течению чудной реки, вдоль левого её берега, на котором всё время виднелись слои каменного угля.

Под вечер погода сделалась пасмурная, и поднялся свежий южный ветер; мы быстро плыли дальше под парусами, несмотря на довольно тёмную ночь. Вдруг около часа ночи 5-го числа ветер переменялся и подул с запада. Мы находились как раз в это время под прикрытием низкого острова и поспешно бросили якорь, чтобы нас не отнесло от острова к правому берегу реки. Однако ветер скоро обратился в шторм, якорный канат не выдержал и лопнул приблизительно при 10 саженьях глубины реки. Второй якорь был настолько ненадёжен, что мы и не пытались воспользоваться им.

Таким образом мы очутились в полном распоряжении ветра и волн и неслись довольно скоро к правому берегу, где в туманных очертаниях подымался грозный мыс Кыстатом высотой приблизительно в 200 футов. При чрезвычайно сильном ветре и высоких, постоянно увеличивающихся волнах, наши барки, казалось, неминуемо налетят на крутой

мыс и разобьются. «Вот конец Ленской экспедиции», сказал паш начальник и стал строить планы, что предпринять, если дело примет действительно плохой оборот.

В 2 часа утра, когда уже начало светать, наши барки, которые сильно трещали и качались, были прижаты к берегу. К счастью ветер несколько стих, а вместе с тем оказалось, что скала спускается в воду не круто и что низкий, хотя каменистый берег перед ней покрыть массой наносного леса; при помощи этого леса удалось подпереть наши барки, и защитить их таким образом от самых сильных напоров волн.

Профиль мыса оказался интересным в геологическом отношении, так как здесь находилось очень много окаменелостей, и было бы, конечно, весьма желательно и поучительно исследовать его подробнее, чем позволяло нам наше бедственное положение.

В 4 часа дня мы могли отправиться далее, не потерпев особенно значительных повреждений.

В следующие дни мы часто проезжали мимо поселений, расположенных по островам; мы находились в области, где летом в больших размерах производится рыбная ловля. Преимущественно здесь встречаются следующие породы рыб: муксуны, нельмы и стерляди. Рыбной ловлей занимаются или сами обитатели берегов Лены на издавна намеченных местах, или же рыбаки из Якутска, которым туземцы отдают эти места в аренду.

Количество солёной и сушёной рыбы, ежегодно доставляемой в Якутск, колеблется между 7 и 10 тысячами пудов, смотря ко тому, насколько обилен был улов; однако утверждают, что в последние годы количество рыбы постоянно уменьшается.

Берега реки по большей части высоки и такого же характера, как у мыса Кыстатома; только по временам устье какого-нибудь притока позволяет заглянуть вглубь страны и взорам нашим открывается ландшафт, покрытый холмами и поросший редким лесом из лиственницы.

7-го июля приехал к нам из Булуна помощник головы, который выехал нам навстречу, чтобы остаться у нас и помогать нам советом и делом во время вашего дальнейшего плавания.

Несмотря на частые сильные ветры, которые так легко могут сделаться очень опасными при столь значительной ширине реки, мы счастливо плыли дальше и достигли 9-го июля около 9 часов вечера селения

Сиктях (на 70° сев. шир.), где несколько лет тому назад путешественникам Чекановскому и Мюллеру на обратном пути с Оленька оказали такой радушный приём в доме казака Решетникова.

Мы въехали на наших барках в защищённую бухту несколько выше деревни Сиктях.

Ночью перед тем мы в первый раз увидели полнощное солнце; своим красноватым светом оно освещало нашу скромную каюту.

Температура упала за последние дни до 10°Ц.; заметно было, что мы приближаемся к Ледовитому океану.

Население местечка Сиктях состоит из 50-60 человек, которые занимаются преимущественно рыбной ловлей и только отчасти охотой. Самый выдающийся и богатый из них был во всяком случае отставной казак Решетников, в доме которого мы были очень радушно приняты. Самого хозяина не было дома, так как он совершал поездку в Якутск. В то время здесь строился новый дом из лежачих брёвен, очень роскошный для Сиктяха. Материал для него дала сама «матушка Лена», выкинув на берег реки какую-то барку или плот, которым Решетников воспользовался. Здешний жалкий лес из лиственницы не даст уже строевого материала, а берёза и ель здесь больше не встречаются.

Все остальные строения местечка — юрты, которые строятся в форме усечённых пирамид из поставленных наклонно досок или тонких брёвен и покрываются дёрном. Они отапливаются исключительно очагами или каминами. Такого рода постройки заимствованы у якутов и на севере употребляются повсеместно и русскими, с той лишь разницей, что у последних юрты просторнее, чище, выстланы полами и часто состоят из нескольких комнат, что достигается соединением нескольких юрт вместе.

В Сиктяхе можно ещё заниматься немного огородничеством (здесь спеют картофель, редька и морковь), хотя оно находится в очень жалком состоянии и встречается лишь у зажиточных людей.

Сильный противный ветер задержал нас здесь дольше, чем мы намеревались. Ниже Сиктяха на реке было очень мало островов, а потому при дальнейшем плавании трудно было найти убежище в случае внезапного ветра, и барки наши могли подвергнуться большой опасности при сильном волнении в столь широкой реке.

С другой стороны мы опасались, что, вследствие частых вынужденных остановок, которые по мере приближения к северу всё учащались из-за сильных бурь, мы или вовсе не достигнем нашей цели: устья Лены, или приедем туда слишком поздно, чтобы начать наблюдения в назначенный срок (1 сентября по новому стилю). Все эти соображения причиняли нам немало забот.

Между тем время не проходило даром; производились магнитные и астрономические наблюдения, д-р Бунге обогащал свои зоологические, ботанические и геологические коллекции, и кроме того мы воспользовались свободным временем, чтобы запастись камнем для устройства столбов под магнитные и астрономические приборы. Очень пригодным для этой цели оказался находящийся здесь песчаник в форме плоских плит, так как он, как показали исследования, вовсе не содержит железа; эти плиты можно было легко выломать в достаточном количестве и нагрузить на барки.

Намерению двинуться в дальнейший путь 15-го июля помешал внезапно поднявшийся сильный ветер, так что мы могли лишь 16-го продолжать наше плавание.

Река делается ниже Сиктяха ещё уже, достигая всего от 7 до 8 вёрст ширины, и с обеих сторон видны холмистые берега, поросшие редким лесом.

В 7 часов вечера мы проехали селение Говорово, где рыбная ловля находилась в полном разгаре; но жители жаловались на плохой улов и думали, что зимою предстоит голодовка, хотя, как мы потом узнали, такие предположения повторяются каждую осень.

Позже вечером подул всё усиливающийся NNW, который мог бы причинить нам много вреда, если бы нам не удалось, после четырёхчасовой усиленной работы, вовремя укрыться у отмели около устья реки Семейки. Река здесь ещё уже, всего только от 4 до 5 вёрст, но глубина её очень значительна: на 17 сажень глубины мы не достигали дна. Ветер, дующий против течения, подымал очень высокие волны, которые могли сделаться очень опасными нашим баркам.

До утра 18-го июля продолжалась холодная, дождливая и бурная погода; потом прояснилось и скоро после часа пополудни мы могли продолжать путь.

К вечеру мы достигли селения Летовье у речки того же названия, и, так как наши лоцманы опасались ветра, бросили якорь около устья этой речки. Здесь жило довольно большое число туземцев в сравнительно чистых юртах. Д-ра Бунге везде звали к больным, которых он по большей части мог снабдить лекарствами из своей богатой аптеки. Свежая рыба была здесь в изобилии, и мы могли вдоволь полакомиться ею.

Так как до полуночи не поднимался предполагаемый ветер, то мы поехали дальше.

Местность делается всё живописнее и гористее; с обеих сторон, особенно же с правого берега, к реке подходят высокие горы, покрытые зеленоватым мхом и лишаями; это — отроги Хараулахских гор. Некоторые из них отчасти покрыты свежевypавшим снегом.

Быстро течёт чудная река одним руслом в этой пустынной и мрачной местности, не лишённой всё-же своеобразной прелести.

Утром 18-го и 19-го мы встретили ещё возвращающиеся в Якутск рыбачьи каюки. На одном из них нам рассказали, что жителей Булуна очень тревожит наш приезд, так как распространились ложные известия о наших целях и намерениях, а именно, что мы едем к ним с враждебными целями, везём с собою пушки и проч., так что многие туземцы, со своими начальниками во главе, скрылись в горах. Однако эти рассказы были по-видимому преувеличены, в чём мы убедились, когда 19-го июля в половине 12 ч. дня пристали к Булуну и на наши барки явился голова Жигаиского Улуса в сопровождении двух писарей: Корякина и Попова, русских по происхождению, и предложил нам свои услуги. Мы с удовольствием приняли их, так как вследствие болезни некоторых из наших рабочих нам надо было заменить их другими. Кроме того мы должны были нанять здесь нового лоцмана, кроме прежних двух, которые были знакомы с рекой лишь до Булуна, как до конечного пункта судоходства по Лене, и не брали на себя ответственности вести нас дальше. При дальнейшем же плавании ниже Булуна следовало быть крайне осторожным, так как река, стеснённая высокими горами, у Булуна и немного ниже имеет лишь незначительную ширину при очень сильном течении, а дальние делается опять гораздо шире, причём левый (западный) берег понижается; таким образом большое водное пространство совершенно открыто с.-з. и з. сильным ветрам, непрерывно дующим с Ледовитого океана.

Вскоре, однако, нам удалось найти опытного старого тунгуса, который согласился провести нас в дельту, хорошо ему знакомую. Новых рабочих предполагали нанять частью здесь, частью в лежащих несколько ниже местечках Аякит и Кумак-Сур.

Булун, как уже сказано выше, одно из значительных селений по Лене; это последняя деревня, обитаемая русскими, с церковью и постоянно проживающим здесь священником, место управления Жиганского Улуса, конечный или начальный пункт судоходства по Лене. Ниже Булуна, до Кумак-Сура, ходят только немногие рыбацьи каюки, с которыми за последние годы сильно конкурирует пароход «Лена». Купцы никогда не ездят дальше Булуна или Кихюра (Кичюра), лежащего против Булуна на правом берегу. Но только немногие из них зимуют здесь; другие отправляются на зиму (до конца апреля) в Устьянск, откуда они вступают в торговые сношения с живущими далее на восток юкагирами, тунгусами, ламутами и даже чукчами. В Булуне складываются все товары, приобретённые купцами между Апабарой и Алазеей, преимущественно меха и мамонтова кость; последней, по словам купцов, доставляется ежегодно вверх по течению на ярмарку в Якутск около 1200 пудов.

Булун находится на левом берегу Лены, где река делает поворот на запад (Булун, по-якутски: изгиб, поворот реки), и лежит на 70 футов выше обыкновенного уровня воды. Селение, окружённое довольно высокими горами, само расположено на более ровном месте. В середине находится церковь, а вокруг неё живописно раскинулись юртообразные дома жителей, казённые магазины и т.д. Приветливо доносился до нас звон церковных колоколов, который мы уже так давно не слышали.

До полудня следующего дня нас задержал здесь свежий южный ветер, во время которого, как нам сказали, очень опасно огибать мыс, находящийся немного ниже Булуна. В 2 часа мы отплыли из Булуна, и миновали в 6 часов Аякит; вечером мы любовались чудным северным ландшафтом, освещённым красноватым солнцем. Особенно высокие горы левого берега казались местами как бы покрытыми зелёным бархатом. Стояла чудная тихая погода, и барки быстро спускались вниз по реке.

Но вскоре картина изменилась. Внезапно поднялся свежий, всё усиливающийся с.-з. ветер, вся местность окуталась серою дымкой, и очень

высокие крутые волны стали немилосердно раскачивать и рвать наши связанные барки. Мы находились в середине реки, и нам грозила опасность, что ветер пригонит наши барки к правому берегу, где при сильном прибое они неминуемо разобьются о крутые утёсы. Потому мы всеми силами должны были стараться достигнуть левого берега, который укрыл бы нас от ветра, что было, конечно, нелёгкой работой. Долго казалось, что нам не удастся сдвинуть с места трещащие, стонущие барки, отдельные части которых, вследствие их шаткой конструкции, тёрлись друг о друга. Волны становились всё выше и выше, так как ветер постоянно усиливался, и дул на нас с огромной водной поверхности. Наконец нам удалось, с помощью парусов и непрерывной усиленной работы гребцов, сдвинуться с места по направлению к левому берегу, и после 5-часовой напряжённой работы мы, наконец, благополучно достигли его близ небольшой речки Крестях, где мы бросили якорь.

Долина притока р. Лены около границы лесов

Здесь мы собственно уже миновали границу лесов, так как она пересекает Лену приблизительно у Аякита. Только вдоль берегов реки тянется ещё жалкий лес дальше на север, а именно до острова Тит-Ары

(Лиственничный остров приблизительно на 72° с. ш.) и противолежащего ему берета реки, где ещё встречаются небольшие рощи лиственницы.

В ущельях берегов часто виднелись массы прошлогоднего снега, спускающиеся почти до Лены; вряд ли растают они ещё в продолжение этого лета, которое приближалось уже к концу. Всё напоминало нам, что мы сильно подвинулись на север; уже у Аякита мы переступили 71° с. ш. Температура воздуха упала до +5° Ц.

Наученные опытом последней недели, мы развязали паузки, предоставив каждому идти отдельно. Связанные барки до того рвало в разные стороны, что легко могла образоваться внезапная сильная течь, от которой барки неминуемо пошли бы ко дну.

Ветер задержал нас здесь до 23-го июля, когда стало немного тише и мы могли в 9 часов утра продолжать плавание; но мы всё же были рады, что к вечеру нашли убежище в устье речки Тигие, так как ветер (N) снова окреп и стал сильнее раскачивать наши барки. Утёсистая глубокая долина интересна во многих отношениях; могучие профили берегов давали понятие о современном геологическом состоянии местности (везде здесь встречался каменный уголь), а в защищённой долине развивалась сравнительно богатая растительность.

Также и царство птиц представляло довольно много интересного, так например, это самое северное место, где встречается ещё порода ласточек, очень сходных с нашими домашними ласточками; они строят здесь свои гнёзда подобно нашим, но только на выступающих скалах, так как человеческих жилищ здесь нет.

Здесь присоединились к нам вновь нанятые рабочие, чтобы отправиться с нами к устью Лены. Между ними находилось несколько человек, никогда в своей жизни не выдавших коровы и смотревших потому на наших коров с нескрываемым ужасом; один даже сказал, что он скорее согласится идти без всякого оружия на медведя, чем связаться с таким страшным зверем, это де чистый чёрт с рогами!

Главный контингент коренного населения Лены состоит из якутов (турецко-татарского происхождения), которые, однако, на нижней Лене и особенно у её устья слились с первоначальным населением страны, тунгусами (маньчжурского происхождения). На юге оба племени больше отличаются друг от друга вследствие различного рода занятий

и образа жизни. Между тем как якуты — народ оседлый, занимающийся скотоводством и даже хлебопашеством, тунгусы остаются кочующим охотничьим народом, промышляющим рыбной ловлей и оленеводством. На севере же, где одинаковые занятия (скотоводства здесь уже совсем нет; оно заменяется охотой, рыбной ловлей и оленеводством) сблизили оба эти народа, они почти совершенно слились в одно племя и часто бывает трудно узнать, имеешь ли дело с тунгусом или с якутом, хотя чистый тип обоих этих народов совершенно различный. В общем можно сказать, что ездящие на собаках и более оседлые — якуты, а владеющие оленями — тунгусы. Но здесь живут и настоящие якуты, которые так же, как и тунгусы, ведут кочевой образ жизни и занимаются оленеводством. Господствующий язык, повсеместно, якутский, на нём говорят как русские, так и тунгусы; только в виде исключения в юрте тунгуса услышишь иногда первоначальный язык наряду с позднейшим якутским.

Ночью с 23 на 24 шёл дождь, и когда 24-го прояснилось, то некоторые вершины высоких гор были покрыты свежим снегом. В то же время стало несколько тише и к вечеру 24-го мы могли рискнуть покинуть наше убежище, устье Тигие, и пуститься в дальнейший путь. Около 11 часов вечера мы проехали Кумак-Сур, последнее большее селение на Лене, важное своим значительным рыбным ловом; но оно заселено лишь летом во время рыболовства, а зимою жители переселяются в более защищённые долины притоков Лены. До 7 часов утра 25-го стояла очень хорошая погода. Мы находились уже против острова Тас-Ары («Каменный остров»), когда вдруг поднялся сильный NNO, который пригнал нас к левому берегу реки; здесь нам удалось подпереть наши сильно качавшиеся барки выкидным лесом и уберечь их от сильных толчков. Ветер скоро переменял направление и подул с NNW, но сделался уже значительно слабее, так что всякая опасность миновала. Совершенно прояснилось, показалось солнце и нашим взорам открылась картина местности, в которой мы находились. На западе находился левый берег Лены, представляющий низкую каменистую тундру, понемногу поднимающуюся в западном направлении; пред нами на север простиралось безграничное водное пространство; направо от нас лежал

довольно высокий каменистый остров Тас-Ары, а дальше голубоватыми зигзагами виднеются Хараулахские горы, которые доходят на севере до устья Лены (на $72\frac{1}{2}^{\circ}$).

В 8 часов вечера мы продолжали наш путь по совершенно гладкой поверхности реки. Вдруг поднялся свежий западный ветер, погнавший нас, несмотря на отчаянную работу гребцов, на северную оконечность Тас-Ары, где мы скоро сели на мель; но нам удалось всё-же бросить якорь, который засел хорошо и на первое время держал барки.

Остров (имеющий около 20 вёрст длины и от 5 до 10 вёрст ширины) почти совершенно плоский, южная часть его, где он достигает наибольшей высоты (около 50 футов над поверхностью Лены), камениста, а северная состоит из огромных масс торфа. Растительность на нём очень скудная, только местами встречается ольховая заросль, да на юге низкая, почти ползучая лиственница. На другом острове, расположенном далее на север, находится ещё хотя и не густая, но всё же довольно высокая лиственничная роща, почему остров и получил название Тит-Ары (Тит — лиственница, Ары — остров). Немного богаче царство животных: мы видели на острове диких оленей, которые, говорят, встречаются здесь довольно часто, белых куропаток, куликов, на некоторых озёрах уток, — а масса перьев указывает на то, что лебеди провели здесь время линяния; по берегам озёр растёт довольно густая трава.

С вечера 26-го ветер всё крепчал и дул в продолжение всего 27-го июля со всё возрастающей силой; весь день мы провели за работой, стараясь всеми силами удержаться на наших местах; несколько раз якорь поддавался, но каждый раз нам удавалось снова бросить его и притянуть барки на старое место. В то же время попеременно шёл дождь, град и снег и хлестал прямо в лицо утомлённым, выбившимся из сил рабочим, кроме того, вследствие сильного движения отдельных частей барок, у некоторых из них открылась течь. Неуклюжие, тяжёлые судна делали змееобразные движения; за треском и скрипом барок и завыванием бури, почти невозможно было слышать собственных слов. Мы опасались, что барки долго не продержатся и сделаются негодными для продолжения путешествия. Так как дальнейший транспорт не был возможен никаким другим способом, то это обстоятельство заставило бы экспедицию основать станцию на острове Тас-Ары или Тит-Ары; это было бы, конечно, очень печально, так как в таком случае станция, хотя

и расположенная недалеко от Ледовитого океана, всё-таки не была бы уже приморской станцией.

Когда вечером 27-го июля ветер немного стих, все члены экспедиции, находившиеся на разных барках, сошлись на одной барке, чтобы обсудить вопрос об основании станции на одном из островов, в случае если барки сделаются совершенно негодными для дальнейшего плавания. Нам самим, конечно, не грозила никакая опасность, так как мы находились вблизи берега и на мелком месте, но нас удручало то, что, находясь уже так близко к цели, мы всё-таки, может быть, не достигнем её. — Описание дальнейших событий мы позволим себе взять прямо из дневника одного из участников.

«27-го июля. Незадолго до полуночи. Ветер, который повернул к югу (WSW) и было ослабел, дует теперь опять со страшной силой; в настоящую минуту нас очень качает; если якорь оборвётся, то мы пропали.

28-го, 1ч. 15 м. Буря продолжается с возрастающей силой; каждое мгновение может решиться судьба экспедиции.

1 ч. 30 м. Наш якорь оборвался, и нас несёт вдоль берега, и пригнало, наконец, к берегу; барка до того качается, что едва можно писать.

2 ч. 20 м. Буря по-видимому достигла теперь своей наибольшей силы, я едва могу писать! Мы сидим не совсем твёрдо, якорь держит, но иногда мы ударяемся о берег; теперь нас опять погнало дальше!

3 ч. 20 м. утра. Буря ещё усилилась! нас снова пригнало к берегу и барка, вследствие очень сильных толчков, страшно трещит, на палубе едва можно стоять.

6 ч. 15 м. утра. Несмотря на бурю и треск, я уснул вскоре после 4 часов, страшный шум разбудил меня. Наше положение стало хуже, чем когда либо! Ветер, снова переменявшись, дует с WNW и волны захлёстывают нас со стороны. Всё на барке движется ужасным образом, я каждую минуту ожидаю, что она развалится.

30-го июля, 2 часа утра. Сегодня я могу, наконец, сидя в палатке на острове Тас-Ары, записать кое-что в мой дневник. Чего только между тем не случилось! Как много из наших запасов, инструментов и вещей испортилось и погибло! — Чего надо было ожидать, то и случилось, хотя всё обошлось лучше, чем я думал, вследствие плохой конструкции наших барок: как раз благодаря своей податливости, они кое-как держались и спаслись от полного разрушения.

Около 8 часов утра 28-го июля г. Юргенс послал к нам матроса, чтобы спросить, цела ли ещё наша барка и нельзя ли перегрузить вещи с его барки на нашу; я тотчас же перешёл на его барку, чтобы сказать, что о перегрузке не может быть и речи (незадолго до того наша барка дала течь, была совершенно выкинута на берег, и мы занимались теперь перенесением наших вещей и запасов с барки в какое-либо безопасное место); я застал г. Юргенса стоящим на задней части палубы с барометром в каждой руке; он просил меня прежде всего перенести барометры в безопасное место. Я исполнил его просьбу и возвратился снова на барку по воде, скрываясь за баркой от ветра и волн.

Около границы лесов

На этой барке, когда она ещё стояла на более глубоком месте, вдруг открылась сильная течь, и она быстро пошла ко дну; теперь она стояла, вследствие своего тяжёлого груза, совсем плотно и неподвижно. Волны плескали через палубу и все вещи, конечно, совершенно промокшие и испорченные, с большою поспешностью перетаскивались на берег.

В передней части барки, в каютах, господствовало ужасное разрушение; всё плавало в воде, достигавшей здесь нескольких футов глубины.

В задней части барки лежала преимущественно провизия и несколько ящиков на брёвнах, предназначенных для постройки дома; эти вещи находились сравнительно в безопасности и только сверху подмачивались волнами, плескавшими через палубу. Через переднюю же часть палубы волны стремились с ужасною силою и наполняли её всё больше и больше.

Теперь только буря действительно достигла своей наибольшей силы! — На палубе барки едва можно было стоять на ногах.

Карбас ещё раньше пошёл ко дну вблизи берега; коров удалось благополучию перевести на берег, а всё остальное, находившееся на нём, не могло испортиться, пока волны не были ещё слишком высоки; кроме кирпичей, камней для столбов, сена для коров и мха, на карбасе находились большие жестяные сосуды с керосином (для освещения магнитных павильонов), каждый весом около 6-7 пудов. Теперь при высоких волнах обстоятельства изменились. Но помню, по какому случаю мне опять пришлось сойти в воду — (промокли мы без того до костей), как вдруг я почуял запах керосина и на менее взволнованной поверхности воды, за баркой, заметил радужные цвета, образуемые обыкновенно на воде жирными жидкостями.

Страшное открытие! Я поспешно отправился к карбасу, стоявшему около $\frac{1}{4}$ версты выше, и увидел, в чём дело: волны наполнили судно до краёв и продолжали заливать его! Достигая нескольких футов вышины, волны плотными водяными массами с ужасным шумом вливались в карбас, в котором вода стояла на 2-3 фута выше, чем в реке; в воде плавали керосиновые бутылки в горизонтальном положении, частью без жестяных пробок, которыми они были закупорены, вследствие чего керосин выливался в воду. С большим трудом удалось, наконец, с помощью одного из матросов и проворного якута, перетаскать все сосуды на берег в безопасное место».

Четвёртая барка стояла ещё дальше вверх по течению; её ещё в начале бури пригнало на мелкое место, где волны не были высоки, так как они сначала разбивались об отмель. Эта барка находилась здесь сравнительно в безопасном положении.

Казалось, что буря исполнила своё дело, почти окончательно разрушив наши барки. Вскоре после того ветер стих и наступили чудные, тихие дни, так редко встречающиеся на севере, и доставляющие потому тем большее наслаждение.

Только благодаря этому мы имели возможность, отдохнув от трудов двух последних суток, исправить ваши барки и снова нагрузить их.

Прежде всего приступили к заделке пробоин; барка, на которой находился г. Юргенс, представляла в этом отношении особенно много затруднений, так как она была нагружена строительным материалом, сидела глубоко в воде и было очень трудно добраться до пробоины; столько же воды, сколько выкачивали, проникало опять через отверстие.

Только общими силами удалось уменьшить количество воды, заделать на время пробоину, а потом выкачать всю воду и окончательно заделать отверстие.

Трудно было также заставить снова работать якутов и тунгусов, которые рассеялись по всему острову и, промокшие и озябшие, грелись у огня и рассказывали друг другу свои приключения. На своих собственных поездках они очень редко страдают от непогоды; если приближается буря, то им недолго укрыться самим и перенести в безопасное место своё незначительное имущество; спокойно сидя у огня в наскоро устроенной временной палатке, они терпеливо переносят всё, что бы ни случилось.

У нас же им приходилось помогать перетаскивать вещи, причём они совершенно промокали; а это для здешних жителей самое неприятное, что только может с ними случиться. Только с трудом удалось заставить их снова работать, и то только благодаря хорошей погоде, а то они наверное отказались бы от трудной, непривычной работы и предоставили бы экспедицию своей судьбе.

В полдень 31-го июля всё было снова в порядке, мы снялись с якоря и простились с островом Тас-Ары, где нам пришлось испытать так много невзгод. Хотя мы и отделались благополучнее, чем можно было ожидать, но всё-таки вода многое испортила; так, особенно пострадали магнитные вариационные приборы (зеркала и пр.), а при наших незначительных средствах исправление их потребовало немало времени, отчего очень замедлилось начало наблюдений.

При чудной, тихой, ясной погоде мы миновали остров Тит-Ары, проехав между ним и высоким восточным берегом реки. К северу от Тит-Ары тянутся низкие песчаные отмели далеко на север до острова Столбового, параллельно правому берегу Лены, образуя таким образом проток, шириною лишь от 2-3 вёрст, по которому мы и плыли.

Около полуночи того же дня всё усиливающийся восточный ветер заставил нас стать на якорь около только что упомянутой отмели, а на следующий день (1-го августа) снова разыгралась буря; только наше выгодное положение спасло нас от той же участи, какой мы подверглись только что у Тас-Ары. С одной стороны нас защищал высокий правый берег, откуда дул ветер, и незначительная ширина рукава реки, на котором не могли вследствие этого образоваться очень высокие волны; с другой стороны нам помог также песчаный грунт, который крепко держал якоря и делал толчки, претерпеваемые барками, менее чувствительными. Хотя они несколько раз сильно ударялись о дно, они всё-таки остались целы.

Более суток продолжалась буря, а с нею и знакомый нам треск, шум и ужасная качка барок. Потом стало тише, но ветер удержал нас ещё до 3-го августа на месте нашей стоянки. В 4 часа утра мы снялись с якоря, на вёслах приблизились к правому высокому берегу и поехали вдоль него к устью реки.

На высоком берегу (несколько сот футов над уровнем реки) показалось несколько горных диких баранов (*ovis nivicola*), любопытство которых, по-видимому, было возбуждено нашим появлением; они следовали за нашими барками и скрылись на короткое время лишь тогда, когда мы выстрелили в них из ружья, но скоро они снова появились и продолжали смотреть на нас с высоты. Это животное встречается повсюду по Верхоянскому хребту, крайние северные отроги которого составляют Хараулахские горы, находящиеся теперь перед нами. Тунгусы очень усердно охотятся за этими баранами, так как мясо их очень вкусно; но охота за ними представляет немало затруднений, так как они очень дики, ловки и быстры. Иногда жители ставят самострелы по тропинкам, протоптанным баранами, иногда вообще единственным в целой горной местности.

Довольно опасная охота с собаками доставляет то же удовольствие, как, например, и охота на серну в Альпах. Но об охоте не могло быть и

речи, так как нам предстояла теперь очень опасная часть нашего плавания: мы только что проехали мимо острова Столбового, пройдя между ним и правым берегом Лены, закачивающимся высоким мысом, — выезжали, значит, из Лены и вступали в её дельту, отделённую от нас ещё огромным водным пространством. Пред нами и справа от нас виднелись местами низкие отмели, а слева (W) в значительном расстоянии подымался над низкими отмелями высокий мыс, названный американцами «Monumentcar», так как на нём похоронен капитан Де-Лонг. со своими товарищами. При помощи подзорной трубы можно было на вершине мыса разглядеть могилу с крестом на ней, представляющую грустный памятник печальной судьбы, постигшей ещё так недавно несчастных мореплавателей в этой угрюмой пустыне.

При довольно свежем ветре (SO), мы начали своё плавание по огромному водному пространству, полные надежд достигнуть наконец своей намеченной цели. Уже показались в неясных очертаниях первые острова дельты Лены, как вдруг на наших судах произошло какое-то беспокойство. На передней барке, где находился взятый из Булуна лоцман, вдруг были опущены паруса, брошен якорь и сама барка стала носом против течения и ветра. Лоцман объявил, что он потерял путь, что в том направлении, куда мы едем, нет рукава, ведущего дальше на север, что нам надо было бы раньше свернуть к западу и т.п. После непродолжительных переговоров, для которых он переехал на другие барки к прочим лоцманам, было решено как можно скорее пойти в первый попавшийся рукав, так как надвигалась беда: барометр за последнее время падал приблизительно на 1 мм. ежечасно, из чего можно было с уверенностью заключить, что буря не заставит себя долго ждать. Мы должны были поэтому как можно скорее достигнуть защищённого места, так как, если бы буря застигла нас здесь на открытой водной поверхности, то от наших барок, конечно, не осталось бы ни одного бревна, и тогда вообще окончилась бы вся экспедиция.

Мыплыли дальше под парусами при всё усиливающемся ветре и вошли скоро в один из рукавов, где и бросили якорь. Мы укрылись как раз вовремя, ибо уже к вечеру ветер обратился в бурю, которая на всяком другом месте могла бы сделаться очень опасной для наших и без того не особенно надёжных барок; здесь же, в сравнительно узком рукаве,

мы были в полной безопасности и радовались, что, несмотря на все невзгоды, всё-таки теперь почти что достигли своей цели.

Осмотрев местность, лоцманы заявили, что мы находимся в верном рукаве; но впоследствии оказалось, что это было не так. Только благодаря счастливой случайности, мы благополучно прошли по этому рукаву, так как в то время вода стояла необыкновенно высоко; в противном случае мы непременно попали бы на мель, ибо наши барки сидели слишком глубоко для этого протока при его обыкновенном уровне. Теперь же нам удалось достигнуть глубокого фарватера, въехав в верный рукав, с которым первый вскоре соединился.

Дельта Лены простирается по направлению с юга на север приблизительно на 150 вёрст, а с запада на восток на 200 вёрст, и состоит из бесчисленного множества мелких островов, разделённых таким же множеством протоков, часто сливающихся между собой. Только в северо-западной части дельты находится более обширный остров (около 20 географических квадратных миль), который на старых картах носит без всякого основания название Хангалахский хребет: возвышенности этого острова не превышают 60-70 футов над уровнем моря. Глубина протоков часто меняется, так что они представляют весьма ненадёжный фарватер; многие зимою промерзают до дна. Берега рукавов частью низкие и песчаные, частью (обыкновенно противоположный берег) высокие, поднимающиеся на 20-25 футов над уровнем реки; они состоят из торфа и постепенно обваливаются. Здесь можно проследить непрерывное разрушение и образование берегов.

Поверхность самих островов преимущественно ровная и покрыта множеством озёр, частью глубоких (иной раз богатых рыбой), частью мелких. Только изредка возвышаются над плоской, однообразной тундрой холмы, называемые жителями булгунями, достигающие от 60 до 70 футов высоты над уровнем воды. Эти холмы имеют большое значение для ориентировки в дельте Лены.

Растительность здесь очень скудна¹. В южной части растёт род ивы, единственный кустарник, встречающийся в дельте, и достигает до двух

¹ Растения, собранные доктором Бунге в продолжении 3 лет (1881-1884), вместе с собранными им во время экспедиции в область Яны и на Новосибирские острова, обработаны г. директором Траутфеттером и появились в «Трудах Императорского С.-Петербургского Ботанического сада», том X, вып. II.

футов вышины; в северной же части он встречается лишь в ползучем виде и подымается над землёй только на несколько дюймов.

Остальные явнобразные растения достигают здесь также лишь незначительной вышины, хотя всё же часто образуют довольно пёстрый ковёр. Преимущественно же почва покрыта мхами и лишаями, дающими обильный корм диким оленям, которые пасутся здесь в продолжении лета.

Кроме оленей, самых необходимых животных для обитателей дельты, здесь в большом количестве встречаются песцы; тотчас при въезде в дельту Лены нам бросились в глаза многочисленные ловушки, расставленные повсюду по берегам островов. Из других встречающихся в дельте Лены млекопитающих упомянем белого медведя, волка, горноста, тюленя, белого дельфина (белуху), две породы пеструшек; в виде исключения встречаются здесь моржи, лисицы и зайцы¹.

Жители дельты Лены, состоящие, как уже выше сказано, из смеси якутов с тунгусами, занимаются преимущественно рыбной ловлей и охотой. Главным источником их пропитания служит неистощаемое богатство рыб в протоках реки, и если бы не беспечность и лень жителей, они могли бы запастись достаточным количеством её на долгое время. Между тем они едва заботятся о ближайшем дне, а потому весной, когда рыбная ловля почти совсем прекращается, им часто приходится терпеть голод, чего, конечно, можно было бы избежать, если только немного потрудиться осенью. После рыбы важным источником для питания служит дикий олень, который вместе с тем даёт им необходимый материал для одежды. Туземцы охотятся на оленя преимущественно осенью, но также и в продолжении всего лета; охота состоит в том, что они, заметив оленя, переплывающего через проток, нагоняют его на своих маленьких лодках и закалывают его копьём. С ружьём охотятся только некоторые тунгусы.

¹ Подробности о встречающихся в дельте Лены млекопитающих и птицах, а также и другие естественно-исторические известия находятся в отчётах доктора Бунге в «*Bullet. de l'Académie*» t. XXVIII, p. 617-549; «*Mélanges biolog. tirés du Bullet.*» t. XI p. 581-622; *Bullet. de l'Acad.* t. XXIX p. 422-476; *Mélanges biologiques tirés du Bullet.*, t. XII p. 31-107. *Mélang. biolog.* t. XII pag. 231-309 tirés du *Bullet.*, de l'Acad. t. XXX p. 228-282; а также в «*Beiträge zur Kenntniss d. russischen Reiches etc.*» dritte Folge, в отчёте о путешествии в область Яны. Кости допотопных млекопитающих, собранные в устье Лены, описаны И.Д. Черским в его обширном сочинении «Описание коллекций послетретичных млекопитающих животных и проч.» вместе с находками в области Явы и на Новосибирских островах. (Приложение к LXV тому Записок Императорской Академии Наук, № 1).

Домашними оленями владеют лишь очень немногие жители дельты, да и тех они обыкновенно принуждены отдавать тунгусу, который присоединяет их к своим стадам и кочует с ними, появляясь лишь по временам, а именно летом, в дельте Лены, где сильный ветер спасает их от ужасных мучителей — комаров. Зимой же, вследствие сильных снежных бурь, тунгусы со своими домашними оленями, а также и дикие олени, уходят из дельты в область лесов; только очень немногие, как говорят, зимуют здесь. Рыбы и олени дают жителю дельты Лены нужное пропитание и одежду, но настоящим богатством страны являются песцы. Благодаря песцовому промыслу, якуты могут обзаводиться не только тёплой одеждой, но и некоторыми предметами роскоши и удовольствия, особенно же чаем и табаком, который они покупают у купцов; тот же промысел доставляет им средства для уплаты податей. Шкура взрослого песца, убитого зимою, стоит здесь от 1 до 2 рублей, а молодого — всего 30-75 коп. За довольно редкую разновидность песца, за так называемого голубого песца, платят от 6-9 рублей.

Из довольно богатого царства птиц важным подспорьем для пропитания туземцев служат только дикие гуси, которые летом, во время своего линяния, избиваются палками целыми тысячами в несколько минут. Что касается до других птиц, то в пищу идут только их яйца (особенно гусиные), которые жители собирают в начале лета в большом количестве и часто долго сохраняют в замороженном виде.

Из растений жители дельты почти ничего не употребляют в пищу, если не считать нескольких, корней и трав, которые они нам называли. Несмотря на то, что они очень любят муку и продукты из неё, она появляется у них лишь в виде редкого лакомства, так как почти совсем недоступна им. То же самое надо сказать и об алкоголе, которому они очень преданы.

Мужчины проводят всю свою жизнь, пока они ещё в силах, в поездках по дельте, охотясь на оленей, ловя рыбу и осматривая песцовые ловушки. Летом они совершают поездки на своих маленьких, выдолбленных из одного бревна, лодках, называемых ветками (по-якутски: тый), а зимою они ездят на собаках. Все домашние заботы, заготовка топлива, приготовление запасов и одежды, содержание в порядке юрт, — всё лежит на женщинах. Надо ещё прибавить, что туземцы все крещены и при-

надлежат к православной церкви, что им, однако, не мешает тайно заниматься шаманством, несмотря на строгое запрещение и неутомимое преследование со стороны священника; последний объезжает из Булуна один или два раза в год всю область, для выполнения накопившихся с предшествовавшего объезда треб, а также для сбора следуемых ему податей.

Мы продолжали наше плавание не без некоторых препятствий; нам мешал то сильный ветер, то туман, то быстрое течение, проявляющееся вдруг вследствие отлива, влияние которого замечается во всех протоках; нередко сильным течением нас уносило в такие рукава реки, по которым нам вовсе не следовало ехать.

5-го августа мы встретили первых обитателей дельты, которые на своих маленьких лодочках быстро подъезжали к нашим баркам. На берегу стояло несколько юрт, обитаемых женщинами и детьми; развешанная на шестах сушёная рыба, гуси и оленина показывали, что в последнее время жители приносили домой с охоты богатую добычу.

К вечеру 7-го августа показались, наконец, дома Тумата, самого северного обитаемого селения дельты Лены, куда мы вскоре причалили.

Из многочисленных юрт высыпали все туземцы, чтобы посмотреть на редких гостей и на ещё никогда не виданные ими судна; сначала они очень дичились, но после угощения сделались гораздо доверчивее. Между ними находился 80-летний старик, их старшина, который взялся помочь нам при выборе места для станции. Это оказалось вовсе не легко, так как надо было найти место, с одной стороны, лежащее как можно ближе к морю, притом высокое и сухое, а с другой стороны — находящееся на берегу рукава, доступного нашим баркам, так как далёкий транспорт нашего строительного материала и припасов был невозможен, по недостатку рабочих сил.

В поисках за подходящим местом для станции прошло 8-ое и 9-ое августа; г. Юргенс, посетив все замечательные мысы близ моря, никак не мог решиться избрать один из них, так как каждый имел тот или другой недостаток. Наконец, 10-го августа доктору Бунге удалось найти на южном берегу острова Сагастырь подходящее место, хотя и не расположенное у самого моря, но всё-же вблизи него, так как остров с севера ограничен морем. Это место вполне отвечало всем остальным требованиям:

было сухо, песчано, лежало сравнительно высоко и притом на самом берегу протока, где барки могли свободно пристать; кроме того, здесь находилось большое количество плавника или выкидного леса. Утром 11-го все барки уже подъехали туда и мы могли приняться за выгрузку и за предварительные работы для постройки дома.

Наступило очень тяжёлое для экспедиции время; погода стояла холодная и ветреная, часто шёл снег и дождь; а каюты, в которых нам, приходилось покуда жить, вследствие своей плохой конструкции и отсутствия в них печей, были сыры и очень холодны. Вместе с тем приходилось усиленно работать днём и ночью, чтобы начать к сроку, по крайней мере, метеорологические наблюдения; от магнитных наблюдений приходилось отказаться на первое время вследствие вышеприведённых причин, да и за недостатком времени и рабочих сил для сооружения столбов и установки приборов.

«Не мало забот причиняло нашему начальнику то, что наши магнитные наблюдения несколько запоздали. При его добросовестности каждое новое замедление очень его огорчало, хотя он ни в чём не мог себя попрекнуть, работая день и ночь над установкою инструментов. Причину задержки надо всецело приписать нашему позднему прибытию на место назначения, массе работы, а также её качеству.

Самому приходилось исполнить роль механика, столяра, каменщика, и по неопытности в подобных работах времени уходило, конечно, больше. Метеорологические наблюдения начались вовремя, после того как мы соединёнными силами принялись за работу и продолжали наблюдать и в то время, когда были заняты установкой инструментов и постройкой необходимых для них помещений. Чтобы вырыть здесь в земле яму несколько поглубже, приходилось употреблять огромные усилия. Мёрзлый песок, на который мы наткнулись осенью приблизительно на глубине 1 аршина (точные измерения на различных местах пришлось отложить до следующего года), представляет огромное сопротивление всякому орудью; только с помощью заступа удавалось откалывать небольшие куски, представляющие раковистый излом. К тому же, почти всю работу должны были нести на себе наши люди и мы сами, так как здешние якуты жалкие работники. Они умеют только как стрела нестись на своих маленьких лодочках, ставить сети, убить гуся

своим первобытным способом или заколоть плывущего оленя; но всякая другая работа потруднее им уже не под силу.

Так, иногда шесть человек якутов, принеся одно бревно с барок до места его назначения, садятся сейчас же вокруг огня, пьют чай и болтают; если же их прогнать, то вся компания садится тотчас же на берегу и обсуждает очевидно наши странные занятия. Они совершенно не были в состоянии постичь цели наших работ; они не понимали, зачем рыть ямы в земле, но в совершенное недоумение приводило их то, что с подобной работой ещё спешат».

12-го августа приехал к нам американец лейтенант Гарбер со своим спутником и казаком Калинкиным; на маленькой шлюпке (dory) он собирался осмотреть северный берег дельты до мыса Баркин-стан. Убедившись в тот же день в неисполнимости этого плана (ему пришлось бы вследствие отмелей выехать далеко в море), он возвратился к нам и, оставив нам свою шлюпку, отправился на другой день на ветке обратно к яхточке «Search», стоявшей на якоре, близ острова Столбового. В то же время лейтенант Шютце осматривал западный берег дельты до устья Оленька, к сожалению, также без всяких результатов.

Наши работы подвигались очень медленно, но всё-таки нам удалось уже 19/31 августа, то есть за день до назначенного срока, начать метеорологические наблюдения во всей полноте, требуемой инструкцией; с этих пор они производились ежечасно без перерывов.

В то же время подвигалась вперёд и постройка дома, юрт, предназначенных для магнитных наблюдений, будки для астрономических наблюдений и кладовых. Дом хоть на время защищал бы нас от бури, снега и дождя; но из-за рабочих нам приходилось покуда оставаться ещё на барках. Лишь 28-го августа можно было перевести в дом наших людей; печи были готовы и вечером 29-го в доме распространился запах свежее испечённого хлеба, возбуждая во всех самые приятные ощущения. В доме стало уютно и тепло; 4-го сентября и мы переселились, наконец, в нашу комнату.

Мы перебрались как раз вовремя, так как бури со снежными метелями делались всё чаще и сильнее, и дальнейшее пребывание на барках при столь скверных условиях могло повлечь за собой серьёзные болезни; теперь мы отделались лишь насморком и лёгким ревматизмом.

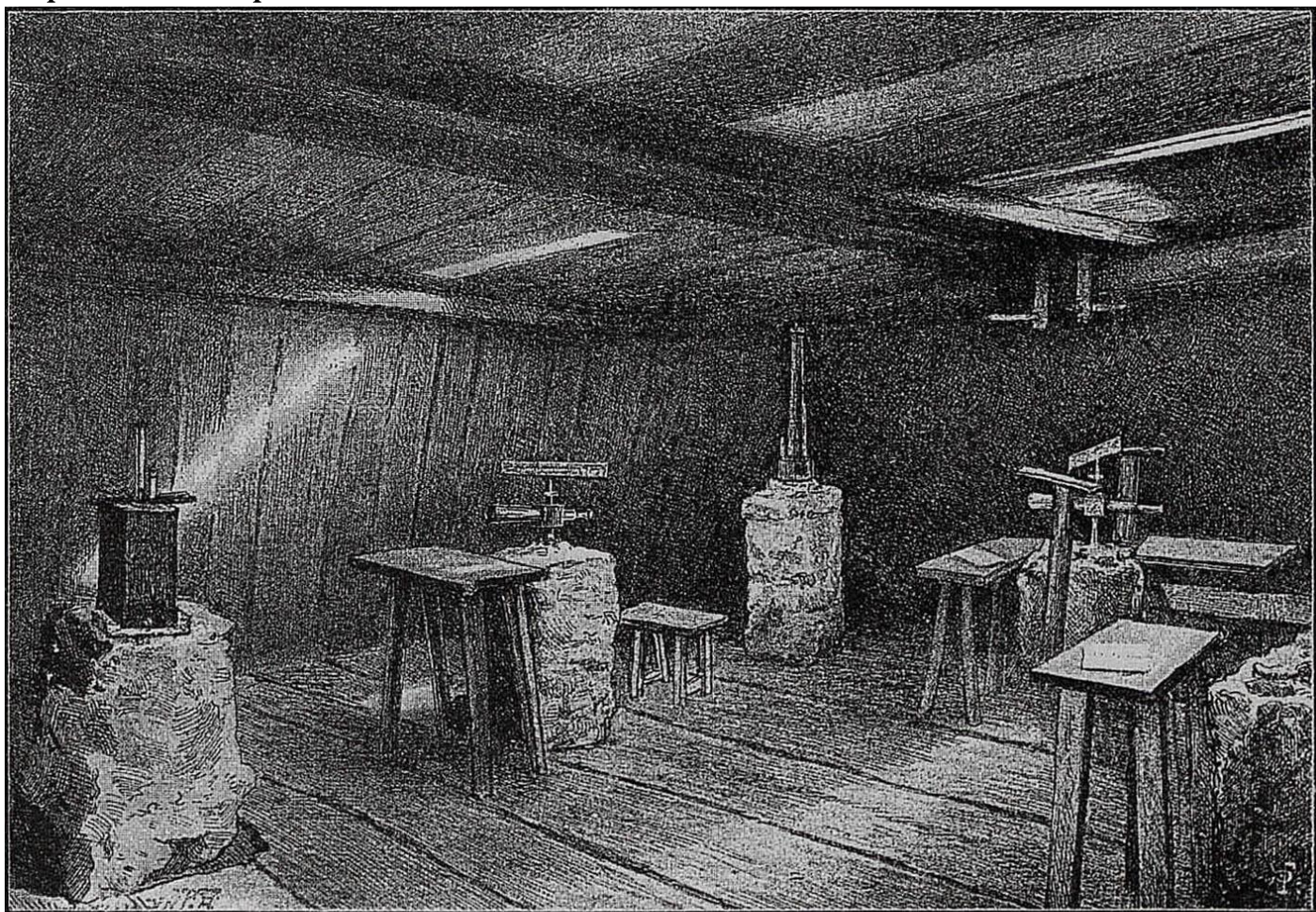
Понемногу мы устроились в нашем доме настолько удобно, насколько вообще было возможно в небольшом помещении, которым мы располагали.

На приложенном к ХХI тому «Известий Географического Общества» плане показано расположение всех построек станции. А — жилой дом, разделённый на пять комнат: офицерскую, нижних чинов, дежурную (в которой находились барометры и некоторые другие метеорологические приборы), кухню, и кладовую с недельной провизией.

К дому примыкали дожатые пристройки со всеми нашими запасами, кроме керосина. Для последнего был выстроен особый магазин (З) в некотором удалении от дома; там же хранились зимой шлюпки, паруса, запасы рыбы и прочее. В двух саженях от выхода из коридора по северную сторону дома в деревянной клетке (Б) помещались: цинковая клетка с психрометром и гигрометром и весовой эвапорометр. Впереди её мачта с флюгером (М) и столб с дождемером (Н). Между ними начиналась крытая галерея, которая вела к юрте (В) с вариационными магнитными приборами Эдельмана (нормальными) и далее, к юрте (Г), с такими же приборами Кунфера (контрольными). Галерея была продолжена летом 1883 г. по направлению к почвенным термометрам (Л), находившимся прежде у столба дождемера. Толстый слой снега, накопившийся здесь в течение первой зимы, принудил нас перенести их на более открытое место, с целью избежать согревающего влияния снега на показания термометров. Юрты (Д и Е), в которых производились абсолютные магнитные наблюдения, были расположены по возможности далеко от всех построек, чтобы железо последних не оказывало влияния на приборы. Пассажный инструмент, служивший для определения времени, был установлен на столбе в особой будке (Ж). Для ориентирования его были установлены две меридиональные мишени, из которых одна находилась в расстоянии одной версты на N, другая — на W от инструмента. Северной и западной мишенями можно было пользоваться также при определении магнитного склонения универсальным магнито-астрономическим инструментом с среднего столба юрты Д. Южная закрывалась пристройкой к жилому дому. Поэтому летом 1883 года поставлена вторая южная мишень и сделано приспособление для освещения её. Зимой по направлению к мишеням приходилось рыть в снегу длинные и глу-

бокие коридоры. Каждый буран заносил их совершенно и работа возобновлялась. Между тем, благоприятные для наблюдений обстоятельства часто наступали и проходили ранее, чем коридоры были готовы; вследствие чего прибегать к мишеням при наблюдениях можно было довольно редко и для определения магнитного склонения служил обыкновенно коллиматор, установленный на южном столбе юрты Д.

На берегу реки около станции построены были ещё: баня (И), топившаяся каждую субботу, будка (П), в которую запирались в дурную погоду наши собаки, и ледник (К). Дом наш был сухой и тёплый, так что морозы несколько не мешали занятиям. Он отапливался двумя печами, сложенными из кирпича, привезённого с собой из Якутска. Обыкновенно топили один раз в сутки, только в самые большие морозы два раза. Температура в комнате держалась на высоте человеческого роста $+17^{\circ}\text{C}$., но на высоте одного фута от пола она была всего $+4^{\circ}\text{C}$.; а на полу вода мёрзла, несмотря на то, что полы были двойные и промежуток между ними засыпан песком. Полы покрывались ещё войлоком, а поверх него коврами.

Помещение с приборами Купфера

10 сентября приехали к нам совершенно неожиданно американцы гг. Гарбер и Шютце, и мы были очень рады, что могли принять промёрзших путешественников, много натерпевшихся в последние дни от непогоды, в пятом тёплом доме, уже почти совсем устроенном. За последние дни строгая северная зима уже вполне вступила в свои права: начались сильные снежные метели, термометр опустился ниже 0° и доходил до -10°, и тундра покрылась снегом до будущего года. Чтобы сделать всё, что было в их силах, американцы решились, оставив свою яхту в Булуне, на лодках воротиться в дельту ещё до начала зимы, дожждаться у нас зимнего пути и на собаках объехать те места морского берега, которые им были недоступны летом. Теперь они находились в очень неприятном положении, так как вследствие неудачной охоты на оленей в эту осень, жители дельты не могли снабдить их нужным материалом для тёплой одежды. Дело в том, что в этом году протоки замёрзли очень рано (у нас 18 сентября), а потому прекращалась и охота на оленей, состоящая, как известно, в том, что туземцы нагоняют и закалывают их в то время, как они переплывают рукава реки.

Только с большим трудом и при содействии г. Юргенса удалось впоследствии достать им необходимую для обратного пути тёплую одежду, и месяц спустя они могли уже приступить к исполнению своей задачи и пуститься в обратный путь, возможный лишь в середине октября, так как большие южные рукава реки раньше не замерзают.

Окрестности станции, и без того очень непривлекательные, сделались ещё более однообразными, когда с наступлением зимы озёра, реки и сама тундра покрылись льдом и снегом; со всех сторон простиралась белая, неограниченная равнина, лишь там и сям высывались корни плавника или какие-нибудь травы, так как вследствие сильных буранов снежный покров тундры никогда не достигал значительной толщины и редко лежал выше 6 -8 дюймов. В таких же местах, где встречалось препятствие в виде дома или ущелья, накапливались ужасные массы снега; так и наша станция вскоре была занесена снегом, который, всё прибавляясь до самой весны, достиг такой высоты, что можно было свободно всходить на крышу нашего дома.

Отъезд лейтенанта Шютце со станции Сагастырь

Дни становились всё короче, и когда низкое полуденное солнце своим красноватым светом освещало нашу комнату, то, вероятно, каждый из нас не без некоторого беспокойства подумывал о предстоящей полярной ночи, которая всегда производила такое тяжёлое и удручающее впечатление на других путешественников полярных стран. Но непрерывная работа не позволяла нам долго предаваться таким мыслям. Г. Юргенс с одной частью рабочих был занят установкой и исправлением магнитных приборов, значительно пострадавших во время бури у Тас-Ары, другая часть нижних чинов без перерыва работала над различными необходимыми строениями, как-то: баней, кладовыми и коридорами, соединяющими юрты между собой, а канд. Эйгнер и доктор Бунге покуда одни производили ежечасные метеорологические наблюдения, сменяя друг друга каждые 8 часов. Нижних чинов только постепенно приучали к наблюдениям и отсчётам приборов и лишь впоследствии им поручили, насколько им позволяло время, производить их самостоятельно, конечно, под строгим контролем с нашей стороны. Уже к концу года мы убедились, что вполне можем положиться на них.

Только в середине октября были, наконец, установлены магнитные инструменты, и 19 октября (1 ноября по нов. ст.) начались наблюдения во всей полноте, требуемой программой. Жизнь наша протекала с правильностью часового механизма, где роль колёс исполняли отдельные личности. Всё распределялось по минутам и секундам, всякий имел своё точно определённое время и занятие.

Наблюдения располагались таким образом (Отчёт поручика И.Д. Юргенса, Известия Императорского Русского Географического Общества т. XXI), что отсчёты магнитных приборов Эдельмана группировались около полного часа Гёттингенского среднего времени, а отсчёты психрометра и гигрометра приходились в полный час местного времени. На весь ряд наблюдений требовалось около получаса.

Два раза в сутки на реке, в полуверсте от станции, замечалась через прорубь глубина по футштоку, толщина льда, температура воды на дне и на поверхности, и приносилась в бутылке на станцию вода для определения её удельного веса.

Ежедневно в 8 часов вечера (полдень Гёттингена обе серии магнитных вариационных приборов сравнивались между собой посредством одновременных ежеминутных отсчётов в продолжение четверти часа, для чего требовался почти весь персонал станции.

1 и 15 числа каждого месяца, в так называемые терминные дни, магнитные вариационные приборы отсчитывались через каждые пять минут, а в течение одного часа, указанного в данных нам инструкциях, перемены склонения наблюдались обоими однотипными магнитометрами через каждые двадцать секунд. В эти дни всedневная правильность нашей жизни нарушалась: в наблюдениях должны были принимать участие все. Г. Эйгнер, др. Бунге и я делали ежечасные и двадцатисекундные наблюдения; остальные наблюдатели, не выходя, просиживали свои вахты в обеих юртах с вариационными приборами, причём смена их происходила через 4 часа. В дни, следовавшие за терминными, никаких посторонних работ не предпринималось.

По инструкции абсолютные магнитные наблюдения для проверки точек нуля шкал вариационных приборов должны были производиться два раза в месяц.

Частые магнитные возмущения и бураны не позволили строго выполнить это требование. При буранах снежная пыль проникала в юрту

для абсолютных наблюдений и осыпала инструменты. Такие наблюдения продолжались обыкновенно два дня, а когда вследствие возмущений приходилось прерывать их, они затягивались иногда на целую неделю. В оба года существования станции горизонтальное напряжение определено обоими теодолитами 47 раз; склонение и наклонение 33 раза. Постоянные величины магнитов приборов определены два раза.

Астрономические наблюдения состояли в определении широты и долготы станции, времени и азимута мишеней. Для этого имелись: пасажный инструмент Эртеля, универсальный магнито-астрономический инструмент Брауэра, круг Пистора и телескоп, которым снабдил экспедицию Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического Общества. Телескоп служил для наблюдения покрытий звёзд луной. Хронометров было первоначально пять; у одного из них весной 1883 года лопнула пружина.

Дельта Лены — место крайне неблагоприятное для астрономических наблюдений. Небо почти постоянно покрыто облаками; сильные ветры и густые туманы летом повторяются так часто, что и в немногие ясные дни не всегда возможно производить наблюдения. Г. Эйгнер вычислил вперёд покрытия луной 144 звёзд; из них удалось наблюдать только 16».

Между тем полярная ночь вступила в свои права. Один буран за другим проносился над нашей станцией с возрастающей силой при очень низкой температуре. С 27 октября мы более не видели солнца; только узкая, сначала красноватая, позднее же светлая полоска на юге около полудня указывала на присутствие солнца и подавала надежду, что со временем оно снова появится на небесном своде. Зато теперь всё чаще и чаще появлялись на небе северные сияния самых разнообразных форм, из которых особенно ленты представляли из себя столь величественное и чудное зрелище, что люди любовались ими в немом восхищении

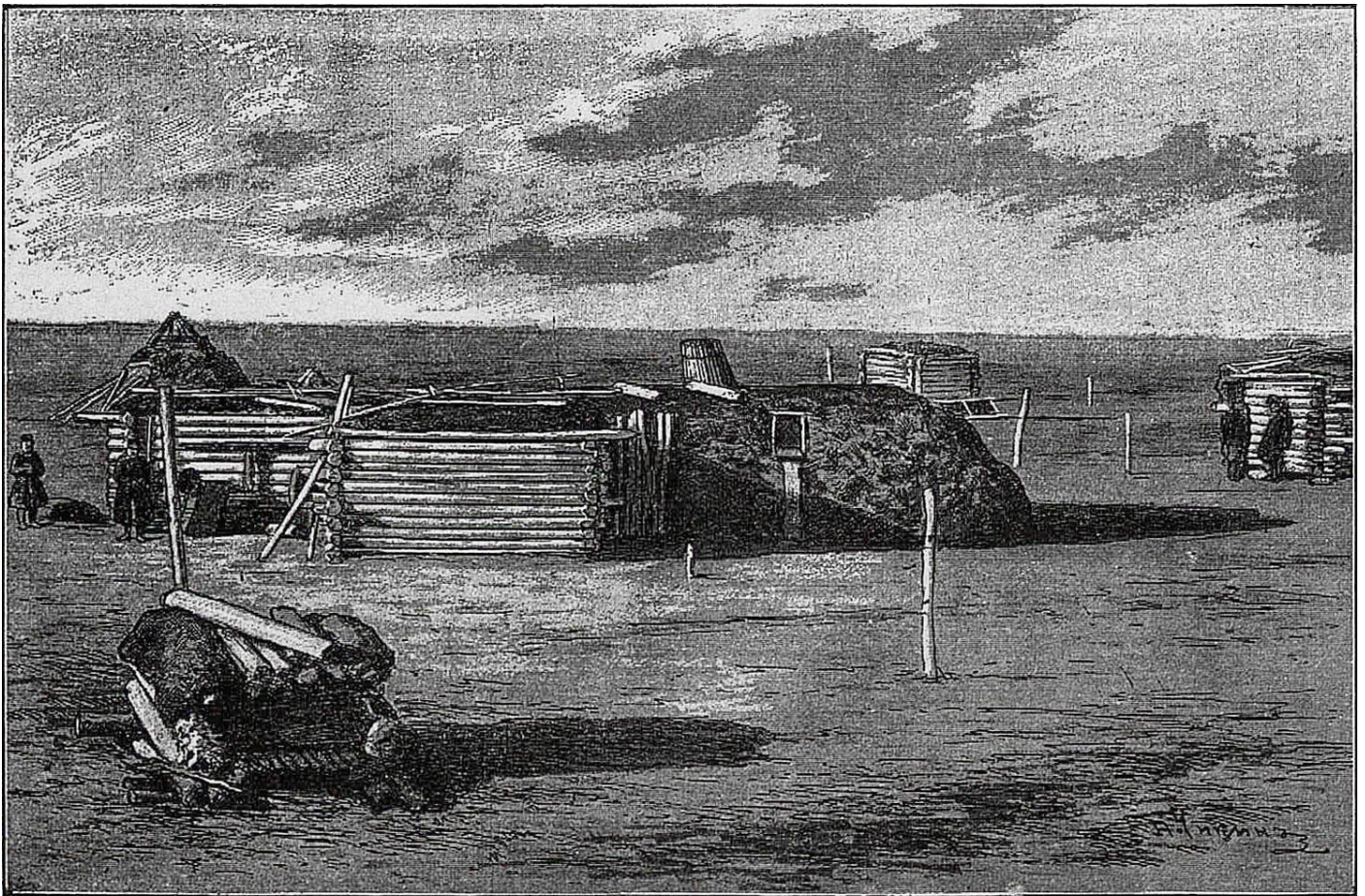
Приятным разнообразием нашей монотонной жизни был обыкновенно приход почты, которая отправлялась к нам зимой через Верхоянск один раз в месяц благодаря распоряжению г. генерал-губернатора Восточной Сибири, генерал-лейтенанта Анучина. Летом же мы не получали правильной почты, так как сообщение между Булуном и Верхоянском прекращалось на летние месяцы; тогда приходилось выжидать

случая, чтобы посылать нам письма. Приход почты зимою был для нас настоящим праздником; нам казалось, что мы получали известия из другого света, для нас совершенно недоступного. Несколько раз перечитывались письма, полученные нами с родины, после чего мы обменивались известиями, и приступали, наконец, к чтению разных газет и журналов, получаемых нами в большом количестве; хотя они попадали к нам лишь четыре месяца после их выхода, нас всё же интересовало их содержание.

В нашем распоряжении находилась кроме того богатая библиотека, состоящая преимущественно из русских классиков; в свободное от занятий время как мы, так и нижние чины, усердно занимались чтением. Иногда устраивались небольшие «литературные вечера», которые нередко заканчивались оживлённой беседой, вызванной прочитанным отрывком из сочинения какого-нибудь любимого автора; часто такие беседы затягивались далеко за полночь. В комнате, занимаемой нижними чинами, раздавались по вечерам песни, музыка, нескончаемый смех и шутки. Одним словом настроение было всё время самое оживлённое.

Пока было возможно, мы усердно занимались рыбной ловлей в нашей протоке; особенно наши два матроса, оба архангельские промышленники, побывавшие в прежние годы на Новой Земле, ловили рыбу с большим успехом. Благодаря изобилию рыбы мы имели возможность, несмотря на наши небольшие сети, запастись достаточным количеством её на всю зиму. В то же время приходилось заготавливать запасы дров из плавника, лежащего вблизи станции, так как с наступлением зимы его занесло бы снегом и было бы невозможно доставать его оттуда. Эту работу исполняли также наши люди; только впоследствии туземцы взяли за сравнительно небольшую плату доставить нам топлива в достаточном количестве. Вообще они охотно оказывали нам различные услуги. Убедившись, что мы можем принести им только пользу, они сделались доверчивы и часто посещали станцию, особенно по праздникам, когда их по всей вероятности больше всего привлекало обещанное угощение водкой. Нас посещали не только наши ближайшие соседи, жители Тумата (деревень Кытах и Булун в дельте, который не следует смешивать с Булуном на Лене), которые приходили к нам чуть

ли не ежедневно, если только не свирепствовал слишком сильный буран; к нам приезжали туземцы также из весьма далёких местностей: с мыса Быкова, из самого западного селения Турах и даже с устьев Оленька, Анабары и Яны. С одной стороны их привлекало любопытство посмотреть на нас и на наши непонятные им занятия, о которых ходили между ними самые невероятные слухи; с другой стороны они часто приезжали к нам за медицинской помощью, которую по большей части и получали, так что д-ру Бунге иногда приходилось тратить немало времени на приготовление лекарств. (О болезнях, встречающихся между туземцами, д-р Бунге докладывал в Собрании морских врачей, см. Медицинское прибавление «Морского Сборника» за февраль 1888 г.; немецкий перевод этого доклада помещён в «St. Petersburger Medizin. Wochenschrift № 7 und 8, 1888).

Юрта в деревне Кытах

Нередко туземцы привозили нам подарки: одежду, меха, этнографические предметы или же только рыбу; при этом особенно ясно обнаруживалась их наивность. После передачи подарка со словами: «дарю тебе это», начинались обыкновенно переговоры о подарке с нашей стороны,

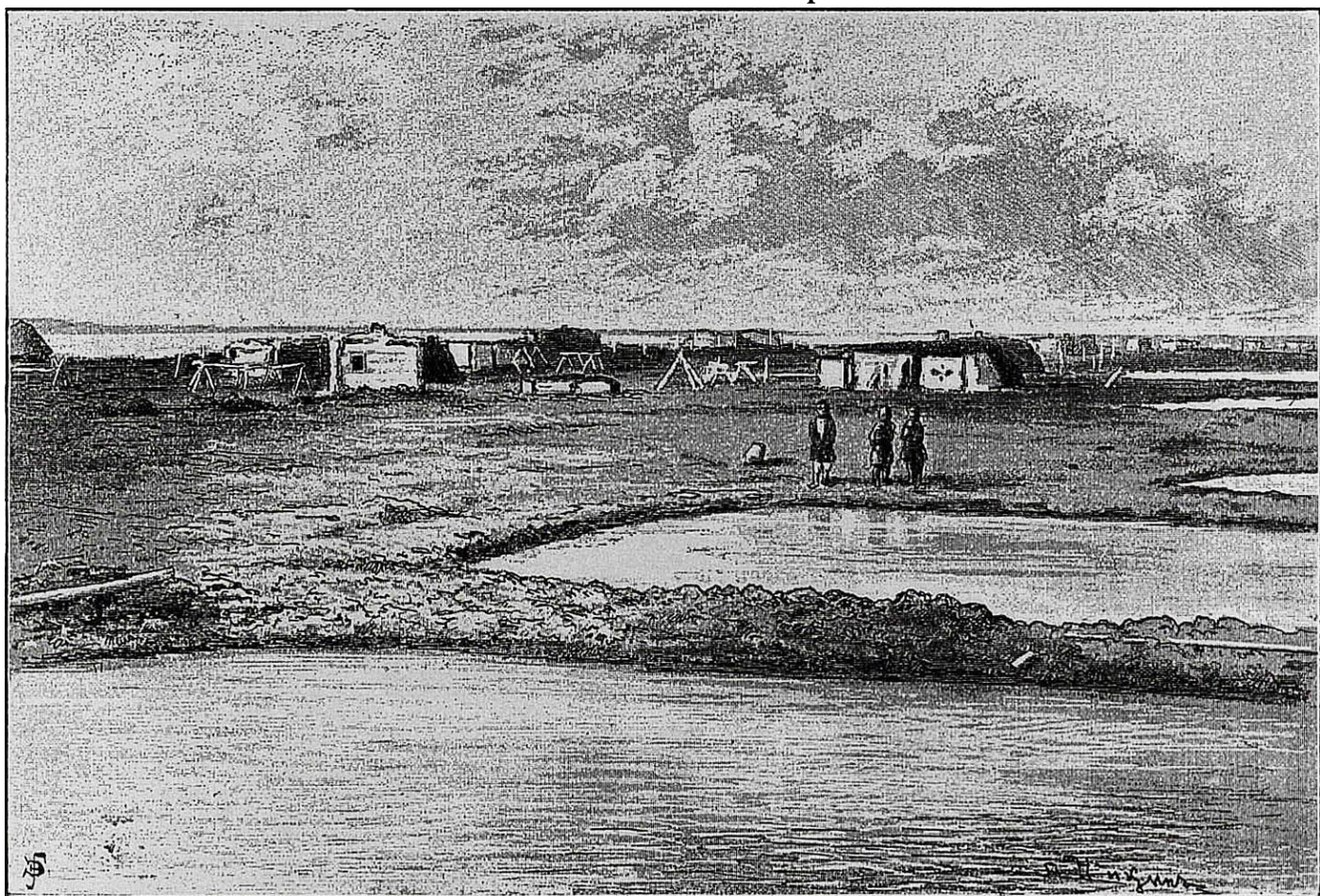
причём они часто испрашивали себе или просто значительную денежную сумму или же какие-нибудь товары, вдвойне превышающие ценность их приношения.

Наш дом оказался очень хорошим; он был сух и сравнительно тёпел, только пол оставался настолько холодным, что вода на нём замерзала, несмотря на то, что полы были двойные и промежуток между ними был засыпан сухим песком и углём; между тем в более высоких слоях температура достигала в то же время до 16°-20° и даже более. Но это неудобство можно было перенести, покрывая полы войлоком и коврами, а впоследствии и шкурами белых медведей, и одевая тёплую обувь. Дом отапливался двумя печами, из которых одна была вместе с тем хлебная печь; обыкновенно достаточно было топить один раз в сутки, чтобы поддерживать в комнатах приятную температуру; только при очень жестоких морозах, сопровождаемых сильным ветром, надо было топить два раза; и то в верхних углах комнаты часто осаждался иней. Во всяком случае жизнь в таком доме несравненно удобнее, чем в юрте, где только постоянно поддерживая огонь, т.е. посредством лучистой теплоты, можно достигнуть достаточно высокой температуры для производства работы. Так как наши занятия, по большей части письменные, продолжались без перерывов день и ночь, то во-первых наши глаза очень пострадали бы от такого способа отопления, а во-вторых постоянно меняющаяся температура вредно влияла бы на инструменты и их показания. Малейший перерыв топки в юрте понижает температуру в сильные зимние холода до 0° и ниже; а между тем такие перерывы необходимы уже потому, что часто приходится исправлять очаг.

Наши съестные припасы были также очень обильны и разнообразны, если принять во внимание те обстоятельства, при которых нам приходилось жить. Положим, что запас свежего мяса от взятых нами коров скоро истощился, хотя свежее мясо появлялось у нас на столе лишь по воскресеньям, но зато его заменила очень вкусная оленина, а в свежей чудной рыбе мы никогда не терпели недостатка. К тому же, благодаря прекрасной солонине, копчёной говядине, ветчине и консервам мы имели возможность несколько разнообразить нашу пищу. Если употреблять консервы изредка, то они служат лакомством, но как только их начинают подавать слишком часто на стол, они до такой степени надоедают, что нет возможности переносить даже .свойственного им

запаха. На многих других экспедициях было также замечено, что следует избегать очень частого употребления консервов. Кроме того у нас была маринованная капуста, горох, сушёные овощи, макароны и разные сорта каши; из всего этого приготавливались различные кушанья, разнообразившие насколько было возможно наш стол.

Хлеб пекли у нас по мере надобности, и всё время, если только мы не были как раз в разъездах, мы имели возможность употреблять в пищу свежее испечённый хлеб, что следует очень высоко ценить в полярных странах. По воскресеньям мы пекли также и белый хлеб и разное печенье. Благодаря запасам шоколада и засахаренных и сушёных фруктов, мы могли готовить также и сладкие кушанья. Алкоголь в небольшом количестве заключал это меню, а в большие праздники на нашем столе появлялась также бутылка вина и даже шампанского. Чай подавался несколько раз в день, а по воскресеньям его заменял кофе. Мы пили чай часто с лимонной кислотой и экстрактом из клюквы.

Деревня Кытах в устье реки Лены

Каждую субботу топилась баня и, само собой разумеется, все мы пользовались ею, если только нам не препятствовало что-либо серьёз-

ное, например, болезнь, так как, не говоря уже о чистоте, приятное ощущение после русской бани принадлежит, несомненно, к величайшим удовольствиям. Не даром уже с давних пор русские бани считались путешественниками в полярных странах в высшей степени приятными и здоровыми.

Между тем наступило Рождество. На дворе господствовал мрак, холод и непрерывные бураны, а в нашей уютной маленькой комнате горела небольшая ёлка, импровизированная из верхушки случайно взятой с собой лиственницы, так как полоса лесов, а особенно вечно зелёных елей, лежало далеко-далеко за нами. Сочельник мы провели в дружеской беседе, вспоминая о наших далёких родных; нижние чины получили небольшие подарки, взятые с собою именно для этой цели. Праздничное настроение господствовало как в этот, так и в следующий день, когда нас посетили многие обитатели дельты. Так же тихо и торжественно мы встретили новый 1883 год, желая друг другу в этом году всего хорошего.

С наступлением нового года кончилось и самое тёмное время, которое протекло для нас совершенно незаметно за постоянной работой. Уже 3 января было возможно в полдень отсчитывать приборы на открытом воздухе без фонаря, а 20 января показался на горизонте верхний край солнца, которое мы радостно приветствовали после почти трехмесячной разлуки. Туземцы праздновали появление солнца пляской на открытом воздухе, несмотря на сильнейшие морозы (до -54° Ц.), господствовавшие прямо в это время. Пляски эти состояли в том, что они становились в кружок, брали друг друга за руки и, подвигаясь в такт вперёд все в одном направлении, беспрестанно повторяли слово «хария», пока не приходили в какой-то экстаз или по крайней мере пока их не бросало в пот. «Хария» значит по-якутски «ель»; это восклицание очень странно в устах этих людей, никогда не выдавших растущей ели; в плавнике они хорошо отличают это дерево от других, но не придают ему никакого особого значения.

Дни быстро увеличивались; уже в конце марта вечерняя заря сливалась с утренней, и мы распростились с северным сиянием, которое, делаясь постепенно всё бледнее, наконец совершенно исчезло. Наступила весна, но холод и бураны продолжались; уже с 20 апреля у нас господствовал постоянный день, но лучи низкостоящего бледного солнца не

оказывали ещё никакого действия; средняя температура за апрель равнялась почти -21°C .

В конце марта нас очень напугал один из наблюдателей; у него обнаружили, хотя и очень слабые, но всё же несомненные признаки цинги, этого бича полярных путешественников. Неужели мы все вследствие нашего образа жизни предрасположены к этой болезни, несмотря на всевозможные осторожности и хорошее продовольствие? Но вскоре обнаружилось, что здесь мы имели дело только с единичным случаем; пациент, избалованный сибиряк, был очень разборчив в пище, что мы к несчастью узнали слишком поздно; всё ему не нравилось и за последнее время он питался только солониной из супа. Его освободили от занятий, особенно от наблюдений по магнитным приборам, где надо было сидеть по целым часам, давали ему особую пищу, причём мясо получал он исключительно свежее; благодаря этим мерам вскоре все признаки болезни исчезли, и через полтора месяца он вполне поправился. У других обитателей станции никаких симптомов этой болезни не проявлялось.

Мы уже начали строить планы о предстоящем возвращении с устья Лены, которое, однако, было сопряжено со многими затруднениями, так как наши наблюдения могли быть окончены лишь поздно осенью, незадолго до наступления зимы, как вдруг 2 апреля с почтой прибыло известие, очень взволновавшее всех нас. Императорское Русское Географическое Общество предлагало нам остаться на устье Лены на вторую зимовку и продолжать наблюдения.

Что касается до нас самих, то мы, быстро решившись, с удовольствием согласились на это предложение, так как, по нашему убеждению, мы ещё не совсем выполнили свою задачу и почти ничего не видели из окрестностей нашей станции, что мы могли бы сделать оставаясь здесь ещё на один год.

Относительно же нижних чинов нельзя было сразу решить вопроса, так как сомнительное состояние здоровья некоторых из наших наблюдателей не позволяло им дольше оставаться на станции. Кроме того, некоторые из них просили отпустить их со станции, отчасти вследствие окончания срока службы, а отчасти по семейным обстоятельствам. А потому следовало позаботиться о замене покидающих нас наблюдателей другими. Прежде же всего надо было послать Господину Якутскому Гу-

бернатору, согласно его желанию, подробный реестр запасов, необходимых для второй зимовки, сообразуясь с тем, что можно достать в Якутске; и это надо было сделать вовремя, чтобы запасы могли быть доставлены нам. ещё летом. Всё это требовало времени и обсуждения. А между тем вследствие приближения весны, всякое сообщение прекращается на долгое время из-за разлива реки и проч., наш ответ мог запоздать. После нескольких дней усиленной работы письма с нашим согласием на дальнейшее пребывание и подробный реестр необходимых запасов были готовы, и почта была отправлена. Покончив со всеми этими хлопотами, мы могли ещё отпраздновать наступившую между тем Пасху, хотя и на второй день; празднование состояло в угощении туземцев, призовой стрельбе и разных других увеселениях.

26 апреля прибыл на станцию верхоянский исправник, ежегодно весною объезжающий свой обширный округ; он не побоялся сделать лишних 500 вёрст, чтобы посетить станцию. Чтобы принять такого редкого гостя, было выбрано самое лучшее из наших, уже сильно сократившихся, припасов и вин. С ним можно было послать ещё письма в Якутск, и таким образом дополнить наши первые письма, где многое было второпях забыто. Кроме того он взялся передать губернатору от г. Юргенса 5000 руб. на покрытие расходов по снабжению нас провизией. Наконец, он согласился устроить в Верхоянске небольшую метеорологическую станцию, для чего г. Юргенс снабдил его некоторыми необходимыми инструментами. Уже на другой день он уехал от нас, так как торопился достигнуть Верхоянска ещё до начала весны.

Теперь и у нас постепенно стали проявляться признаки весны! На солнце начинало иногда капать с крыши, а в тундре появились большие чёрные проталины. Но холода не уменьшались, температура доходила иногда до -20°C ., а бураны повторялись чуть ли не чаще, чем зимой. Так, например, свирепствовала метель непрерывно с 13 по 16 (1-4) мая, и станцию занесло снова глубоким снегом, так что мы в продолжение двух дней не могли попасть в наши кладовые; только когда непогода утихла, нам удалось расчистить снег и открыть двери.

Уже в апреле прилетели первые перелётные птицы, а именно снегири (*plectrophanes nivalis*), прилёт которых и громкое токование белых куропаток подавали нам надежду, что и у нас, наконец, наступит весна. В первых числах мая показались, как нам сообщили якуты, ещё другие

перелётные птицы, а именно чайки и гуси, но только небольшими партиями. Диких гусей якуты приветствовали радостными восклицаниями, снимая при этом шапки. Олени показались на острове уже в марте, и возбудили в членах экспедиции желание поохотиться на них; но так как с одной стороны для систематичной охоты не доставало свободного времени, а с другой стороны нам совсем были неизвестны привычки оленей, то охота оставалась по большей части безуспешной и ограничивалась лишь оживлённой стрельбой на большом расстоянии из берданок, которыми мы были вооружены, и только в очень редких случаях удавалось положить оленя.

16/28 мая погода, наконец, заметно переменилась: в первый раз после 250 дней термометр поднялся выше 0°, и массы перелётных птиц, особенно гусей, гаг, лебедей, куликов оглашали воздух громким криком, приветствуя свои старые гнёзда. Кто только из нас был свободен, хватался за ружьё, и началась непрерывная стрельба, которая была уже гораздо успешнее, чем охота на оленей; во время перелёта мы настреляли около трёхсот гусей, кроме того лебедей, уток и других мелких водяных птиц, что доставило нам приятное разнообразие в нашей пище, так как наш запас свежего мяса уже сильно уменьшился.

После этих тёплых дней наступила опять довольно холодная погода с буранами; все перелётные птицы снова исчезли, и часто мы находили вблизи станции маленьких куликов мёртвыми, очевидно замёрзшими.

Также и в рукаве реки стали проявляться признаки весны. Вода в нём всю зиму была солёная, очевидно потому, что несколько выше протока, промёрзла до дна, и состав воды показывал, что количество соли в ней с течением зимы всё увеличивалось; вдруг в ночь с 24 на 25 мая вода сделалась совершенно пресною, а вместе с тем лёд на середине реки выпучило, несмотря на его почти восьмифутовую толщину, так что, идя с берега на середину реки, приходилось подыматься как бы на небольшой холм. 27-го якуты сказали нам, что «вода идёт»; 28-го рано утром показалась сначала вдали узкая полоса поды, к которой сейчас же следовалась масса чаек, а незадолго до полудня 28-го лёд против станции треснул и вода с шумом бросилась по обе стороны на покрытые льдом берега; лёд же посредине протоки, поднятый водой, остался неподви-

жен. При этом водою выбросило множество маленьких рыб; мы наложили их руками в короткое время до двух пудов, что было вовсе нетрудно, так как рыбы были как бы ошеломлены и с кровоподтёками.

Лёд оставался ещё некоторое время в том же положении, пока его не раздробило постепенно ветром и волнами, так что лишь 14/26 июня протока реки совершенно очистилась ото льда. Вместе с тем вода поднялась на несколько футов и затопила низменность, лежащую на восток от станции. Лишь в начале июня бураны окончательно прекратились, температура поднялась, тундра очистилась от снега, а 16 июня показались первые цветущие явнобрачные растения. (*Draba*, *Chrysosplenium*, *Salix*).

В то же время в тундре всё стихло, перелёт птиц прекратился и они занялись высиживанием яиц; здесь птицам нельзя терять времени, так как в противном случае птенцы их не оперятся до наступления осени.

Таким образом наступило лето, чего мы вначале вовсе не замечали, так как дни стояли холодные, пасмурные, дождливые, туманные и часто было так темно, что нам приходилось весь день жечь в комнате лампу, чтобы иметь возможность читать и писать. В комнатах было сыро и душно и никогда зимою не случалось мёрзнуть так, как теперь. Целыми днями мы не видели солнца. Лишь несколько позже наступили ясные, тёплые дни со свежим восточным ветром, которыми мы воспользовались, чтобы хорошенько проветрить и просушить наши комнаты и вещи, что было крайне необходимо. Особенно сырою оказалась кладовая, находящаяся в доме, так как в ней в течение зимы образовались толстые слои инея, который теперь стал оттаивать. Благодаря продолжительному проветриванию при одновременной топке железной печи удалось, однако, совершенно высушить кладовую.

Мы решились воспользоваться летом, чтобы предпринять, кроме небольших поездок в ближайшие окрестности станции, ещё несколько экскурсий в дельту для производства съёмок. Первым отправился г. Юргенс. Он выехал 23 июля на лодке с намерением, продвигаясь вверх по течению к югу, доехать, если возможно, до острова Столбового в устье Лены. Через 5 суток он добрался до острова Хардах-Ары, лежащего около 100 вёрст южнее станции; отсюда уже виднелся остров Столбовой и очертание материка.

Продолжительный сильный ветер, туман и дождь помешали ему отправиться дальше, и ему пришлось отсюда начать тригонометрическую съёмку. Уже 2/14 июля он был вынужден тронуться в обратный путь, так как его съестные припасы приходили к концу (провизии было взято лишь на 2 недели потому, что лодка не вмещала более). 7/19 июля он возвратился на станцию, израсходовав ещё накануне последнюю провизию. Произведённая им тригонометрическая съёмка оказалась вполне удовлетворительной.

Теперь пришлось сделать некоторый перерыв в экскурсиях, так как мы не могли достать рабочих и проводников из жителей дельты, занятых в то время охотой на гусей. В конце июля, когда гуси линяют, туземцы загоняют их огромными массами в сети и перебивают в несколько минут целые тысячи. Такой способ охоты возбуждает отвращение в каждом охотнике; но что же делать: «нужда свои законы пишет», здесь заботятся не об удовольствии, доставляемом охотой, а о снабжении себя на зиму провиантом. Якуты подарили нам несколько сот гусей, которые, однако, оказались очень тощими и невкусными.

26 июля д-ром Бунге была предпринята далёкая поездка на мыс Быкова с целью посетить место нахождения мамонта, открытого Адамсом; при этом д-р Бунге имел ввиду осмотреть побережье материка. Об этой экскурсии он подробно рассказывает в *Bullet, de l'Acad.* T. XXIX, pag. 422-476 (*Mélanges biolog.* T. XII, pag. 31-107), откуда мы заимствуем следующее:

«26 июля я уехал после полудня со станции в сопровождении нашего казака и пяти якутов и достиг около полуночи с 28 на 29 июля острова Хардах-Ары (вёрст на 100 к югу от Сагастыря); до этого острова в июне доезжал г. Юргенс и останавливался здесь на некоторое время для производства магнитных и географических измерений. Отсюда, а также уже и несколько раньше, виднеются горы материка. Растительность здесь уже гораздо роскошнее, если вообще можно так выразиться, чем на северной окраине дельты. Все растения произрастают здесь лучше, ивы образуют иногда густой кустарник, достигающий местами до колен. Особенно же заметно было, что всё растительное царство здесь успело уже гораздо больше развиться: многие растения, которые я оставил на

Сагастыре ещё в цветах или почках, я застал здесь отцветшими. Встретилось также несколько новых видов, которых я не заметил на Сагастыре (*Delphinium*, *Gnaphalium*).

29 июля мы продолжали наш путь и достигли около полудня 30-го южной оконечности Якова-Белькой, самого южного острова с левой стороны Туматской протоки. Теперь нас отделяла от материка и острова Столбового, которые виднелись уже в ясных очертаниях, только большая водная поверхность, вёрст в 20 шириной, прерываемая совсем низкими отмелями.

Мне не удалось разузнать, в чём заключается разница между обозначением островов «ары» и «белькой». Часто два острова, расположенные недалеко друг от друга, называются тем же именем, но один с присоединением «ары», а другой «белькой», так например, Хардах-Ары и Хардах-Белькой, и, по-видимому, меньший остров называется «белькой». Часто же мне казалось, что окончанием «белькой» обозначались острова новейшего происхождения (если судить по их растительности). Найти определённое правило я, как уже сказано, не мог. Кроме обозначений «ары» и «белькой» употребляются ещё много других. Так, например, словом «бертемэ» обозначается очевидно низкое песчаное продолжение острова. Далее встречаются названия островов с окончанием «сиэ» или «сисэ» («сис» или «сиэ» по-русски, как мне говорили, значит: хребет). Такие острова обыкновенно очень велики и высоки, например, Собосиэ (что значит Карасёвый остров или Карасёвый хребет). Возвышенные земляные холмы на островах зовутся «булгуньях», например, Хардах-Булгуньях на острове Хардах-Ары, Ойгалах-Булгуньях в восточной части дельты, по дороге от Сагастыря к мысу Быкова и т.д.

Во всё время нашей поездки мы не встретили ничего особенно интересного; только раз нам попались навстречу два якута, охотившиеся на оленей. Перед глазами проходит вечно одна и та же картина: низкие песчаные острова и несколько выше их торфяные берега от 10 до 20 футов вышиною, готовые каждую минуту обрушиться. С высокого берега открывается вид на бурые тундры со множеством больших и малых озёр, местами виднеются песчаные дюны; в этой местности часто попадаются юрты или балаганы, деревянные шесты, на которые вешаются запасы мяса, песцовые ловушки и проч. Животных мы видели в то время очень мало: семейство *larus*, реже *lestris* и *sterna*, несколько поморников,

иногда большие стаи гусей, реже лебедей — и это всё, что мы встретили из птиц. Оленей мы видели часто, но на большом расстоянии: они очень дики. Реже мы встречали полевых мышей и песцов.

Протока была от полуверсты до версты шириной. Не следует однако думать, что какая-нибудь протока, начинаясь у устья Лены (острова Столбового), протекает по дельте и вливается в море; все протоки составляют между собой большую сеть, которая ещё более усложняется при высокой воде, так как тогда наполняются водой многие русла, обыкновенно сухие. Это какая-то путаница каналов, начало и конец которых невозможно определить, за исключением нескольких больших рукавов. Все эти каналы отделяют друг от друга огромное число островов, которые все имеют свои названия. Потребовалась бы масса времени, чтобы составить точную карту дельты Лены, и при том это было бы вообще бесцельно, так как такая карта оставалась бы верной лишь на очень короткое время.

Всё оказалось здесь, как уже писал г. Юргенс, совершенно иначе, чем показано на нашей карте; но это совсем не удивительно для того, кто хотя бы некоторое время прожил в дельте. Рукавов гораздо больше, чем дано на карте. Лена втекает в море, по сведениям, собранным г. Юргенсом, 50-ью рукавами (откуда Даненгауер взял число 112, помещённое в «Кронштадтском Вестнике» за 1883 г., нам совершенно неизвестно).

Это непостоянство дельты зависит от непрерывного разрушения старых островов и образования новых. Тундра до дельты повсюду является как бы разделённой на множество неправильных многоугольников различной величины; стороны этих многоугольников выше середины их. Между сторонами двух смежных многоугольников проходит узкая борозда, которая служит тропинкой для полевых мышей и молодого выводка утят. Эта борозда соответствует проникающей глубоко в землю трещине, заполненной льдом. Вследствие того, что в эти трещины постоянно проникает вода и мёрзнет в них, они делаются всё шире и шире. Во время половодья и вообще в продолжение всего лета берег дельты обваливается большими кусками, состоящими из только что описанных многоугольников. Случается, что на тех местах, где только что отвалился такой кусок, ещё держится у берега слой льда, который отделял обвалившуюся часть от берега, и на первый взгляд кажется, что здесь имеешь дело с ледяным слоем, на который нанесена

земля или торф; но очень легко убедиться, что лёд образовался через наслоение выше описанным способом, т.о. через постепенное проникновение воды в раз образовавшуюся трещину и обнаруживается только после отпадения земляной глыбы. Кроме этих широких трещин, заметных уже на поверхности, вся почва прорезана мелкими трещинами, заполненными прозрачным льдом. Копая ямы для наших построек, мы постоянно натывались на такие ледяные жилы, а сильный треск в земле, особенно осенью при усиливающихся морозах, указывают на то, что образование трещин непрерывно продолжается. Мне кажется, что такая почва очевидно легче подвергается разрушению при соприкосновении с текучей водой, даже и тогда, когда бы она не обрушивалась большими кусками.

Надо принять во внимание ещё один фактор, способствующий изменению формы островов дельты — а именно ветер. После такой песчаной бури, какую мне пришлось пережить на острове Яков-Белькой, не может быть сомнения, что ветер играет огромную роль в преобразованиях дельты. А ветер дует здесь почти беспрерывно. Массы песка, которые он гонит, во всяком случае громадны: он засыпает ими целые озёра, — так что они совсем не видны, и неожиданно проваливаешься в наносный песок, но к счастью неглубоко, так как сейчас же под ним находится промёрзший слой. Особенно заметно влияние ветра на направление течения в рукавах реки; так как он заносит их местами массами песка (совсем независимо от песчаных масс, которые несёт с собою сама Лена) и отклоняет главную силу течения то на один, то на другой остров, то ускоряя, то замедляя его разрушение. Чем ближе остров расположен к устью Лены (у острова Столбового), тем скорее он должен подвергнуться изменениям, так как, во-первых, здесь вода значительно теплее, а во-вторых, натиск её весною гораздо сильнее. На Сагастыре вода поднималась всего только на несколько футов, между тем как на Якове-Белькой были явные признаки того, что там временами вода стояла на 20 футов выше, чем во время моего пребывания там. Температура воды подымается у Сагастыря выше +12°Ц.; такая температура во всяком случае достигается не в дельте и не может сохраниться во всё время течения более длинного рукава внутри дельты; у Якова-Белькой же темпе-

ратура летом должна быть значительно выше. Таким образом вода, холод и ветер непрерывно действуют на изменения формы дельты Лены, и успехи совместных действий этих сил бросаются всякому в глаза.

Но я возвращусь теперь снова к моей палатке на острове Яков-Белькой. Я должен был только, как мне кажется, предпослать предыдущее рассуждение для лучшего понимания некоторых мест моего следующего отчёта.

Нам пришлось пока остановиться на самом северном мысе Якова-Белькой, так как при настоящем свежем ветре мы не могли рискнуть пуститься в путь на нашей лодке по необъятной водной поверхности, чтобы объехать большие мели. К сожалению ветер (0) становился всё сильнее и обратился, наконец, в настоящую бурю, которая сделалась очень неприятной, так как несла с собой много песка. Песок проникает всюду, в платье, в ружья, делая их негодными к стрельбе, особенно же больно он бьёт в лицо, так что невозможно открыть глаз, и только палатка служит некоторой защитой от него. Три целых дня ветер задержал нас здесь. Пока он был не слишком силён, я, к счастью, нашёл себе некоторые занятия; я пеленговал на горы материка и некоторые другие пункты, собирал растения, снял несколько фотографий; небольшим развлечением являлось также охота на оленей, хотя она была совершенно безуспешна.

Вечером 1-го (13) августа, ветер, наконец, стих и в час утра 2-го (14) августа сделалось так тихо, что я разбудил людей, чтобы двинуться дальше; в половине 2-го часа мы отчалили. Сначала мы плыли прямо на юг, а потом обогнули отмели, поворачивая всё более на восток; между тем ветер снова сделался свежее, раскачивал немного нашу лодку и обрызгивал нас водой; наконец в 6 часов мы достигли острова Боран-Белькой, лежащего на восток от Якова-Белькой. Это и есть тот остров, где нашли капитана Де-Лонга и его спутников. Я велел здесь на некоторое время остановиться, отчасти, чтобы дать моим людям возможность отдохнуть, отчасти, чтобы обождать более тихой погоды, так как и отсюда нам опять надо было переехать большую водную поверхность.

Якуты оказались отличными спутниками. Несмотря на то, что им приходилось много работать, то целыми часами тащить лодку, идя по колёно в воде (при температуре воздуха немного выше 0°), то усиленно грести, они всё время были в отличном расположении духа, болтали и

смеялись; оживлённый разговор, часто напоминающий ссору, ни на минуту не прекращался, причём предметом разговоров были самые обыкновенные вещи. Как мы только где-нибудь останавливались, чтобы отдохнуть, тотчас же ставилась палатка, разводился огонь и на него ставились чайники; чаепитие предпочитается еде и всегда предшествует ей. Один из якутов тотчас же ехал на своей ветке ставить сети; во время всей нашей поездки они снабжали нас свежей рыбой (стерлядью и муксуном).

С того места, где мы причалили, я не мог пешком добраться до того места, где были найдены трупы американцев: небольшая, но глубокая протока (с юга на север) разделяет остров на две части. После полудня стало тише, и мы поехали дальше. Мы направили наш путь через дельту, а не через Быковскую протоку (самую восточную и самую широкую, вдоль материка), которую я предпочёл бы, как ближайшую дорогу. Я уступил в этом якутам, которые, по их словам, умеют лучше ориентироваться в дельте; они хотели понемногу пробраться в ту местность, где проходит зимний путь из Тумата к мысу Быкова. Мне не пришлось в этом раскаиваться, так как я мог таким образом осмотреть, хотя и бегло только, некоторые части дельты. Обратно я думал ехать вдоль Быковской протоки и материка. Но сперва мы пристали к тому месту, где были найдены Де-Лонг и его спутники, приблизительно версты на две восточнее места нашей последней стоянки. Хотя здесь не было видно ничего особенного, всё же место это произвело на меня потрясающее и тяжёлое впечатление. В нескольких шагах от высокого берега находились остатки костра: полуобуглившиеся брёвна, а кругом — обожжённые одеяла и другие части одежды; из золы якуты вырыли сломанные стёкла очков и проч. Пока они там рылись, я снял фотографию с местности и пеленговал. Потом мы быстро поехали дальше. После двухчасовой езды в направлении OSO мы очутились среди массы больших островов, похожих на прежние. На один из них я вышел, чтобы пеленговать, и не заметил на нём вовсе воды, кроме рукава реки, по которому мы ехали; рукав этот был шагов 500-600 ширины. Продолжая наш путь теперь уже прямо на восток, мы прибыли вечером к острову Боотолу-Сисэ. Уже из названия острова видно, что это высокий остров: высшая точка его под-

нимается вероятно фут на 100 над уровнем моря. Этот остров без сомнения гораздо старейшего происхождения, чем все острова, которые я до сих пор видел.

На это указывала, как мне кажется, его флора: я встретил здесь много пород, которых я до сих пор не находил (*Oxytropis* и другие), и увидел лишь снова на материке. Но остров этот состоит, как и все острова дельты, из земли или песка, с лежащим на них небольшим слоем торфа, в чём я мог убедиться в некоторых лощинах; только у берега попадаются небольшие камни, которые вообще в южных частях дельты встречаются гораздо чаще, чем на севере, где они составляют большую редкость. В тот же вечер мы поехали дальше, но вскоре должны были причалить к берегу из-за поднявшегося тумана, так как, по мнению якутов, в тумане можно легко заблудиться и потерять таким образом много времени.

3-го (15-го) августа мы поехали дальше то по узким, то по широким каналам с попутным ветром (с W), часто под парусом, и достигли к вечеру местечка Крестях, которое нанесено на карту, как астрономически определённый пункт. Когда мы приближались с востока к четырём маленьким юртам и находились от них ещё на расстоянии около версты (мы должны были снова объезжать мели), один из якутов почуял запах дыма; между тем ни якуты, ни мы не видели ещё дыма, поднимающегося из юрт («ох ты чёрт, как зверь чует запах», сказал казак). Это привело якутов в сильнейшее возбуждение, так как из этого следовало, что место, к которому мы приближались, в настоящее время заселено. Они начали грести изо всех сил, и мы скоро пристали к берегу. Одна юрта действительно была населена женщинами и детьми; мужчины были на охоте и на рыбной ловле. Приветам и болтовне не было конца. Разговоры и вообще всё настроение сделались ещё оживлённее, когда полчаса после нас приехал из Кумаксур по Лене сын одной старухи и притом после долгого отсутствия.

Теперь начались рассказы, затянувшиеся до самой ночи. Молодой человек мог рассказать много интересного (между прочим и печального — я здесь в первый раз узнал, что в Булуне разразилась эпидемия оспы), по меньшей мере, как у нас после возвращения с Парижской выставки. Якуты, как известно, очень любят поболтать. Это видно уже из их при-

ветствия «капсэ», что означает не «что расскажешь?», а просто «рассказывай». Всегда найдётся что-нибудь рассказать, а публика очень благодарная, прерывающая рассказчика лишь подтверждающим «ситти» или «э», а иногда слышится возглас изумления: «хау». Часто я просил перевести мне только-что рассказанное, но не находил ни во всём рассказе, ни в отдельных местах его ничего изумительного; дело шло о самих обыкновенных вещах. Однажды, когда мы ехали на лодке, слышались крики изумления и делались всё громче и оживлённее; я думал уже, что случилось какое-нибудь несчастье или показалось нечто ужасное; и что же было? Старая меховая куртка, на которую целый день никто не обращал внимания, упала со скамьи на дно лодки! Впоследствии я привык к этому и не обращал уже на это никакого внимания.

Местечко Крестях лежит на острове Собосиэ у широкой протоки (рукава реки) Кыллах-Хая (т.е. олений холм, от слов «кыл» — дикий олень в дельте и «хая» — холм; тоже название носит и большой остров, лежащий на севера» от Собосиэ). Я с большим удовольствием совершил бы отсюда поездки во внутрь Собосиэ, а также на Хонгордаг (лежащий севернее), высоты которого представлялись мне очень заманчивыми; но моя настоящая цель, мыс Быкова, была ещё далеко впереди, мне предстояло ещё много дела, а времени было немного. Эти острова тем интересны, что на них были найдены кости мамонта (а может быть и других млекопитающих?). Клыки, как говорят, встречаются редко, мягкие части вовсе не попадают, а кости никогда не содержат более жира. Далее остров Собосиэ потому ещё представляет интерес, что в его озёрах встречаются караси, как уверял меня один якут в Зимовьялах (отсюда и само название острова, «собо» значит карась). Он обещал достать мне даже несколько экземпляров; но когда он осенью прошлого года пришёл к нам на станцию, он стал утверждать, что караси там вовсе не встречаются. Что поделаешь с такими людьми? Может быть, он потому отказался от своих слов, что не сдержал своего обещания.

Я уговорил молодого якута быть нашим проводником хотя бы часть пути, так как здесь было очень важно вовремя свернуть из широкой протоки Кыллах-Хая в узкие каналы и попасть на верную дорогу. На другое утро, 4-го (16) августа, мы поехали дальше; около полудня мы достигли, направляя наш путь к востоку, местечка Борхая (Земляной Холм, который не надо смешивать с Борхая, лежащим вёрст на 15 к юго-

западу от Сагастыря; вообще это название встречается довольно часто), представляющего из себя возвышенный конец одного из хребтов Собо-сиз, который доходит до самой реки, и постоянно обваливается.

Здесь виднеются несколько полуразвалившихся юрт и старое кладбище. Две версты дальше к востоку у устья небольшого канала, текущего на юг, (в который мы впоследствии въехали), остановились в своё время Даненгауер, Мельвиль и другие и отправились потом к юртам Борхая. Здесь их встретили якуты, после чего они направились в Зимовьялах по тому же пути, по которому впоследствии поехали и мы. После полудня мы въехали в вышеупомянутый узкий канал, который связывал протоку Кыллах-Хая с другой широкой протокой, лежащей дальше к югу и текущей также в направлении с запада на восток. Она имеет шагов 60-70 ширины, около 8 вёрст длины и очень мелка, так что местами людям приходилось, идя вброд, тащить лодку по дну. Я пошёл пешком вперёд к месту Куб-Аян (т.е. лебединый залив), лежащему на южном конце канала; здесь стояло несколько хороших юрт. Здесь мы переночевали и провели также весь следующий день: сильная буря помешала нам ехать дальше. Эта остановка пришлась мне очень кстати; я мог немного посушить мои растения (юрты очень удобны для этой цели), привёл в порядок мой фотографический аппарат и проч. Якуты воспользовались остановкой, чтобы — играть в карты. Они и здесь страстные картёжники, играют сравнительно высоко и обыкновенно в долг; но платить карточные долги считается делом чести.

6-го (18) августа утром мы поехали дальше, держась большей частью южного направления, с небольшими отклонениями к западу и востоку, и достигли к полудню деревни Солаян, временного летнего местопребывания жителей Ары-Быкова. Здесь находятся три места, носящие название Быков:

- 1) собственно Быков, называемый также Зимовьялах,
- 2) Ары-Быков, вёрст на 10 севернее Зимовьялаха, и
- 3) деревня на мысе Быкова (по-якутски Тумыс-Быков).

После недолгой — по мнению якутов даже слишком недолгой — остановки, мы поехали дальше, запасшись свежим провиантом (гусями и лебедями). Наш прежний спутник из Крестяха покинул нас здесь; но зато к нам присоединились три обитателя Тумата (Кетях), — отец с двумя сыновьями, временно проживавшие здесь — чтобы ехать с вами

вместе в Тумат. Маленьких мальчиков я взял к себе в лодку, прочие же ехали рядом на своих ветках. Погода стояла очень неприятная: шёл снег, было холодно и дул сильный ветер. Вечером мы достигли места Борулар (в то время ненаселённого); здесь нас ожидал старшина с Ары-Быкова, Василий Бобровский, прозвищем Кулгах (он был один из награждённых медалью за спасение американцев). Его известили о нашем прибытии более близким сухим путём. Я надеялся узнать от него кое-что о месте нахождения мамонта Адамса; но он сослался на старшину Зимовьялаха, Николая Шагра (называемого также Шагрин), которого я уже прошлую зиму просил собрать об этом сведения на случай, если я приеду сюда.

На следующее утро мы поехали дальше и приставали по дороге к Ары-Быкову (в настоящую минуту деревню населяли только гуси, которые при нашем приближении бросились с громким криком в воду и уплыли), а также и к некоторым другим местам, откуда я пеленговал на известные мне уже горы на берегу (я производил такие пеленгования как можно чаще в продолжение всей поездки); после полудня мы достигли селения Хастырь, летнего места жительства обитателей Зимовьялаха, расположенного верстах в трёх от него. Несколько часов после нас приехал сюда и Шагрин с очень приятным для меня известием, что он не только знает место нахождения мамонта, но даже сам берётся проводить меня туда. Этот человек, очень мне понравившийся, сделался в ноябре прошлого года, вместе со многими другими жителями Ары-Быкова и Зимовьялаха, жертвою разразившейся здесь эпидемии оспы.

На следующий день, 8-го (20-го) августа мы отплыли из Хастыря и поехали сначала в Зимовьялах. Здесь нам пришлось сделать ненадолго остановку, так как было слишком ветрено, чтобы рискнуть ехать к Тумыс-Быкову. Ширина реки, если водное пространство можно ещё назвать здесь рекой, доходит вёрст до 10. Зимовьялах вовсе не крайний восточный остров, как это показано на картах; дальше на восток примыкают ещё мели и острова. Остров этот величиною всего только в несколько квадратных вёрст, а деревня состоит из 5 юрт с пристройками и небольшой церкви. Всё время до полудня я употребил на пеленгование и фотографирование.

Здесь я увидел после долгого времени снова *Motacilla lugens*. Якуты не имеют названия для этой птицы; она принадлежит у них к не особенно большой категории «чечак» (т.е. пташек). После полудня стало совершенно тихо и мы пустились в дальнейший путь.

Наступило на несколько часов совершенное безветрие, особенно приятное потому, что оно так редко бывает в дельте; благодаря этому наше плавание было очень счастливо; мои люди были совершенно поражены необычайно тихой погодой. После более чем двухчасовой усиленной работы вёслами мы пристали к полуострову, около 1½ версты на юго-восток от северной оконечности мыса Быкова, приблизительно в середине между мысом и деревней Тумыс-Быков. Во всё время моего пребывания на полуострове — т.е. до вечера 12-го (24) августа никак не удалось вернуться в Зимовьялах вследствие сильного ветра, хотя были сделаны неоднократные попытки, так как я забыл там очень важную для меня вещь — треногу моего фотографического аппарата; мои люди постоянно возвращались, говоря, что переезд слишком опасен. Единогласно они уверяли меня, что на ветке гораздо безопаснее ехать, чем на лодке; но это вероятно просто дело привычки. Впрочем, мне впоследствии пришлось убедиться, что эти люди совершенно не боятся высоких волн. Между мысом Быкова и Зимовьялахом почти каждый год, как говорят, случаются несчастья; среди якутов очень редко встретишь людей, умеющих плавать.

Пристав к берегу, я вышел из лодки, послал моих людей вперёд в деревню, а сам пошёл пешком к северному мысу. Первое, что мне бросилось в глаза на берегу, была большая берцовая кость (*fibula*) мамонта, лежавшая между холмами на берегу (к этим холмам я после ещё возвращусь), а немного выше на берегу лежала очевидно соответствующая ей плечевая кость (*humerus*). На северном мысу я снял две фотографии, дающие характерные виды того места, которое вследствие непосредственного прибоя волн к берегу готово ежеминутно обрушиться. На первый взгляд мне показалось, что глыба, лежащая внизу, вся состоит изо льда, даже, что масса земли, образующая верхний слой острова, покоится, так сказать, на ледяном фундаменте; но скоро я убедился, что это ничто иное как оледенелые земляные глыбы и откосы. Лёд, по всей вероятности, и здесь образовался тем же путём, как и на низких остро-

вах, т.е. через трещины, которые ускоряют вместе с тем и обвалы. К сожалению я не мог спуститься к откосу. Вода доходила вплоть до него, кроме того здесь глубоко, и волны (между тем сделалось уже опять ветрено) прибивали очень сильно к берегу. Насмотревшись вдоволь на чудную картину — заходящее солнце как раз освещало её, — я пошёл назад в деревню, куда я прибыл, когда стало уже темно. По дороге я наткнулся на большое число могил, по здешнему обычаю едва прикрытых землёй, так что полуразвалившиеся гробы выступали из-под неё; ночью я принёс себе оттуда прекрасный экземпляр черепа желтовато-белого цвета. По словам жителей Быкова в гробах этих похоронены были и русские и якуты (какова древность этих могил, они не знали), так что я не могу сказать, принадлежит ли взятый мною череп якуту или русскому; но, конечно, это легко будет определить.

На следующее утро мы хотели поехать к месту нахождения мамонта, лежащему вёрст на 30 к югу, но сильный ветер (OSO, по моей оценке от 12 до 15 метров в секунду) помешал нам, так как нам надо было выехать далеко в море, чтобы объехать мели. Утром я пошёл с несколькими якутами опять к северному мысу, снял там несколько фотографий, пеленговал и собирал растения. После полудня я сделал прогулку к восточному берегу; там я был хоть сколько-нибудь защищён от ветра. Здесь мне снова бросились в глаза холмы своеобразной формы, виденные мною уже раньше. Не крутой и не обваливающийся берег густо усеян более или менее высокими холмами (наибольшая абсолютная высота отдельных холмов была 20-25 футов), происхождение которых было мне вначале непонятно. Только когда я посетил различные места полуострова, мне показалось совершенно вне всякого сомнения, что эти холмы образовались из таких же замороженных земляных глыб, какие лежат на северном мысе. Если в одном месте обваливание берега приостанавливается — вследствие ли поднятия почвы, так что вода не прибывает непосредственно к откосу берега, или вследствие изменения направления течения реки, благодаря песчаным наносам (мне кажется, что на основании всего сказанного об изменениях в дельте трудно решить, насколько оправдывается здесь закон К.Е. Бера, о размывании одного берега реки и наслоении другого; без всякого сомнения, закон этот имеет место, но весьма вероятно, что другие приведённые здесь при-

чины, способствующие изменениям в дельте, берут перевес над влиянием воды, вызванном вращением Земли вокруг своей оси) — то промерзшие земляные глыбы, тая, понемногу разваливаются и образуют округлённые конусы, покрываемые постепенно растительностью. В окрестностях одного из холмов я снова нашёл кости мамонта (клыки, говорят, и здесь редко встречаются): *fibula*, *scapula*, *humerus*, *ulna*, *carpal* и *metacarpal* и, наконец, большое число позвонков, по всей вероятности от одного и того же животного, без сомнения молодого экземпляра; приrostки у костей (*epiphysae*) были отделены. *Humerus* находился ещё в земле и торчал из вершины холма, футов на 75 над уровнем моря, Я снова пошёл к северному мысу, но и теперь я не мог добраться до откоса: прибой волн был сегодня слишком силён. Хотя у Тумыс-Быкова и открывается неограниченный вид на море с чудным прибоем волн, но всё вместе не производит впечатления моря; многого не достаёт, а именно: запаха моря, солёной воды — вода здесь совершенно пресная и обнаруживает течение — раковин и других морских животных.

Описанию моей поездки к месту нахождения мамонта и самого этого места я бы хотел предпослать несколько общих замечаний о полуострове Быкова. Якутское название, как уже не раз сказано, «Тумыс-» или «Тумыл-Быков» означает тоже, что «мыс Быкова». Название «Тамут», которое приводит Миддендорф, совсем неизвестно; по всей вероятности ему неверно сообщили это название. Трудно предположить здесь смешение со словом «Тумат», так как это последнее название употребляется только для деревень на самом крайнем севере дельты (Кетах, Бóрхая и проч.). Это название происходит от русского слова «туман», которое перенесено и в якутский язык: первые якуты, прибывшие сюда, заблудились будто-бы в тумане, по рассказам здешних жителей, и потому назвали так это место.

Весь полуостров (узкий перешеек, связывающий полуостров с берегом, такого же свойства, как и части полуострова, которые я видел) представляет из себя большую промёрзшую глыбу земли. Только на берегу встречаются мелкие более или менее округлённые камни, которые также, как и на островах дельты, занесены сюда издалека водою и льдом. Между ними попадаются карнеолы, каменный уголь, песчаник, железный колчедан, как и везде на Лене. Поверхность полуострова не-

ровная: в направлении от востока к западу на нём чередуются несколько хребтов гор с низменностями, идущими в том же направлении. У последних берег достигает высоты 20-30 футов. В том месте, где хребты подходят к берегу, они образуют немного выдающиеся мысы, которые постепенно разрушаются; эти хребты представляются отчасти в виде крутых обрывов, отчасти в виде понемногу поднимающегося берега с холмами, которые совершенно не встречаются там, где берег низок.

Первая низменность, у деревни Быков, подымается с востока на запад, так что западный берег гораздо выше восточного; на нём находятся также и холмы. То же самое можно сказать, как мне кажется, и про другие низменности. Между низкими частями лишь редко встречаются конусообразные возвышения. Везде на полуострове, как на возвышенностях, так и в низовинах находится множество озёр, из которых некоторые богаты рыбою (чир). Нигде на всём острове я не видел плавника или старого леса, а также и никаких раковин. Плавник лежал только у самой воды. Самое высокое место острова и место нахождения мамонта лежат по приблизительному расчету футов на 200 над уровнем моря. Там, где недавно обвалилась часть берега, ясно видно слоеобразное строение земли. Если же после обвала прошло некоторое время, то следы слоёв смываются водой, протекающей по ним. Земля содержит много растительных остатков. Всё это, по-видимому, заставляет думать, что здесь мы имеем дело с отложением из воды, и притом из пресной воды, так что полуостров Тумыс-Быков следует точно также причислять к дельте Лены, как и острова дельты, лежащие к северу; здесь совершенно то же образование, как и у выше рассмотренных высоких островов. (Образчик земли, взятый мною оттуда, поможет, вероятно, решить этот вопрос окончательно; я не имел ещё возможности исследовать его под микроскопом и решить, не содержит ли он остатков животного происхождения). Сообразно с этим и растительность полуострова почти та же, что на высоких островах, за исключением нескольких пород, которые мне там не попадались; так прежде всего один вид *betulae* (очень сходный с *betula nana*), потом *potentilla*, *rubus chamaemorus* (ещё раньше около селения Крестях я нашёл только один лист этого расте-

ния), который как раз цвёл 9 (21) августа; ягоды здесь никогда не дозревают; между тем как в Кумакуре на Лене, лежащем только немного южнее, ягоды достигают полной зрелости.

Утром 10 (22) августа ветер стих, и мы могли уехать в 5½ часов утра. Мы плыли вдоль берега преимущественно в направлении SSO, но нам часто приходилось объезжать мели, причём надо было усиленно грести, так как ветер сделался между тем опять свежее (SSW). В некоторых местах лодку можно было тащить вдоль берега; в таких случаях я шёл пешком. Около полудня мы пристали к третьему мысу, вёрст 20 южнее деревни Быкова, и остановились здесь. Хотя разрушение берегов, бывшее раньше во всяком случае гораздо сильнее, — как показывают холмы, которые успели уже отчасти покрыться растительностью, — здесь уже давно прекратилось, всё же и теперь заметно некоторое движение земли у откоса берега; весь откос, за исключением мест, где есть холмы, покрыт густым, мокрым, вязким, глинистым слоем земли около 1 фута толщины, который медленно, подобно потоку лавы, скользит по мёрзлой почве к воде. Иногда большая часть земли приходит в движение в то время, когда пробираешься по ней; тогда приходится волей неволей двигаться вместе, стараясь только не потерять равновесия, пока не попадёшь на твёрдую часть почвы или на холм, и здесь только можно твёрдо стать на ноги. Собственно обрыв здесь лишь футов 20-25 высоты и отчасти покрыт льдом; к нему, впрочем, я ещё возвращусь. Здесь мы нашли, кроме нескольких костей мамонта, также кости меньших млекопитающих, двукопытных; эти кости якуты считали также за кости мамонта; но легко было разубедить их в этом, после чего они оказали мне большую помощь при собирании костей. Прошлою осенью я думал, что я нашёл кости трёх родов двукопытных животных; теперь же у меня возникли сомнения относительно числа родов, так как число это я главным образом основывал на разнице в величине, не имея под рукой никакой литературы и материала для сравнения; а между тем значительная разница в величине может у двукопытных зависеть просто от разницы пола. Всё-таки я надеюсь, что некоторые из костей будут довольно интересны. К сожалению, встречаются почти исключительно кости конечностей; мне удалось добыть только половицу нижней челюсти с сохранившимся рядом зубов.

В 3 часа пополудни мы пришли к тому месту, на котором, по словам якутов, появился мамонт Адамса. В этом месте берег, который, как выше сказано, в общем имеет юго-юго-восточное направление, делает на небольшом протяжении изгиб к востоку, образуя таким образом бухту, в которую нанесено невероятное количество лежащего слоями плавника. Якуты уверяют, что плавник лежит здесь без изменений с незапамятных времён, а, по мнению Шагры, даже «со времён Ноя». Теперь вода уже никогда не подымается так высоко, чтобы занести ещё лесу на площадь плавника, лежащую футов на 10 выше уровня воды (берег здесь очень низок, постепенно подымаясь из воды); плавник может отлагаться теперь только у самого берега. Вода отделена от старого плавника полосой земли. Во всей бухте очень неглубоко, от 1 до 1½ футов, и глубина меняется, конечно, от прилива и отлива.

Вдоль восточного берета (274°) тянется шагах в 200-300 от воды отвесный обрыв, который в своей высшей части подымается приблизительно на 200 футов над уровнем воды. Сам обрыв в самом своём высоком месте имеет 29 аршин высоты; подъём же берега от воды до подошвы его раза в три больше. Пространство от воды до обрыва, медленно подымаясь, очень похоже по своим свойствам на прежде описанные откосы берегов: маленькие холмы и подвигающаяся к воде жидкая земляная масса. По словам якутов, откос постоянно подвигается внутрь страны, и нельзя сомневаться в справедливости этого мнения. Небольшими массами берег вечно обваливается, а кое-где видны также и следы недавно обрушившихся больших масс; также встречаются и такие места, которые несомненно скоро обрушатся. Мамонт показался в передней (западной) части откоса. Прежде стоял на этом месте крест, но с течением времени он исчез.

Большая часть обрыва покрыта льдом, только на нескольких местах видна земля, и здесь ясно обнаруживается слоевидное строение её. С первого взгляда кажется, что лёд составляет существенную часть почвы, т.е. что земля здесь прослоена льдом. Но я могу, как мне кажется, с большою вероятностью утверждать, что лёд представляет из себя лишь наслоение, так сказать вторичное образование, подобно тому, о котором я уже раньше говорил, т.е. скопление воды в образовавшихся трещинах, где она замерзает. Если какая-нибудь земляная глыба обрушится по причине именно этого образования льда в трещине, то этот

лёд появляется наружу. К этому убеждению меня привели следующие соображения. Нигде не заметно проникновение земли в ледяные массы в тех местах, где земля и лёд соприкасаются, напротив того, везде наблюдается обратное явление. На краю ледяной поверхности мы уже после непродолжительной работы всегда натыкались на землю; в середине же нам это не удалось, хотя мы работали с большим усилием и пробивали отверстия более чем в 2 фута глубины (имея в своём распоряжении всего только один топор). Там, где земля лежала слоем на льду (я нашёл также несколько и таких мест, но их нельзя было сфотографировать), можно было ясно видеть, что такое строение — простое следствие обвала. Далее, если бы ледяные массы представляли из себя самостоятельные слои, то они не могли бы образоваться иначе, как из скопившихся снежных масс. Такие слои во всяком случае должны бы были иметь горизонтальное положение подобно тому, как мы находим в несомненных скоплениях снега позднейших образований; но мы нигде не видели горизонтальных слоёв. Иногда заметны вертикальные слои, но они образовались вследствие трещин и проникновения туда воды. Замечу ещё, наконец, что эти ледяные массы при внимательном их рассмотрении производят такое общее впечатление, что приходится совершенно отказаться от предположения, что дело здесь идёт о прослаивании земли льдом.

Лёд довольно прозрачен, но содержит пузырьки воздуха. Я не берусь здесь решить вопрос, образуется ли этот лёд во всей своей толщине в трещине и, раз появившись на поверхности, вследствие обвала, понемногу исчезает, или же слой этот утолщается благодаря воде, протекающей по нему, особенно весной, когда земля, лежащая за ледяным слоем, имеет очень низкую температуру. Скопления же снега во всяком случае не влияют, как следует из вышеприведённых причин, на утолщение ледяной массы.

Таким образом после всего виденного мною на мысе Быкова и вкратце переданного здесь, надо полагать, что мамонт лежал здесь в земле.

Хотя я в вышеприведённом отчёте и воздержался по возможности от всяких рассуждений и ограничился лишь простой передачей фактов, которые казались интересными, то всё же я хотел бы к вышесказанному присоединить несколько собственных соображений. Дело в том, что из

сообщённого мною может показаться, что я пришёл к заключению, которое заставляет усомниться в верности мнения академика Л. Шренка о том, как залегают трупы допотопных животных в северной Сибири. Но это не так — прежде всего я не могу делать какие-либо несомненные выводы уже потому, что я ведь не нашёл самого главного, а именно мамонта — и я хочу здесь вкратце изложить моё ни для кого, конечно, не обязательное мнение о находках мамонтов в области дельты Лены. По моему мнению, все останки мамонтов в дельте (включая сюда же и полуостров Быкова) составляли части трупов, занесённых сюда весенней водой с их первоначального места. Потому-то мы и находим в дельте почти исключительно кости, совершенно лишённые жира, и по большей части по одиночке. На низких островах останки вовсе не встречаются, так как эти острова, если можно так выразиться, слишком часто перерабатывались, причём кости проникали всё глубже и глубже в землю. Более высокие острова образовались или, лучше сказать, не разрушились, по всей вероятности, вследствие временных изменений главного русла реки¹, сохранили потому раз попавшие туда останки, которые теперь понемногу выступают наружу. Если по большей части трупы животных при таком занесении сюда распадаются на части, то всё же возможен и такой случай, что целый труп ещё в замороженном виде принесён в холодной весенней воде в дельту и залёг здесь в нанесённых водою земляных массах, которые вскоре замёрзли и сохранили таким образом и мягкие части его до наших дней. Во всяком случае находку целого трупа в дельте должно считать ещё большей редкостью, чем на материке. Настоящее место нахождения их, где мы можем ожидать ещё много нового в этом отношении, собственно говоря, долины рек и лощины на материке северной Сибири, где, надо полагать, они сохранились именно так, как описал академик Шренк.

Осмотрев всё на месте нахождения мамонта Адамса, насколько мне позволяло время, особенно же отношение друг к другу льда и земли, сняв фотографии с разных мест, пополнив мою ботаническую коллекцию и собрав при помощи якутов довольно много костей допотопных животных, я поехал отсюда 11 (23) августа после полудня и вечером того

¹ Также и небольшое количество плавника на них, как и на полуострове Быкова, по-видимому, указывает на то, что в то время, когда они выступали над поверхностью воды, в этой местности не было очень сильного течения, т.е. более широкого рукава.

же дня прибыл в деревню Тумыс-Быков. Вследствие сильного ветра мы не могли на следующий день отправиться дальше к матерiku (Ангардам), так как и здесь нам надо было переехать широкую водную поверхность, а именно Быковскую губу. Лишь к вечеру стало настолько тихо, что можно было пуститься в дальнейший путь. Когда мы объехали северную оконечность полуострова, ветер оказался всё же довольно неприятным, дуя с запада нам прямо навстречу. Заходящее солнце живописно освещало тёмные земляные откосы, отчасти покрытые льдом; горы материка выступали передо мной в тёмно-лиловой окраске всё яснее и заманчивее. Я мог вполне убедиться, проезжая в незначительном расстоянии от северной оконечности, что и здесь земля, очевидно, покрыта, а не прослоена льдом; вследствие слишком сильного прибоя волн пристать к берегу было слишком рискованно. Здесь я видел, с какой уверенностью якуты ездят на своих ветках, множество которых сопровождали мою лодку; спокойно и равномерно опускается двойное весло в воду, и только при очень высоких волнах гребец на минуту перестаёт работать им, и всё своё внимание обращает на то, чтобы сохранить равновесие, потом он спокойно продолжает грести, и маленькая лодка как чайка, скользит по водной поверхности.

Часа через полтора мы пристали к острову Харá-Ары (т.е. чёрный остров), а немного позже к другому острову, Дашка-Ары, отделённому от первого узким каналом. Здесь мы ночевали. Оба эти острова не указаны, как мне кажется, на картах, так как они лежат к югу от главного рукава устья, Быковской Протоки. Было так светло, что я мог с обоих островов пеленговать на некоторые пункты, уже раньше мне известные, и таким образом определить их положение. Острова эти, по-видимому, не совсем нового происхождения (на это указывают растительность, старые постройки и проч.). На их месте на картах находится лишь одна мель. По словам якутов, к северу от этих островов река всего глубже и быстрее. В этом же месте и пароход «Лена» въехал в устье своей крёстной матери. На следующее утро нас покинули наши провожатые из Зимовьялаха и Тумыс-Быкова, и мы направились к матерiku, до которого доехали уже после полудня. Вскоре после того мы остановились близ одной горы.

Я должен сознаться, что я очень разочаровался, пробыв некоторое время на материке. Я надеялся встретить здесь глубокие горные ручьи,

чудные профили гор и в них окаменелости, как растительного, так и животного происхождения; такую мне казалась горная страна издали. Между тем, я ничего из всего этого не нашёл. Горы отделены от воды большею частью широкой тундрой, а в тех местах, где до них можно добраться, это голые скалы, покрытые более или менее раздробленными пластами аспида; они представляли мало интересного, и в них, по-видимому, вовсе не было окаменелостей (хотя я не щадил своего минералогического молотка). Притоки Лены спокойно протекали в своих широких долинах, уходящих далеко вглубь страны; многие из них были почти сухи и завалены тем же аспидом, каким покрыты горы.

Только растительность представляла кое-что интересного (хотя большинство растений уже отцвело или повреждено морозом); так, например, я встретил отличный экземпляр маленькой *corydalis*, экземпляр *saxifraga*, много семей *oxytropis* и несколько *compositae*, которых я нигде не видел на островах дельты. Собиратель мхов нашёл бы здесь богатое поле деятельности. Но я слишком мало знаком с этим предметом, чтобы собирать с мало-мальской критикой; мне пришлось бы нагрузить мою и без того уже заваленную лодку целыми мешками камней, покрытых лишаями, чтобы взять с собою хоть часть того, что здесь можно было собрать; а потом мне всё равно нельзя было бы увезти всё это со станции. А потому я предпочёл совсем отказаться от собирания лишайёв, утешая себя тем, что *non omnia possumus omnes*.

Так как мы коснулись здесь как раз ботаники, то я сообщу вкратце о моих ботанических находках вообще. С появлением первого цветка на Сагастыре я беспрерывно собирал растения, как на Сагастыре, так и на других близлежащих островах, и я думаю, что вряд ли на Сагастыре осталось что-либо характерное, чего бы я не заметил; по крайней мере после возвращения с моей поездки я не мог найти ни одного рода, которого бы ещё не было в моём гербарии, или которого бы я ещё не видел, но не взял только потому, что растение ещё не цвело. В продолжение всей моей поездки к мысу Быкова я собирал растения на всех островах и на материке, обращая, конечно, моё внимание лишь на виды или до сих пор мне вовсе не попадавшиеся или встречавшиеся в негодных экземплярах; собирать на каждом острове все прежние виды мне казалось совершенно ненужным. Сколько видов содержит мой гербарий, я не могу сказать в настоящую минуту, но во всяком случае — не меньше

200, между которыми есть много растений, которых я не встречал во время нашего путешествия по Лене.

Таким образом мы продолжали наш путь вдоль берега без продолжительных остановок; только сильный ветер сопровождаемый метелями по временам мешал нам. Выпавший снег оставался преимущественно на горах более продолжительное время и приятно разнообразил монотонный ландшафт. Я поднялся на некоторые ближайшие горы. Высота их доходила футов до 500-800; на некоторых из них я сделал измерения anerоидом. Прошлогодний снег лежал в небольшом количестве лишь на немногих горах.

15 (27) августа мимо нас вдали проехала лодка вниз по течению. Я послал к ней одного якута на ветке; оказалось, что это были якуты из Тумыс-Быкова, занимающиеся торговлей и возвращающиеся теперь из Кумаксур. От них я узнал, что судно с провиантом для нашей второй зимовки на станции уже отправилось к Сагастырю.

16 (28) августа мы довольно успешно поохотились на оленей. Четыре оленя хотели переплыть реку шириною в несколько вёрст. Якуты отрезали им дорогу обратно и убили троих в воде своими копьями; четвёртое животное, тяжело раненое, достигло берега и было убито казаком лишь четвёртой пулей из берданки (хотя ни одна из четырёх пуль не пролетела мимо).

После полудня того же дня я встретил тунгуса, с которым я познакомился уже зимою, а именно Портнягина с его сыном; он собственно русский по происхождению, но по образу жизни настоящий тунгус, ломано говорящий по-русски; они осматривали здесь свои песцовые ловушки. Сын ехал по тундре таким странным образом, что сначала я не мог понять, что такое движется мне навстречу, тем более, что воздух в тундре сильно колебался. Когда он приблизился (я пошёл один вперёд), всё шествие напомнило мне Семилассо в «Мюнхаузене» Иммермана. Сам он сидел верхом на статном олене, который был запряжён вместе с двумя другими, следовавшими за ним, в широкие сани; на санях лежала ветка, а по обеим сторонам было привязано по одной собаке. Таким образом двигалось всё это шествие медленно и величественно по тундре. Я никак не ожидал встретить здесь человека. Портнягин, подъехавший верхом на олене вскоре после моей встречи с его сыном, мог тоже кое-что передать мне о судне с нашим провиантом: тунгусы, по его словам, не

без страха видели, как судно проехало мимо острова Столбового, но были то пароход или каюка, они не могли различить; во всяком случае оно приводилось в движение вёслами. К сожалению, сын Портнягина исчез слишком скоро в тундре, здесь несколько холмистой, и не мог быть позван обратно; а мне очень хотелось снять фотографию со всей его процессии.

На следующий день мы снова встретили людей, а именно ссыльного Кузьму Еремеева, часто упоминаемого при спасении экипажа «Жаннетты», теперь отправлявшегося со своею женой (якуткой) и другим якутом в Быков, своё временное местожительство. У него была чудная палатка, подаренная ему американцами; он угостил меня гостеприимно чаем, сваренным «по всем правилам искусства» на самоваре. Вся обстановка говорила о его состоятельности; у него была и хорошая двустволка, также подарок американцев. Голова его была очень красива, так что я не могу себе представить, за какое преступление он подвергся столь тяжёлой ссылке. Теперь он питал твёрдую надежду на облегчение своего положения, что действительно вскоре и произошло на основании Высочайшего манифеста. От него я узнал, что г. вице-губернатор Приклонский сам доставил нам наш провиант.

Вечером того же дня мы объехали самый северный мыс к востоку от устья Лены, и здесь мне посчастливилось найти то, что я уже давно искал, а именно слой земли, содержащий окаменелости¹. Я уже раньше писал и высказывал надежду, что геолог мог бы составить себе из этих окаменелостей вместе с другими образцами камней ясную картину формаций устья Лены. Дальше на восток, у Крест-Тумыса (т.е. Крестового мыса) заметны были существенные изменения в строении берегов; скалы приблизились к берегу и разные кристаллические, то зелёные, то беловатые с лиловыми жилками камни (аметист?) разнообразили монотонный, крупнозернистый аспид. Вблизи слоя, содержащего окаменелости, мы расположились на ночлег. Когда мы варили себе ужин, я увидел (между тем уже сильно стемнело), что в расстоянии приблизительно двух вёрст от нас что-то двигалось на горе, круто спускавшейся к Лене; в бинокль я увидел ясно трёх горных баранов — последняя цель, которую я ещё хотел достигнуть на этой поездке. На следующее утро мы

¹ На этом месте находился очень толстый слой прошлогоднего снега, с которого я снял фотографию. Снег лежал отчётливыми слоями.

прежде всего принялись собирать окаменелости, что было не совсем легко, так как коренная порода (серый известняк) оказалась очень твёрдой. Часов в 10 эта работа была окончена, и теперь можно было поохотиться. Пройдя несколько шагов вглубь страны (нас было двое: казак и я, якутов мы послали на лодке вперёд), я увидел в расстоянии приблизительно $\frac{3}{4}$ версты, трёх баранов. Мы быстро составили план охоты, который, однако, оказался впоследствии совершенно неудачным. Я хотел подкрасться к животным с юга, где я мог более или менее укрываться, но не прошёл и нескольких сот шагов, как бараны (их было четыре — один лежал), по словам казака, одним прыжком соскочили с крутого откоса, на котором они паслись, и быстро взобрались в несколько скачков на противоположную крутую гору. Я видел, как они там появились и снова исчезли; но я думал, что это были другие животные, не предполагая, что первые могли так скоро перебежать туда. Я пошёл за ними, но больше их уже нигде не видал.

С этой высокой горы открылся мне живописный вид через низкие бурые холмы на долину Лены. Далеко-далеко я мог проследить чудную реку, ярко освещённую солнцем, между её извилистыми голубыми берегами, — совсем непривычная для меня картина; на севере открывался безграничный вид на дельту. Чувство тоски по родине и близким мне людям, которого я до сих пор не знал, вдруг овладело мною; мне показалось, что я нахожусь совсем близко к родине. Да и что собственно отделяло меня от неё? Там, вверх по этой чудной реке, далеко за последними голубоватыми горами, лежит город Якутск, оттуда до Иркутска 3000 вёрст, а от Иркутска всего только немного больше 6000 вёрст, и я там, куда меня теперь так влечёт тоска. Но долго я не мог отдаваться моим мечтам и любоваться прекрасным ландшафтом. Мы должны были согласиться, что без опытного тунгуса, знающего привычки горных баранов, мы ничего здесь не можем поделать. Время между тем шло, я уже упустил срок, к которому решил вернуться на станцию. К тому же барометр начал сильно падать, и я боялся оставаться здесь слишком долго, так как нам опять предстояло переезжать через большое водное пространство. Как мне ни хотелось пробыть ещё некоторое время здесь на горах, я, однако, быстро собрался и пошёл к лодке, лежащей от нас верстах в 10, против острова Столбового, где по уговору якуты ждали нас. И здесь опять меня ожидало разочарование: чудные горные цепи, но ни

следа окаменелостей. (На правом берегу Лены, впрочем, я нашёл всё же слой в несколько саженей ширины, состоящий из мелких камней и двучеренных раковин, соединённых вместе твёрдою массою, похожей на цемент). С острова я снял несколько фотографий.

На другой день мы возвратились в дельту, куда мы въехали у известного мне острова Яков-Белькой при таком сильном дожде, какого я здесь никогда впоследствии не наблюдал. В продолжение дня дождь ещё раз повторился, так что мы прибыли в Хас-Хату вечером совершенно промокшими. Когда мы подъезжали к юртам, наши якуты заметили на берегу ветки, и вскоре узнали по знакам на них, что здесь должны быть люди из Тумата. Едва мы подъехали, как из одной юрты выбежали несколько якутов, все старые знакомые, которых мой казак застал за картами (что, положим, простительно при худой погоде!). Они охотились здесь на оленей, и на этот раз, вообще говоря, довольно удачно. Разговорам теперь не было конца! Выехав отсюда на следующий день лишь очень поздно, мы ещё раз ночевали в пути, прежде чем достигнуть Сагастыря, куда мы благополучно прибыли 21 августа (2 сентября) в 11 часов утра.

Известия о трупах мамонтов в области нижней Лены.

Я ещё не кончил моего предшествующего отчёта, как получил известие, заставившее меня на время бросить все мои другие работы и заняться исключительно им. Дело в том, что в дельте совсем вблизи станции оказался труп мамонта, существование которого якуты до сих пор нарочно скрывали от нас. Я уже раньше упоминал о результатах расспросов г-на Юргенса и моих об останках мамонта. Почему якуты скрывали от нас эту находку, уже давно им известную, для меня совершенно непонятно; вероятно, они боялись, что мы потревожим тогда их спокойствие. Староста Тумата обвинял своих односельчан, что они запретили ему говорить нам об этом, они же сами оспаривали это и т.д. Благодаря простой случайности мы вообще узнали о существовании трупа. 12 (24) марта этого года у нас на станции находился письмоводитель Булуна Иона Егорович Новгородов, который приехал несколько дней тому назад. Я говорил с ним, конечно, о мамонтах, просил его навести справки

и напомнить туземцам о премии, назначенной академиею. Между прочим он мне рассказал, что он слышал об одной такой находке (той самой, о которой мне уже раньше говорил прежний писарь из Булуна и о которой я уже упоминал); но об этом, по его словам, должен знать здешний староста, бывший как раз на станции. Оказалось, что действительно верстах в 35 от нашей станции лежит труп мамонта, хотя и не совершенно целый; якуты знали о нём уже 27 лет и отчасти воспользовались им. История его следующая.

В 1857 году этот труп был найден в целости и тогда ещё его голова с клыками была отрублена и продана купцу (бывшему казаку) Семёну Григорьевичу Шахурдину, недавно умершему. Тогдашний исправник Верхоянска, Ворожейкин, впоследствии полицеймейстер Якутска (теперь Красноярска), узнал об этом и тотчас стал наводить справки. Ему, однако, был дан ложный ответ, что вода снесла уже оставшуюся часть мамонта, и тем дело и кончилось. Не знаю, известно ли что-либо Академии наук об этой находке. В действительности мамонт лежит всё ещё на своём старом месте. В тот же самый день (12 (24) марта) я отправился в сопровождении Новгородова к месту, где должен был находиться мамонт; однако, лишь на следующий день мне удалось добраться до него. Наш путь шёл в юго-западном направлении через Борхаю и Кайгалах. От последнего местечка (в настоящее время обитаемого) до мамонта оставалось 12 вёрст. Я хотел по крайней мере осмотреть место, чтобы увидеть, что можно будет предпринять. Я узнал следующее. Животное обнаружилось благодаря тому, что весенний разлив размыл на берегу одного из рукавов часть земляного откоса, где лежал мамонт. Но при этом, как говорят, положение животного не изменилось; показались лишь голова и передняя часть, остальная же часть лежит и по сейчас нетронутая в замёрзшей земле; голова была сейчас же отрублена, и мне неизвестно, где она теперь находится. Труп лежит в нижней трети откоса, поднимающегося футов на 30 над водой (на левом, западном берегу протоки); теперь всё покрыто толстым слоем снега (от 5 футов до 2 сажений), так что я не могу описать строение и свойство этого откоса. Весною (т.е. в июне и июле) вода совершенно покрывает будто бы это место и нанесла теперь уже на мамонта слой песка толщиной в пол-аршина или в аршин. Якуты уверяют, что нечего бояться, что труп растаскают; но на их

слова совершенно нельзя положиться. Положение, в котором нашли мамонта, было следующее: мамонт лежал на правом боку, голова и передняя часть лежали выше, чем задняя; голова была обращена к откосу, задняя же часть к реке, которая в этом месте делает поворот с севера на северо-восток. С течением времени у мамонта было взято, кроме головы, левая передняя нога вместе с плечной лопаткой, несколько рёбер (из костей якуты точат себе ложки), часть шкуры левого бока, далее куски жира и, наконец, мясо. Шкура, как они говорили, была в 4 пальца толщины и покрыта густой шерстью, которая несколько короче шерсти оленя и желтоватого цвета; но более длинной шерсти, гривы и прочего. якуты будто бы не заметили (шкуру они употребляли на сбрую для собак). Там, куда проникал воздух, жир был желтоватого цвета, в глубине же снежно-белого (его употребляли на смазку веток). Мясо, наконец, в верхних слоях имело бледно-красный цвет, в более же глубоких оно ярко-красного цвета, как свежее мясо; однако, они не пробовали есть его. Внутренности и вся нижняя часть тела, по словам якутов, совершенно целы. Это всё, что мне удалось разузнать; видеть же я до сих пор ничего не видел.

Г. Юргенс и я решили употребить все усилия, чтобы раскопать этот драгоценный для науки клад, и сейчас же приняться за работу.

Я переселюсь на будущее время совсем на Кайгалах к месту нахождения мамонта, чтобы руководить работами. Якуты обещали уже помочь мне и были уверены, что даже и теперь раскопки трупа не представят слишком больших затруднений. Мы хотели покончить с работами в течение апреля. Г. Юргенс между тем был настолько любезен, что принял на себя те магнитные наблюдения, которые до сих пор делал я. Если до конца апреля (предполагавшийся срок моего отъезда) я не достигну удовлетворительных результатов, но будет надежда достигнуть их в ближайшем будущем, то можно будет отсрочить мой отъезд, так чтобы я мог ещё и в мае продолжать работы. Если и тогда останется ещё что-либо нерешённым, или если мы наткнёмся на непреодолимые затруднения, то всю работу придётся отложить до осени (что было бы очень жалко), и в этом случае я надеюсь устроить так, что мне можно будет ещё раз возвратиться в дельту и приняться за работу в августе, когда кончится половодье.

Прежде всего надо было теперь точно определить место, где лежит мамонт; показания якутов согласовались между собой, но, по-видимому, они были не совсем уверены в своём мнении. Когда этот вопрос будет решён, тогда можно будет, раскидав снег, приняться за земляные работы, которые мы думаем произвести при помощи огня, соблюдая при этом, конечно, известные предосторожности. Мне придётся обратить своё внимание на следующее. Во-первых, на положение животного, которое нетрудно будет определить, хотя вряд ли оно лежит на своём первоначальном месте. Во-вторых, на окружающую его землю, хотя ей, по крайней мере её верхнему слою, нельзя приписать особого значения; впрочем, её свойства лучше всего покажут, насколько следует принимать её во внимание. В-третьих, и это кажется мне самым важным, надо будет постараться достать содержимое желудка. Наконец, в четвёртых, следует обратить внимание на шкуру и волосы. Из мягких частей я хочу попробовать кое-что консервировать в спирте, сделав сначала эти части по возможности твёрдыми в хромовой кислоте; по крайней мере для консервирования отдельных мелких частей придётся прибегнуть к хромовой кислоте. От скелета, я думаю, можно совсем отказаться, тем более, что он не цел. Вот вкратце всё, что я намереваюсь предпринять при предполагаемых работах.

6-го (19) апреля на Сагастырь прибыла почта, а почти одновременно с ней приехал исправник Верхоянска, совершавший объезд подведомственных ему областей; его сопровождал купец Соловьёв. За мною тотчас же послали в Мостах, где я руководил работами по раскопкам мамонта, который ещё, к сожалению, не найден. До того времени я работал с 11-12 людьми, исполнявшими с большим старанием мои указания. До сих пор мы занимались раскопкой снега (и только что начали рыть землю); но раскопки эти приняла гораздо большие размеры, чем я сначала предполагал, так как якуты всё ещё расходились в своих показаниях относительно места, где лежал мамонт. Слой снега также оказался гораздо толще, чем я указал выше, а именно он равнялся 8-12 футам и больше. Теперь я не буду приводить подробностей наших работ, тем более, что они не привели ещё ни к какому результату; скажу только, что

снежные раскопки почти готовы и простираются на пространство, достаточное, по мнению якутов, чтобы найти мамонта. Чтобы метели не могли нам мешать, я вёл работы под землёй, или лучше сказать под снегом, к чему я был уже потому вынужден, что снег лежал огромными массами. Провалов опасаться было нечего, так как снег был чрезвычайно твёрд, так что местами мы вырубали его большими глыбами при помощи топора.

В субботу 7 (19) апреля рано утром я приехал на Сагастырь и провёл здесь время со своими товарищами и Верхоянским исправником частью в разговорах о предстоящих предприятиях, частью же в праздновании Пасхи; тем более, что в эти дни я всё равно не достал бы рабочих. В понедельник мы устроили стрельбу в цель с раздачею призов, во вторник утром — бега для якутов на нартах и собаках, причём г. Юргенс также раздавал призы. Во вторник после полудня исправник, г. Юргенс и я поехали вместе, по моей просьбе, к месту нахождения мамонта, чтобы вместе осмотреть совершённые уже работы и вместе с якутами решить, что ещё надо и что ещё можно сделать. В тот же самый вечер мы всё осмотрели, и было решено во всяком случае продолжать работы. Ещё в тот же вечер исправник и Соловьёв поехали дальше в Быков, а я с г. Юргенсом отправился обратно на Сагастырь. Утром 11 (23) апреля мы приехали, отдохнули после прогулки и принялись за нашу корреспонденцию, чтобы отправит почту как можно скорее. Спустя два дня я отправился вечером со своими рабочими в Мостах, чтобы, покончив со снежными работами, приняться за земляные. Каков будет результат этих работ и будет ли вообще какой-нибудь результат, теперь, конечно, я не могу сказать, но я во всяком случае сделаю всё, что будет в моих силах.

Теперь мне остаётся сообщить ещё об одном, не менее радостном известии. В то время, как мы работали пока безуспешно у этого мамонта, мы узнали от одного старого казака Корякина, приехавшего в дельту по своим торговым делам и по служебным обязанностям, о втором мамонте, который, по-видимому, насколько я до сих пор мог узнать, представляет ещё больший интерес, чем первый. Этот мамонт появился пять лет тому назад, (тогда же ему отпилили клыки), на берегу речки Мóлода, притока Лены немного выше Сиктях (т.е. вёрст 700 от нас). Передняя часть тела, как узнал Корякин от якута, сообщившего ему обо всём, появилась в середине высокого и крутого берега реки, состоящего

из земли (?) и, по всей вероятности, находится и по сейчас в том же положении. Подробности были ещё неизвестны. Мы тотчас же просили Корякина и Верхоянского исправника навести справки на предстоящем собрании в Булуне, куда съезжаются все якуты, и сообщить нам о результатах их.

Как всё устроится в будущем зависит от обстоятельств, которых нельзя предвидеть. Если я до июля, когда я во всяком случае приеду в Булун, не достигну никаких результатов у первого мамонта, то будет зависеть от известий, которые я получу там, вернусь ли я в августе опять сюда (раньше вряд ли можно здесь начать работы из-за половодья), или поеду до Сиктяха с прочими членами экспедиции и примусь за второго мамонта.

Из всего вышесказанного, мне кажется, следует, что находки мамонтов здесь совсем не редки, но узнать о них очень трудно, особенно вследствие странного поведения якутов, а также и здешних русских (я здесь преимущественно имею в виду старика Корякина, так как я в его присутствии расспрашивал про мамонтов во время моего проезда через Булун, а он, зная тогда об обеих находках, не сказал мне о том ни слова). Причины такого отношения нельзя доискаться!»

Позднею осенью, 20-го августа, была предпринята г. Эйгнером последняя в это лето экскурсия. Цель её была — астрономически определить положение места высадки капитана де-Лонга, а также снять ведущую туда протоку дельты и связать эту съёмку со съёмкою г-на Юргенса. Место это находится в 40 верстах к востоку от нашей станции и, чтобы попасть туда, г. Эйгнеру пришлось сначала выехать в открытое море, обогнуть несколько островов и снова войти в дельту.

На месте своей высадки он нашёл следы погибших американцев: на земле валялись пустые коробки от консервов, пачки спичек и проч., и виднелись остатки костров. Несчастные надеялись, вероятно, найти здесь, наконец, спасение после трудного плавания по морю, но негостеприимное море сменилось для них ещё более негостеприимной сушей, так как в то время началась северная осень с её буранами. Вместо того, чтобы теперь направиться на запад, где они на каждом шагу встретили бы жилые юрты и людей, они начали свой роковой путь на юг, пока,

наконец, не погибли от холода и голода на острове Яков-Белькой, лежащем в устье Лены против материка. На месте высадки де-Лонга г. Эйгнер поставил пирамиду из брёвен плавника, на которой прибил доску с надписью (на русском и немецком языках) в память печальной судьбы, постигшей американских мореплавателей.

Отсюда г. Эйгнер отправился вверх по течению по очень мелким протокам, сильно затруднявшим как само плавание, так и съёмку. Бури, холодная погода, сопровождавшаяся часто выпадением снега, и туман, а также наступившие уже ночные морозы, всё это ещё более затрудняло поездку, так что, к сожалению, за всё время не пришлось сделать ни одного астрономического определения. Всё же удалось произвести тригонометрическую съёмку пройденного пространства и связать её со съёмкой г. Юргенса, несколько выше по течению реки. 5-го сентября, незадолго до наступления зимы, г. Эйгнер благополучно вернулся со своими спутниками на станцию.

Между тем у нас произошло многое имевшее важное значение для дальнейшей судьбы станции. Вечером 10 августа неожиданно прибыл на станцию якутский вице-губернатор В.Л. Приклонский с транспортом провизии на 1883-84 год. Имея поручение обревизовать северные окраины огромной якутской области, он принял на себя труд доставить при этом на станцию запасы провизии. Вследствие сильных бурь плавание его на каюке было не совсем благополучно и судно по пути сильно пострадало, а на следующий день после выгрузки из него товаров оно было совершенно разбито сильной бурей от W, так что пришлось разобрать его и употребить доски для различных других целей. На каюке прибыли и 3 казака Якутского гарнизона, назначенные заместить выходяющих наблюдателей..

С почтою мы получили между прочими письмами бумагу от Императорского Русского Географического Общества, в которой отменялось сделанное нам весною предложение остаться в устье Лены на вторую зимовку и предписывалось закончить наши работы и воротиться назад. Что теперь делать? Все запасы на второй год были приобретены и с большим трудом доставлены на станцию, потрачены значительные суммы — и вдруг нам всё бросить и воротиться обратно. Сбыть товары на месте за их действительную стоимость — об этом не могло быть и

речи; так же невозможно было отправить их обратно ни летом, ни зимою, за недостатком рабочих сил и барок; издержки превысили бы стоимость самих товаров. Такой транспорт вообще возможен только летом вниз по течению.

Но так как мы предполагали, что последнее распоряжение Императорского Географического Общества будет отменено, как только узнают в Петербурге об отправке запасов из Якутска и о прибытии их на станцию, то г. Юргенс решил не спешить возвращением; тем более что во всяком случае надо было дожидаться зимы. Но всё же мы предполагали постепенно собираться в обратный путь; доктор Бунге должен был отправиться первым в сопровождении г. вице-губернатора, так как Императорская Академия наук поручила ему снарядить новую экспедицию в прианский край и на Новосибирские острова и назначила его начальником этой экспедиции.

В этом году зима наступила не так внезапно, как в прошлом; после сильных морозов и буранов снова наступала оттепель, пока, наконец, в середине сентября зима не установилась окончательно. Река стала 19-го сентября, как и в прошлом году; по рукавам дельты стало возможно ездить, и сообщение на собаках установилось.

Текущие наблюдения на станции не прекращались, конечно, ни на минуту, но в то же время делались приготовления к возвращению домой. Так как со станции собиралось выехать довольно значительное число людей (всего 8), а кроме того старшины туземцев намеревались сопровождать вице-губернатора, чтобы присутствовать при общем собрании в Булуна, то требовалось большое количество нарт; пришлось собрать почти всех собак северной части дельты Лены.

14-го, 15-го и 16-го октября путешественники стали отправляться небольшими партиями; последним выехал доктор Бунге, не зная ещё наверно, окончательно ли он покидает станцию, или нет. Без особых затруднений путешественники достигли Булуна 24-го октября. Здесь доктор Бунге встретил почту и, с разрешения г. Юргенса распечатав письма, узнал, что Императорское Русское Географическое Общество решило продолжить Ленскую экспедицию ещё на один год, почему пришлось отсрочить на год экспедицию на Новосибирские острова. Доктор Бунге тотчас же отправился обратно на станцию и приехал туда 7-го ноября, уже по наступлении полярной ночи.

Опять началась монотонная, правильная жизнь по часам, минутам и секундам, которую летом и осенью несколько оживляли экскурсии, гости и перемена в личном составе станции. Всё шло своим чередом, как и в прошлом году; таким однообразием мы, однако, вовсе не тяготились. Один день протекал, как другой. Только в терминные дни повседневная правильность нашей жизни нарушалась: в наблюдениях должны были принимать участие все, и работать надо было ещё усиленнее, так как в этом году у нас было одним наблюдателем меньше.

Однако, эта непрерывная работа, с которой мы даже не могли справиться во всей её полноте во время пребывания нашего на станции (если считать требование программы обрабатывать предварительно накопившийся материал наблюдений) послужила нам только в пользу; грустные мысли, тоска по родине и многое другое, на что обыкновенно жалуются путешественники в полярных странах во время зимней ночи, у нас вовсе не являлись; относительно пищи, как духовной так и материальной мы были также вполне обеспечены. Таким образом мы могли спокойно ожидать будущее.

Однако, обитателям станции, казалось, всё-таки угрожала, хотя и не прямая, опасность, но только совсем с другой стороны. На берегах Лены всё лето свирепствовала оспа и, переходя с места на место, дошла до Булуна, где д-р Бунге во время своего пребывания там застал ещё следы болезни; потом эпидемия, по-видимому, прекратилась; но вот один русский купец занёс её снова в дельту Лены, и она с новой силой распространилась на юго-востоке дельты в селении Зимовьялах и скоро приняла здесь огромные размеры.

Так как эту зиму мы содержали своих собственных собак, для пропитания которых был необходим большой запас рыбы, г. Юргенс нанял якута из деревни Кытах, вблизи станции, послав его на мыс Быкова или в селение Зимовьялах, где улов рыбы гораздо обильнее и продолжается дольше, и поручил ему наловить для нас достаточное количество рыбы. Но он, испугавшись эпидемии, бросил сети и вернулся в Кытах, куда прибыл 10 декабря уже больным. Спустя несколько дней, он умер от оспы, и таким образом нам угрожала опасность, что вблизи нас начинается эпидемия, а это было очень возможно при беспечности и непонятливости якутов.

Однако, болезнь не получила дальнейшего распространения, может быть, благодаря дезинфекции и некоторым другим мерам предосторожности, предпринятым д-ром Бунге. Особенно надо было подвергать карантину людей, приезжавших через заражённые местности с почтою, которую мы получали через мыс Быкова, но при болтливости и беспечности этих людей очень трудно было строго соблюдать эти меры. Мнение туземцев, что оспа не проникает на север, и на этот раз оказалось справедливым. Эпидемия пощадила как станцию, так и окружавшие её селения и распространилась лишь дальше на восток до устья Яны и достигла Индигирки и Колымы, производя везде ужасные опустошения. Во многих местах она унесла, как говорят, половину населения.

Спокойно текла наша жизнь. Снова наступило Рождество, и нашу небольшую комнату украсила ещё меньшая ёлка, чем в прошлом году. Неделю спустя, мы во второй раз встречали на станции новый год, но уже, конечно, и в последний, так как вряд ли кто-нибудь из нас согласился бы остаться здесь ещё дольше. Незаметно прошла зимняя ночь, и с первыми лучами солнца мы начали строить планы, как лучше всего воспользоваться временем оставшимся до отъезда, который был назначен весною или ранним летом. Мы предполагали предпринять поездки для магнитных наблюдений и астрономических определений вдоль берега Ледовитого океана с одной стороны к западу до Анабары и даже Хатанги, а с другой стороны к востоку до Устьянска. Но худая погода и почти непрерывные бураны помешали нам, и мы могли лишь отчасти исполнить наши намерения.

Первым отправился г. Эйгнер. 29-го февраля он выехал со станции в сопровождении одного казака с тем, чтобы через Булун достигнуть Устьянска. Он успешно выполнил свою задачу несмотря на то, что перемены погоды часто мешали ему при его наблюдениях, которые потому не могли быть всегда полными. В Устьянске он пробыл несколько дней, радушно принятый местными русскими купцами, и пустился затем в обратный путь через устье реки Омолой и губу Борхая на мыс Быкова, откуда он отправился далее на север до Баркина стана (северо-восточная оконечность дельты) и 5-го апреля благополучно возвратился на станцию.

Во время отсутствия г. Эйгнера на станцию прибыл письмоводитель Жиганского улуса, к которому принадлежит и дельта Лены, И.Е. Новгородов, отправившийся из Булуна, своего местопребывания, в дельту по делам службы. Между прочим г. Новгородов сообщил нам к нашему немалому удивлению, что, по рассказам туземцев, в небольшом расстоянии от Сагастыря, около 30 вёрст в юго-западном направлении, лежит мамонт; хотя его открыли уже много лет тому назад, воспользовавшись тогда же его клыками и некоторыми другими частями, но большая часть его нетронута и должна находиться и теперь на том же месте, снова занесённая песком.

И так мы жили в дельте 1½ года, почти непрерывно делали справки и розыски относительно мамонтов, а туземцы, которым всё это было отлично известно, упорно молчали и отрицали даже существование таких находок. Почему они так поступали, было для нас загадкой!

Так как нельзя было терять времени, то решили приступить к раскопке сейчас же весной и поручить её доктору Бунге, который вообще интересовался этим вопросом. Туземцы брались довольно точно указать место нахождения мамонта, несмотря на покрывающие его огромные массы снега (от 2 до 3 сажень). Работы начались 25-го марта и продолжались с небольшими перерывами до 10-го мая; всё это время доктор Бунге жил вблизи места работ в маленькой снеговой будке, наскоро устроенной из нескольких брёвен и снега. К сожалению, работы оказались безуспешными, так как якуты ошиблись в указании места, что, однако, выяснилось лишь впоследствии. 10-го мая, как уже сказано, пришлось прекратить работы, частью потому, что указанная местность была уже исследована самым тщательным образом, частью же потому, что работам мешала вода накопляющаяся от таяния снегов. Таким образом пришлось отложить розыски до осени; это и было причиной, почему д-р Бунге решился, как мы увидим впоследствии, остаться один в дельте Лены до осени и после закрытия станции.

Между тем г. Эйгнер воротился со своей поездки в Устьянск, и почти одновременно с ним прибыл на станцию исправник, который и в этом году решился навестить нас, несмотря на дальний путь. Мы были очень обрадованы его посещением, так как о многом надо было переговорить ввиду предстоящего возвращения.

Праздники Пасхи 8-го (20) апреля совпали как раз со временем его пребывания у нас, и мы провели их особенно весело. Из съестных припасов и вин выбиралось самое лучшее, что только осталось к концу нашего пребывания на станции. Для наших людей и туземцев была устроена призовая стрельба и скачки на собаках. В продолжение двух дней господствовало на станции весёлое, праздничное настроение. — Но потом все опять принялись за усиленную работу, так как до отъезда надо было покончить ещё многое. Доктор Бунге отправился к месту раскопки мамонта, причём его сопровождали г. Юргенс и исправник, чтобы осмотреть работы, произведённые до сих пор. Г. Юргенс рассказывает об этом следующее (Известия Императорского Русского Географического Общества, Т. XXI): «В этот же день (10-го апреля) все незанятые службой на станции отправились осматривать работы у «мамонта». Вдоль высокого обрыва берега, на протяжении около 150 шагов, под слоем снега толщиной в 30 футов, был вырыт коридор, вышиной в рост человека и около сажени шириной. Через каждые 5-6 шагов сделаны выходы из него. В обнажённой земле вытаены ямы, достаточной глубины, в таком расстоянии одна от другой, что мамонт, если бы он там лежал, не мог поместиться в промежутках между ними и остаться не открытым. Снаружи коридора до речного льда также были вырыты в песке ямы, расположенные в шахматном порядке. Исследованная таким образом площадь имела до 350 кв. саженей».

19-го апреля г. Юргенс предпринял давно задуманную поездку на запад от дельты Лены; но от первоначального намерения доехать до устья Анабары пришлось отказаться, частью вследствие недостатка собак в местностях, которые он проезжал, частью вследствие приближения весны. Г-ну Юргенсу удалось добраться лишь до устья Оленька, где он хотел посетит между прочим могилу лейтенанта Прончищева и его жены, которые погибли здесь в прошлом столетии во время «большой экспедиции» и были похоронены в общей могиле.

Во время этой поездки г. Юргенс произвёл в различных пунктах целый ряд астрономических и магнитных наблюдений (на устье Оленька, в селении Турах на западе дельты Лены); 26-го апреля он благополучно вернулся на станцию.

Несколько дней спустя мы уже окончательно стали собираться в обратный путь. Первым отправился г. Эйгнер с одним казаком и частью

инструментов; он хотел воспользоваться ещё зимним путём и на 9 нартах достигнуть Булуна, а отсюда отправиться в Якутск на каюках, идущих туда весною вверх по течению. 1-го мая мы надолго распростились с нашим товарищем, который теперь уже возвращался на родину.

В середине мая г. Юргенс предпринял последнюю далёкую экскурсию на остров Дунай, о котором нам не раз приходилось слышать от якутов, возбудивших этими рассказами нашу любознательность. Об этой поездке г. Юргенс сообщает нам в своём отчёте следующее (XXI том Известий Императорского Русского Географического Общества):

«14-го мая я выехал со станции на двух нартах, направляясь на WNW, и на следующее утро остановился для отдыха собак в поварне Орто-стан, расположенной на берегу залива, образуемого двумя смежными полуостровами длиною около 4 вёрст. В море виднелись три небольшие островка. Проводники сообщили, что мы находимся на полпути к острову Дунай и в 60 верстах от станции. День был ясный, и я решился воспользоваться им для астрономических и магнитных наблюдений. 16-го мая мы продолжали путь уже по льду, беспрестанно пересекая далеко выдававшиеся в море мысы, возвышающиеся над уровнем воды футов на 20-30. Проводники указали на горизонте островок Герасим-Белькой, на котором в год нашего прибытия на станцию были убиты два моржа. В восточной части дельты моржей никогда не видели. Вечером прибыли в поварню Бурунах. Начавшаяся незадолго пред тем метель превратилась в настоящую пургу. Ветер стих только к полудню следующего дня. Отсюда мы направились к островку Дунай-Белькой или Столб, очертания которого иногда выступали из пасмурности, скрывавшей горизонт. Метель поднялась снова; покинутый нами берег исчез из глаз; иногда только сквозь облака снежной пыли можно было различить какой-нибудь почерневший от действия солнечных лучей мыс.

В 6 часов остановились у Столба на полчаса, чтобы дать отдохнуть усталым собакам. Столб — почти размытый волнами островок, возвышающийся фут на 40 над поверхностью моря, который, вероятно, скоро исчезнет совершенно. Поверхность его, покрытая птичьим помётом, не превышает 400 квадратных сажен. Снега на вершине его не было совсем, местами стояли лужи. Десяток чаек и снегирей, спугнутых нами, с громким криком проводили нас на некоторое расстояние, когда мы отправились далее. Через час мы были на острове Дунай. Поверхность его

представилась мне холмистою; холмы до 40 фут над морем, берега же не выше 10-15 футов. Мы наткнулись на стадо оленей, спокойно пасшихся за одним из холмов. Собаки погнались за ними, и одного удалось подстрелить из берданки. Взвалив его на нарту, мы поехали далее к крайнему северному мысу острова, которого достигли в восемь часов вечера. Мыс этот, вышиною около сорока футов, состоит из песка, покрытого кочками с жёсткой травой. К востоку от него низменность и на ней много плавника. Вероятно, она представляет дно сухой протоки, отделяющей от острова Дунай другой — Егорша-Белькой, высокий северный мыс которого был виден с места нашей стоянки почти на Ост. Мои проводники устроили из расколотого плавника урасу или коническую палатку, покрыв её куском парусины и разложили огонь внутри, чтобы сварить ужин. Метель не прекращалась. Дым и снег, заносимый ветром в палатку причинили воспаление глаз, как у меня, так и у якутов. Весь следующий день метель не прекращалась, и небо не прояснялось. Только поздно вечером ветер стих настолько, что я мог приступить к магнитным наблюдениям. 19-го мая, наконец, удалось сделать астрономические наблюдения, по окончании которых мы тотчас же снарядились в обратный путь прямо на поварню Орто-стан. Морем ехали всё время параллельно гряде высоких торосов (ледяные глыбы), в расстоянии двух вёрст от неё. Однажды видели нерпу, гревшуюся на солнышке; при нашем приближении она тотчас же, конечно, скрылась под лёд. Долго не могли отогнать собак от дыры, через которую она исчезла.

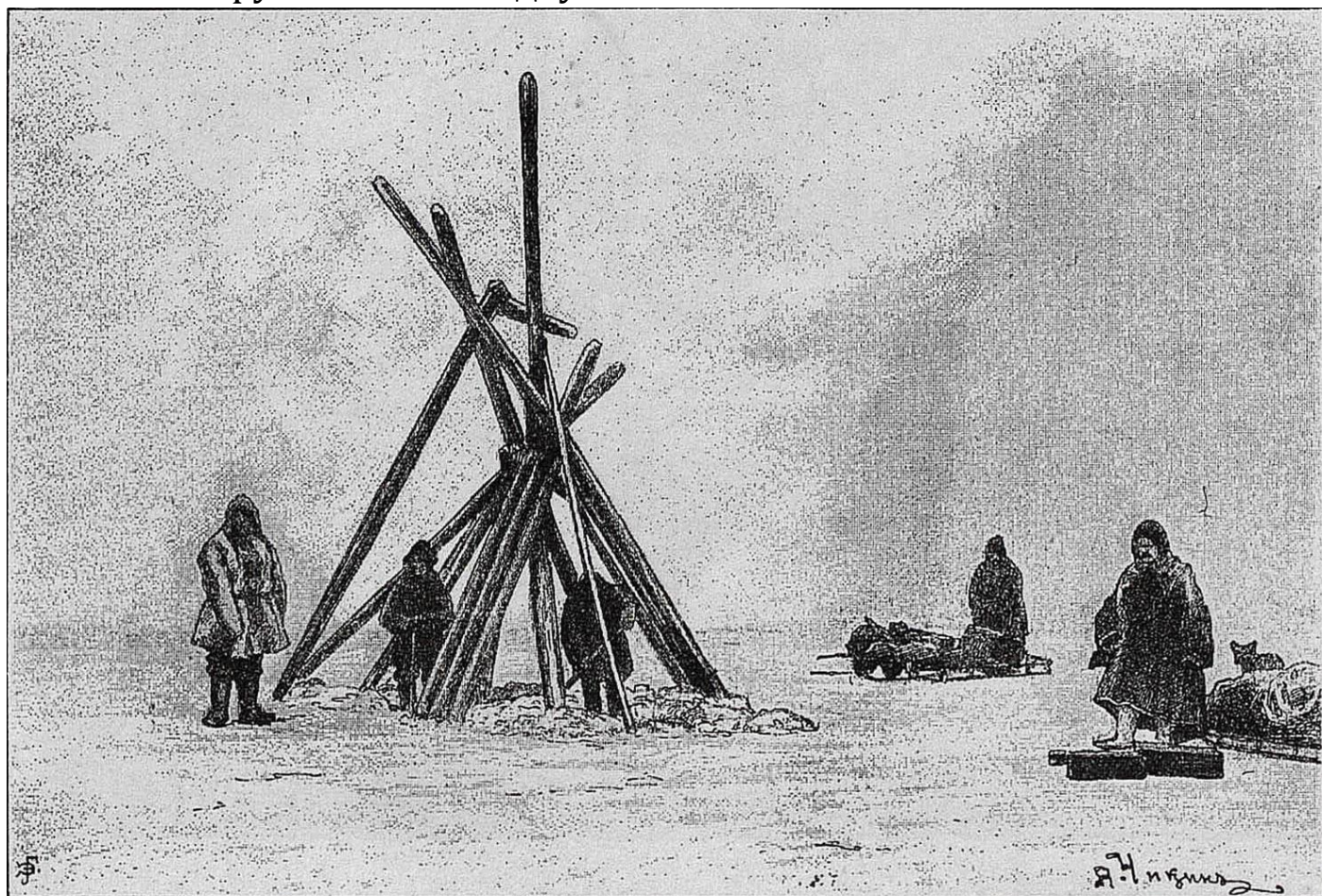
В заливе у поварни Орто-стан заметили трёх волков; погнались было за ними, но вскоре бросили погоню, так как они скрылись в отдалении. После двухчасового отдыха в поварне отправились далее прежним путём и на следующее утро прибыли на станцию. Яркий блеск снега во время переезда морем усилил воспаление глаз и вызвал у меня временную слепоту, продолжавшуюся несколько часов. К приезду на станцию я был уже опять зрячим».

Быстро протекли последние дни нашего пребывания на станции. Отъезд был назначен в конце июня. Часть оставшегося времени г. Юргенс посвятил тригонометрической съёмке рукавов реки и островов до места работ у мамонта. Наконец и мы начали готовиться к отъезду; до Булуна мы хотели ехать на лодках, для чего надо было привести в порядок самую большую из наших шлюпок. С каждым днём уменьшался

объём наших метеорологических и магнитных наблюдений. Некоторые магнитные инструменты были исключены из ряда наблюдений и запакованы ещё до отъезда г. Эйгнера, которому они были переданы для доставки в Петербург. Теперь же один инструмент за другим укладывался в ящики с тем, чтобы лишь в Петербурге быть снова распакованным.

Между тем наступила снова весна, так же медленно подвигаясь вперёд с постоянно возвращающимися буранами и холодами, как и в прошлом году; перелётные птицы тоже прилетели, но в этом году мы почти совсем оставили их в покое, так как были завалены работой.

Река вскрылась в этом году несколько иначе, чем в прошлом: 30-го мая треснул лёд, когда вода была ещё совершенно солёная и только на следующий день в протоке показалась пресная вода; река очистилась совсем ото льда лишь 19-го июня. Через два дня наша лодка была спущена в воду, и теперь нам осталось только упаковать остальные инструменты и нагрузить их на лодку.

Маяк на острове Маячном

19-го июня мы окончательно прекратили ежечасные магнитные наблюдения и следующие дни употребили на абсолютные магнитные наблюдения и определение постоянных величин инструментов, после

чего приборы были разобраны и упакованы. Пусто стало в нашем доме и в лежащих вблизи его юртах; какая-то грусть закрадывалась в сердце, когда мы смотрели на поле нашей почти двухгодичной деятельности, которое мы теперь покидали.

Отъезд был назначен на 24-го июня вечером. Уже всё было приготовлено к отъезду, когда вдали показалась лодка; в ней находился казак с двумя якутами, который привёз нам почту. Они выехали из Верхоянска уже в апреле, но вследствие весенней распутицы не могли раньше прийти к нам. Кроме нескольких писем, мы получили с почтой денежный пакет, благодаря чему д-р Бунге мог остаться дольше в устье Лены для дальнейших раскопок остатков мамонта; от этого предприятия, задуманного им ещё раньше, ему пришлось было отказаться за недостатком средств. Теперь же этому намерению уже ничего более не препятствовало, и д-р Бунге с одним казаком тотчас же с удовольствием согласились остаться на станции. Так как, однако, до времени возобновления работ у мамонта, возможных лишь при более низком уровне воды в протоках, оставалось ещё месяца полтора, то д-р Бунге решился объехать пока ещё совсем не исследованную западную и северо-западную часть дельты Лены; до Тураха можно было добраться на лодке, а дальше ехать на оленях. Для этой цели надо было сговориться, ещё до отъезда г. Юргенса, со старостой кочующих тунгусов, которые, как оказалось, в то время пасли свои стада неподалёку от места, где лежал мамонт. Д-р Бунге должен был сопровождать г. Юргенса, до места раскопок мамонта, чтобы присутствовать при переговорах со старостой. Вследствие этих перемен в наших решениях отъезд со станции был отложен на один день. В последний раз г. Юргенс и д-р Бунге обошли пустые покинутые комнаты, прощаясь со станцией, где они почти 22 месяца жили и работали. Хотя они провели здесь немало грустных и тяжёлых часов, но в воспоминании всё представлялось в розовом свете, и ни один из членов экспедиции не будет думать о «днях на Сагастыре» иначе, как с удовольствием и благодарностью. Нашу деятельность также можно было считать вполне удовлетворительной: в продолжение почти двух лет был собран богатый научный материал и остаётся только пожелать, чтобы результаты нашей работы вызвали возобновление экспедиции к устью Лены и чтобы наши преемники чувствовали себя на Сагастыре так же хорошо, как мы.

Рано утром мы сели на лодки и поехали к месту нахождения мамонта, куда мы прибыли поздно вечером; сюда же был приглашён староста тунгусов через посланного раньше нарочного. Староста приехал к нам на следующий день. После недолгих переговоров мы условились с ним относительно поездки д-ра Бунге и путешественники расстались, пожав на прощанье друг другу руку. Лодки г. Юргенса отчалили, д-р Бунге с казаком остались на берегу. «Пред тем, как шлюпкам скрыться за ближайшим мысом», говорит г. Юргенс в своём отчёте, «люди взяли вёсла на валёк и троекратным ура послали последний привет оставшимся сослуживцам, ответившим тремя выстрелами из ружей».

После очень трудного пути г. Юргенс приехал, наконец, в Булун, где ему удалось застать ещё пароход «Лену». Путешественники были приняты на него со своим багажом и доставлены в Якутск, куда они благополучно прибыли 19-го августа и были встречены самым радушным образом господином губернатором Г.Ф. Черняевым.

Д-р Бунге отправился обратно на станцию, чтобы подготовиться к своей предстоящей поездке. Об этой поездке, а также о последнем времени своего пребывания в дельте и о мало успешных к сожалению розысках останков мамонта, уже напечатан в *Bullet. de l'Acad.*, T. XXX pag. 228-282 (*Mélanges biologiques* T.XII pag. 231-309) следующий отчёт.

«28-го июня (10-го июля) я расстался с г. Юргенсом на острове Мостах, вблизи места нахождения мамонта, до которого я сопровождал его на его обратном путешествии. Мы пробыли здесь один день, чтобы переговорить со старостой кочующих тунгусов, Тарасом Савиным, относительно поездки в северо-западную часть дельты, которую я собирался предпринять до начала работ у мамонта. Переговоры были окончены, г. Юргенс отправился с сопровождавшими его людьми со станции и с несколькими якутами на юг, а я воротился с одним казаком (Семёном Корякиным) обратно в Сагастырь, куда я прибыл вечером того же дня. Следующие дни прошли очень быстро в приготовлениях к предстоящей экскурсии.

К дальнейшему пребыванию в дельте Лены меня побудила, как я уже раньше говорил, раскопка мамонта, начатая уже весною, но к сожалению безуспешно, и вообще возможная, по словам якутов, только летом. Так как вследствие высокого уровня воды работы не могли начаться тотчас же, а более низкий уровень не предвиделся раньше конца июля,

то я решил употребить время до начала работ на поездку в северо-западную часть дельты. Экскурсия в эту именно часть дельты представлялась во многих отношениях желательной и интересной. Г-н Юргенс в этом году весною астрономически определил два пункта к северо-западу от Сагастыря и нашёл при этом, что дельта простирается на север гораздо дальше, чем обозначено на прежних картах. Хотя более северный из этих двух пунктов находится на не очень большом острове Дунае, то всё же по рассказам и рисункам некоторых якутов можно было заключить, что берег большого острова (на старых картах: Хангалахский хребет), образующего северо-западную часть дельты, лежит по близости от Дуная. Г-н Юргенс ездил туда ещё на нартах, когда всё было покрыто снегом и льдом, и потому не мог произвести более подробных исследований. Для этого надо бы было пробыть на месте более продолжительное время, чем было возможно г-ну Юргенсу, и притом летом. Кроме того, мы слышали, что в этой части дельты находили остатки мамонтов, и что и в настоящее время один кочующий тунгус в западной части дельты знает место, где лежит мамонт, и ездит туда ежегодно, чтобы доставать себе части его для различного употребления. Наконец, я надеялся найти там хоть небольшое количество морских растений и животных, так как море в той части дельты глубже, чем в восточной, например у Сагастыря, и притом вода там, как говорят, содержит соль; да и вообще я хотел составить себе понятие об этой части дельты по собственному наблюдению. По уговору я должен был ехать до Тураха на лодке, а отсюда отправиться далее на север по побережью на оленях. По словам якутов, это был единственный способ достигнуть берега против острова Дуная.

3-го (15-го) июля мы окончили уже наши приготовления (выпечка хлеба, сушка сухарей), но сильная буря, которая свирепствовала во всё время нашего пребывания на Сагастыре, задержала нас на станции ещё и этот день. Вследствие бури не прибыли к нам и якуты, на помощь которых мы рассчитывали при снаряжении нашей лодки. После полудня сделалось тише, и мы сами начали снаряжать нашу лодку, так как и теперь никто не пришёл. Около 3 часов утра 4-го (16-го) июля всё было готово, наши вещи нагружены на лодку, и я отправился в сопровождении казака и маленького мальчика якута, которого я уже раньше взял с собой на Сагастырь, сначала в Борхаю (около 12 вёрст к юго-западу от

Сагастыря), где мы по уговору должны были встретить рабочих для дальнейшего путешествия. Со свежим восточным ветром и при сильном снеге в то же время, мы в несколько часов достигли Борхаи, как раз к началу страшной бури, которая задержала нас здесь два дня. Мы не застали здесь ни одного из обещанных рабочих. Вообще мы нашли здесь только женщин, мужчины же несколько дней тому назад уехали и не могли воротиться вследствие продолжительной бури. Нашлось, однако, двое людей, один взрослый и один мальчик, которые согласились помочь нам при дальнейшем путешествии, пока не приедут обещанные рабочие, которые должны были в дороге во всяком случае нагнать нас. Утром 6-го (18-го) июля погода была настолько благоприятна, что мы могли отправиться в путь. Мы подвигались лишь медленно вперёд, так как приходилось грести против течения; Бичеву я мог достать только позже, так как я ещё весной отдал её и парус, который должен был служить нам потом палаткой, на хранение одному якуту в Кайгалахе, и не взял её с собой при моём последнем пребывании там (на обратном пути из Мостаха). Лишь вечером мы достигли Кайгалаха¹. Не доезжая этого местечка мы встретили одного из обещанных рабочих; он извинялся, что опоздал, говоря, что бури последних дней задержали его. Кайгалах, бывшее очень оживлённо неделю тому назад, теперь при нашем проезде было совершенно пусто; мы нашли здесь только исхудалую от голода собаку, которую я по просьбе якутов взял с собой до следующего обитаемого местечка. Все жители отправились в протоку реки, по которой нам предстояло совершить путешествие до Тураха. Эта протока вытекает из рукава, который течёт на запад и кончается у Тураха; она течёт с WSW на ONO и втекает немного ниже места нахождения мамонта в рукав, ведущий отсюда в Борхаю и далее в Сагастырь. Таким образом эта протока образует поперечный проход между большими рукавами реки, которые изливаются с одной стороны у Тураха, с другой у Тумата. Он очень извилист, узок и местами так мелок, что позже летом даже ветки не могут проехать по нему. Течение (W-O) очень незначительно. В тот же день мы достигли устья этой протоки и остановились на ночь на дюнообразных песчаных холмах, около 30 футов высоты, расположенных на северном берегу устья. Местечко это называется Оэст-Тоердэ.

¹ Я просил бы следить за моим маршрутом по карте, составленной г. Юргенсом и мною.

На следующий день 7-го июля нас задержал сильный юго-западный ветер: нам надо было грести против течения и ветра, и мы не могли продвинуться вперёд. Я послал одного якута пешком вперёд за бичевой, а сам занимался целый день пеленгованием, собиранием растений и проч. Под вечер стало тише, и мы поехали медленно с остановками дальше, не дожидаясь посланного якута. Более продолжительную остановку мы сделали у Орто-Тоебэ-булгуньяха. Я уже раньше вкратце упоминал о булгуньяхах. Здесь, в западной части дельты, особенно ближе к Тураху, они встречаются очень часто и значительно облегчали съёмку моего маршрута. Это — земляные или песчаные холмы, лежащие совсем изолировано, неожиданно поднимаясь высоко над тундрой; они покрыты несколько другою растительностью, чем окрестности. Высота Орто-Тоебэ-булгуньяха равняется, не по очень точному, положим, измерению, 70 фут. 9 дм. Он особенно интересен тем (хотя я собственно ожидал найти здесь больше, а именно кости допотопных животных, как на Тумыс-Быкове), что у него есть разрез, благодаря чему можно видеть внутреннее строение булгуньяха. Река, протекающая совсем у подножья холма, разрушает его всё более и более. Благодаря этому разрезу видно, что лёд здесь образуется так же, как и у откосов Тумыс-Быкова, только в гораздо меньших размерах. Бóльшая часть холма состоит из песка, который лежит слоями, наклонёнными с SSO к NNW. По направлению к NW к песку примыкают такими же слоями земляные массы. Песок здесь не содержит никаких органических остатков, которые можно было бы различить невооружённым глазом, как и вообще песок в дельте, лежащий огромными массами. В тонких слоях песка часто встречаются залежи плавника. Но земля содержит, кроме массы водяного мха (в одном месте футах в 30 над поверхностью земли мох был покрыт слоем земли приблизительно в 20 футов толщины), ещё и своеобразные тела, окрашенные в ярко голубой цвет, легко рассыпающиеся, и растирающиеся, происхождение их я ещё не могу себе объяснить, так как не мог до сих пор исследовать их микроскопически. Очень может быть, что это просто птичий помёт, окрасившийся в ярко-голубой цвет вследствие каких-либо химических соединений. Происхождение булгуньяхов можно себе объяснить различным образом. Всего вероятнее кажется мне, что это остатки более значительных возвышений (какие мы впо-

следствии увидим в северо-западной части дельты), большая часть которых с течением времени снесены водой. Это предположение, по-видимому, подтверждается растениями, встречающимися там; я видел здесь *potentilla*, которую я находил лишь на горных хребтах северо-западной части дельты и на Тумыс-Быкове, и один вид *pedicularis*, который не встречается во всей окрестности булгуньяха. Слоеобразное строение булгуньяхов и содержащиеся в земле водяные мхи заставляют без всякого сомнения признать булгуньяхи первоначально отложениями из воды. Осенью я снял с Орто-Тоебэ-Булгуньяха фотографию и взял с собою образцы земли и песка, чтобы впоследствии исследовать их.

В 6 часов утра 8-го (20) июля мы доехали до обитаемой юрты и остановились у неё. Здесь я получил парус и бичеву, при помощи которых мы проехали уже последнюю часть пути. В этой юрте жил старый якут со своей семьёй; о нём я, кажется, уже раньше упоминал, так как про него говорили, что он хорошо знает место нахождения мамонта; зовут его Степан Гоголев. Пришлось о многом переговорить: я обещал ему денежное вознаграждение, сообразно моим средствам, если он до моего возвращения отыщет мамонта; старик решил вскоре поселиться поблизости к месту мамонта и начать свои поиски, как только высокая вода несколько спадёт; он впоследствии так и поступил.

Здесь же я нашёл и второго работника (обоих людей из Борхая я отпустил), и мы вечером поехали дальше, подвигаясь вперёд гораздо скорее, чем раньше, при помощи двух сильных якутов и бичевы. Около полуночи мы достигли Ингырь-Булгуньяха; рукав, по которому мы ехали, недалеко от Ингыря образуется из двух рукавов, из которых один, широкий, течёт с юга и имеет быстрое течение, которое и не ослабляется и при дальнейшем его течении на север, другой, узкий, течёт с запада и не обнаруживает почти никакого течения. Мы поехали по последнему рукаву, называемому Самин-табелэх (табелэх — река); широкий же рукав носит название Старик-табелэх.

Ингырь-булгуньях, расположенный недалеко от берега реки, имеет приблизительно ту же высоту, как и Орто-Тоебэ-булгуньях, и отличается от него по своему наружному виду лишь тем, что Ингырь подымается двумя ясно выраженными террасами приблизительно одинаковой высоты. С его вершины виднелись так же, как и с Отро-Тоебэ-булгуньяха, только ещё яснее, горы материка. Местность вокруг булгуньяха

оживляла масса птиц: везде виднелись гуси и той и другой породы (и *anser albifrons* и *a. segetum*); нередко встречались и лебеди (особенно часто в окрестностях Орто-Тоебэ-булгуньяха), но они были очень дики; на озёрах тундры плавали целыми стаями *harelda glacialis*, *sommateria spectabilis*, которых я на этих днях в первый раз видел с выводком, реже попадались *anas glocitans*, но мне всё же удалось наблюдать самку этой породы; часто встречались на маленьких озёрах также *larus sabini* и *sterna macrura*; поморников в тундре целая масса (*tringa minuta*, *alpina*, *subarquata*, *calidris arenaria*, особенно часто: *phalaropus rufescens* и *charadrius squatarola*); на песчаных низких местах берега часто можно было видеть *charadrius curonicus* и слышать его крик. На самом булгуньяхе сидела пара белых сов, которых ужасно мучили различные птицы из породы *lestris* (*l. pomarina*, *parasitica*, *Buffonii*); но совы с достоинством переносили свою судьбу. Иногда эти *lestris* оставляли на время сов в покое и с яростью кидались на пролетавшую чайку, *larus argentatus* или *glaucus*, причём им помогали *strepilas interpres*, пока, наконец, чайка не улетала с хриплым отчаянным криком. Одним словом весь воздух был полон самых разнообразных птичьих криков, чему особенно способствовали *colymbi*.

Всю ночь мы ехали по Самин-Табелэху и достигли рано утром местечка Хастырь, летнее местопребывание старосты Тараса Савина; уже издалека мы увидели пасущихся оленей, принадлежащих старосте и некоторым жителям Тумата. В июне и июле очень многие жители Ары (Тураха) и Тумата переселяются сюда и занимаются рыбной ловлей в так называемых аянах т.е. небольших притоках, связывающих между собой много озёр и часто притекающих далеко из тундры. Преимущественно здесь ловится одна из самых вкусных рыб дельты, чир (по-якутски также мучур). О берегах реки ничего нельзя сказать интересного: изрытые торфяные берега (футов 10 высоты), покоящиеся на земле или песке, в котором видны залежи плавника, сменяются низкими песчаными местами сырыми и едва поросшими травой; дальше в глубь страны тянется бесконечная низкая тундра, из которой подобно островам выступают булгуньяхи. Она в то время была совершенно покрыта цветами, что мне здесь особенно бросилось в глаза; как будто пёстрый ковёр всех цветов расстилается пред глазами.

Оленьё стадо Тараса было слишком мало, чтобы дать нам нужное количество оленей для верховой езды и для перевозки тяжестей при нашей поездке на север. Но Савин оказал нам услугу уже тем, что он взялся переговорить с богатым владельцем оленей, старостой Тураха, Андреем, который находился дальше к западу, и проводить нас к нему. В Хастыре нас очень любезно приняли, угостили оленьими языками, сушёной оленьей говядиной и мозгами костей и, наконец, чудной свежей юколой из чира; пообедав и отдохнув, мы поехали в 2 часа пополудни в сопровождении Тараса вдоль по очень извилистому Самин-табелэху. Здесь мы видели массу гусей, которые были очень беспокойны, так как их птенцы как раз вылуплялись из яиц; везде виднелись старые гуси с 3-4 молодыми (иногда попадались небольшие стаи уже линяющих самцов; некоторых из них нам удалось убить ружьём, а Тарасу луком), преследуемые чайками (*I. glaucus* и *argentatus*), которые вытаскивали одного птенца за другим из воды и пожирали их; но маленькие птицы так ловко ныряли, что часто чайкам не удавалось схватить их.

Часов в 7 утра 10 (22-го) июля мы остановились у острова Аргангастаха; это был высокий торфяной остров с большими озёрами. Немного раньше мы встретили нескольких якутов из Ары; один из них встретил вблизи острова Столбовой г. Юргенса, и передал мне от него поклон и известие о его благополучном возвращении; эти якуты отправлялись на охоту за линяющими гусями, которая теперь начинается. Здесь мы въехали сначала в быструю широкую Черкой-юессэ (юессэ = большая река), по которой, однако, нам пришлось проплыть лишь недолго против течения; потом, пройдя по небольшому соединительному рукаву, мы достигли также широкой Проня-юессэ, быстрое течение которой очень благоприятствовало нашему плаванию. Этот рукав после слияния с одним из рукавов Черкой-юессэ, притекающего с севера, течёт до самого моря под именем Черкой-юессэ.

Между тем стало очень тепло, даже жарко: в час дня на Арангастахе термометр показывал +21°C.; такой температуры мне не пришлось наблюдать в дельте ни раньше, ни после. Появилась масса насекомых, из которых некоторые были для меня желанной добычей, другие же, а именно комары, сделались для нас ужаснейшим мучением, ещё большим, чем при поездке по Лене. На юге я заметил довольно высокую цепь Бус-хая (ледяные холмы), на которой, казалось, были видны такие же

ледяные образования, как и на откосах Тумус-Быкова. По словам якутов, и там также обваливается земля (рядом с цепью протекает большой рукав реки) и появляются кости мамонта. Я с удовольствием сходил бы туда, но по недостатку времени я был вынужден отказываться от подобных предприятий, не составлявших прямой цели моего путешествия, тем более, что я не знал, сколько времени надо будет употребить на поездку в северо-западную часть дельты. А потому в 2 часа пополудни мы быстро поехали дальше по Проня-юессэ, останавливаясь лишь на короткое время для пеленгования. Мучение от комаров росло с каждым часом. Некоторые уколы причиняли такую сильную боль, какую я раньше никогда не испытывал; кажется, будто ланцетом вырываются небольшие частицы кожи. Сетки же, плохо защищая от комаров, очень мешают при каждом наблюдении и занятии. Вскоре затылок и уши сильно распухают и кровь начинает приливать к ним, и, наконец, думаешь лишь о том, как бы поскорее найти убежище, где можно было бы уберечься от этих мучителей. Такое убежище мы, наконец, нашли вечером в юртах Иоеннаха, к которым мы подъехали, свернув с Черкой-юессэ и направив свой путь вдоль Иоеннаха-аяна (небольшого соединительного рукава). Иоеннах-аян связывает Черкой-юессэ с не менее широким рукавом реки с быстрым течением, который, смотря по местности, где он протекает, то зовётся Бусхая-юессэ, то Иоеннах-юессэ; последнее название остаётся за ним и при дальнейшем его течении. Отдохнув и закусив здесь немного, мы снова пустились в путь, чтобы как можно скорее доехать до местечка Булгуньяха (лежащего на холме того же названия, который является как бы булгуньяхом κατεξοχήν¹, хотя он не отличается от других ни особенной высотой, ни вообще чем-нибудь особенным); здесь мы должны были застать старосту Андрея. Ночь была тёплая (15-16° Ц.) и тихая, а комары нас мучили всё больше и больше. Сначала я по временам ещё пеленговал, но понемногу пришлось вовсе от этого отказаться: сделалось совершенно невыносимо! Особенно заметного пробела от того не произошло, так как из Булгуньяха я мог видеть большую часть уже отмеченных пунктов. Во время быстрой езды в середине реки комары оставили нас, по крайней мере отчасти, в покое, хотя было совершенно тихо. На следующий день 11 (23) июля казалось, будет ещё жарче, чем в предыдущие дни: когда мы шли пешком от реки, оставив

¹ по-преимуществу (греч.) – прим. OCR.

лодку у берега, к деревни Булгуньях, солнце немилосердно палило нас; всюду летали бабочки, жуки и проч., что представляло совсем непривычную здесь картину; некоторых мне удалось поймать (особенно часто попадались бабочки из рода *argynnis*). Воздух был переполнен чудным запахом цветов. Сверху, с холма, на южном конце которого лежала деревня, открывался чудный вид на всю окрестность: виднелось много озёр, частью покрытых льдом, на юге отдалённые хребты холмов, над которыми возвышались голубые горы материка, казавшиеся теперь совсем близкими; на многих местах этих гор виднелись огромные массы снега. Мне казалось, что я внезапно перенёсся с севера в страну с южным климатом! К сожалению, мы не могли, однако, долго любоваться этой картиной: я только и думал о том, как бы скорее найти в юрте убежище от безжалостно нападающих на нас комаров. Вскоре после нашего прибытия свежий западный ветер очистил воздух от этих мучителей, которые и впоследствии нас уже больше не беспокоили; но вместе с ними исчезли почти и все другие насекомые.

Старосты Андрея в то время не было в Булгуньяхе, он находился несколько вёрст дальше к югу. Один из якутов, сопровождавших меня, тотчас же предложил известить его о нашем приезде, и мы воспользовались временем до его прихода, чтобы подкрепить себя сном. Когда я проснулся, в 6 часов пополудни, Андрей только что пришёл с многими тунгусами. Мы сейчас же принялись обсуждать предстоящую поездку, и скоро старик согласился достать нам нужное число людей и оленей; мы сговорились относительно цен, потом был осмотрен наш багаж, чтобы определить число вьючных животных, и, сделав друг другу небольшие подарки, мы поспешили к нашей лодке, чтобы доехать до Тураха, до которого теперь было уже недалеко. Там я должен был застать проводника для дальнейшей поездки, некого Афанасия Винокурова, которого я уже раньше знал, как проворного, знающего своё дело человека и страстного охотника на оленей. Туда же должны были на следующий день вечером прибыть два тунгуса с необходимым числом оленей. Сначала мы ехали недолго по Харгы-табелэху (= мелкая река), по которой мы доехали до Булгуньяха, вскоре же мы достигли снова Иоеннах-юессэ, здесь уже гораздо более широкой, которая несколько ниже сливается с Черкой-юессэ, после чего река называется Черкой- или Сыллибит — (=

слившаяся река) или просто Улахан-юессэ (= большая река). У этого места слияния к берегу подступает с юга горная цепь (футов 50-60 высоты), где я, к сожалению, опять тщетно искал костей; разрез гор указывал на слоёобразное строение из земли и песка. Мы переехали через Черкой-юессэ (погода снова несколько стихла; моя плоская лодка была всего лишь 22 ф. 8 д. длины и 5 ф. 3 д. ширины, и притом сильно нагружена, — а потому я не мог слишком рисковать) и въехали в узкие каналы, протекающие параллельно большой реке к северу от неё; по ним мы достигли приблизительно в 3 часа утра 12 (24) июля Тураха; наш приезд произвёл большое волнение среди жителей. Вскоре мы устроились насколько было возможно удобно в одной временно необитаемой чистой юрте.

Весь следующий день прошёл в приведении в порядок нашей поклажи, которую пришлось теперь иначе связать, чтобы навьючить её на оленей. Потом я пеленговал здесь на некоторые горы, обращая особенное внимание на горы материка, которые мне могли пригодиться при дальнейшей поездке. Я с удовольствием отправился бы дальше на запад, к морю, чтобы закончить до некоторой степени мою съёмку, но из опасения, что у меня останется слишком мало времени, я отказался от этого предприятия (тунгусы из Булгуньяха говорили, что на предстоящую поездку мне надо будет употребить 20 дней, а это был уже самый крайний срок, моего возвращения в Сагастырь). К тому же и провианта моего едва хватало на 20 дней. А потому я сговорился с моими провожатыми, чтобы они сами заботились о своём провианте, я же им буду давать только чай и немного сухарей.. Наконец, я должен был не забыть и того, что из моих не особенно больших денежных средств надо было отложить достаточную сумму для работ при раскопке мамонта и для моего возвращения. Всё это заставило меня очень торопиться при моей поездке и многое выполнить не так точно и аккуратно, как было бы желательно. Здесь же я узнал, что тот тунгус Егор (по прозвищу Кутй), который знал о мамонте, несколько дней до моего приезда, к сожалению, уехал «к морю» на север с несколькими жителями из Тураха; но очень может быть, что мы встретим его при нашей поездке. Вечером олени были в Турахе, мы уже раньше видели, как они переплывали один рукав за другим; но вследствие тумана надо было отложить поездку до следующего утра.

На следующее утро в Турахе было большое возбуждение; с неумолкаемым криком женщины укладывали на оленей наш багаж (это собственно их дело, и потому мои проводники хотели взять с собою по крайней мере одну женщину, на что я, однако, не согласился); я попробовал к всеобщему удовольствию проехать верхом на олене. Наконец, мы пустились в путь, 5 человек (3 проводника, казак и я) с 15 оленями (из которых 10 были навьючены багажом). Мы подвигались в северо-северо-западном направлении, то по сырым, то по сухим тундрам, то по песчаной местности между многими малыми и большими озёрами. Проехав версты полторы, мы встретили на берегу озера двух якутов с ветками посланных вперёд из Тураха. Двое из всадников слезли с оленей, и привязали к ним ветки, которые они таким образом везли несколько вёрст по тундре до большого озера; вдоль него оба якута поехали опять по воде до рукава реки, через который мы потом переправились; при этой то переправе они и должны были помочь нам. Подъехав к рукаву мы сняли с оленей поклажу; потом якуты перегнали оленей при громких криках (подражавших лаю собак) через рукав, который они быстро переплыли; наконец мы сами с нашим багажом переплыли реку на ветках, которые отсюда были отправлены обратно в Турах. Немного раньше мы нашли у одного балагана несколько нарт, одну из которых мы взяли себе, впрягли в неё двух оленей и наложили часть нашего багажа. Скоро мы поехали дальше (погода стояла холодная +3°Ц., ветреная (NW) и дождливая) и доехали к вечеру до одной урасы (маленькая юрта) у морской бухты, глубоко врезавшейся в берег, с очень солёной водой; здесь лежала огромная масса плавника. Место называлось Хатера-Яма (потому что здесь была волчья яма, устроенная из горизонтальных брёвен в виде большого ящика с отверстием вверху, над которым кладётся приманка для волка). Незадолго до того мы переехали значительный горный хребет, простирающийся между двумя озёрами, Дандах-кёл и Эхелах-кёл (ягодное озеро, кёл = озеро), из которых первое было отчасти покрыто уже распадавшимся льдом, который по направлению ветра согнало к юго-восточной части озера. С этого хребта можно было видеть горы материка; но туман, который и теперь ещё едва начинал рассеиваться, помешал мне пеленговать на них. Я надеялся сделать это на следующий день. С самого начала нашей поездки мы потеряли из виду бул-

гуньяхи, благодаря холмистому строению тундры. В Турахе я дал понять проводнику Афанасию (двух других собственно нельзя назвать проводниками, так как они были почти слепы вследствие бывшего у них раньше воспаления глаз, оставившего после себя leucoma), что мне надо как можно скорее достигнуть берега моря и вдоль него добраться до острова Дуная; он считал это возможным. Он высказался также против мнения тунгусов в Булгуняхе, что надо взять с собой дров для костров по крайней мере на 3-4 дня, так как нигде нельзя будет найти плавника; он же, напротив того, обещал вести нас так, что мы всё время будем иметь необходимые дрова, что он действительно и выполнил. Я несколько раз выражал желание подойти ближе к морю, но он каждый раз уверял, что это невозможно, так как «вода мешает». Это надо было понимать так, что нам действительно невозможно было ехать вдоль берега, состоящего из бесконечного числа мысов, далеко выступающих в море и разделённых глубокими бухтами, на такое путешествие требовались бы целые месяцы. От подробной съёмки берега моря мне пришлось уже потому отказаться, что за недостатком времени и материала (дерева) мы не могли установить необходимых сигналов. Двигаясь в некотором расстоянии от моря, которое мы нередко видели, мне пришлось ограничиться определением при случае по уже знакомым мне горам места, где я находился, конечно, не с очень большою точностью. Да и это я мог делать лишь некоторое время, пока горы были видны и небо было совершенно ясно; хотя погода для здешних мест была вообще очень благоприятна.

Вероятно, многие удивятся, что в июле месяце приходится заботиться о дровах для костра, ведь можно бы было ограничиться иной раз и холодным ужином; но надо не забывать, что температура за всё время немного превышала 0°, что у нас нередко были ночные морозы до -4°C. и что, наконец, почти ежедневно выпадал снег при непрерывающемся ветре, чтобы не сказать буре. Ночлег без огня совершенно немыслим для тунгуса или якута, и скоро мне пришлось согласиться, что это действительно необходимо для сохранения здоровья. Невозможно описать того приятного чувства, которое находит на путешественника, когда он может после трудного дня скрыться в палатке от ветра, снега и дождя, сидеть у огня за чаем и ожидать скорого ужина. Кто при таких обстоя-

тельстввах не находит в этом полного удовлетворения и вознаграждения за все свои лишения, тому не следует путешествовать на севере; к тому же слишком часто приходится совершенно отказываться от научных результатов путешествия, так как здесь часто почти нечего наблюдать и особенно собирать. Надо заметить, что холод летом для нас, очевидно, был гораздо ощутительнее (это заметили мы все на станции в Сагастыре); осенью эта восприимчивость к холоду проходит сама собой. Это основано, как мне кажется, на разочаровании, вызванном ассоциацией идей: с понятием лета мы связываем понятие тепла и в этом мы жестоко ошибаемся (я думаю нельзя здесь говорить о линянии волос у человека как о причине большей восприимчивости к холоду!). В продолжение всего этого путешествия на мне была моя доха (оленья шуба с песцовой подкладкой), под нею кожаная куртка с подкладкой из овечьей шкуры, а поверх белья ещё шерстяная рубашка и проч., а между тем я страдал от холода гораздо больше, чем зимою при -20°C . до -30° и ниже, хотя я часто не был одет теплее¹. При более продолжительных поездках нужно, конечно, одеваться теплее. На станции мы в виде опыта выходили зимою из дома при температурах от -40° до -50°C ., положим, только на несколько минут, не имея на верхней части тела ничего, кроме обыкновенной рубашки, при этом мы не нанесли себе никакого вреда и не испытывали никакого неприятного чувства.

Утро 14 (26) июля было пасмурно и туманно. Наш проводник советовал пока не ехать дальше, так как он не нашёл бы дороги в тумане. Вскоре пошёл к тому же и снег. Вообще мне было очень неприятно, что поднялся туман, потому что я из-за него и сегодня не мог пеленговать на горы. Хотя направление, по которому мы подвигались, мне было известно и расстояние от Тураха то же, я всё же хотел иметь более точное определение места нашего нахождения. Небо понемногу прояснилось, и мы начали собираться. Пока мы навьючивали наших оленей, становилось всё яснее, и я решил возвратиться к пройденному нами вчера горному хребту, чтобы сделать измерения, несмотря на то, что проводники отсоветывали это, говоря, что вследствие тумана горы не будут видны.

¹ При моём возвращении из Сагастыря (в ноябре 1884) я ехал почти без перерыва при замёрзшей ртути — температура падала даже до -52°C . и я не был одет теплее, чем только что описано. (Иркутск 2(14) февраля 1885).

Приказав всему каравану идти дальше и оставив на месте нашей стоянки лишь одного проводника и двух оленей, я сам пошёл пешком к холму, лежащему в расстоянии около одной версты. Мне не пришлось раскаиваться в принятом мною решении: весь горный хребет материка был ясно виден, и я мог сделать пеленгования. Из этих пеленгований ясно следовало, что, принимая в расчет указанное мне тунгусами расстояние от Тураха (3 кёса = 30 вёрстам), мы уже в конце вчерашнего дня двигались по местности, где на старых картах указано море, а между тем мы ещё целых 2 дня шли вперёд в северо-западном и в северном направлении! Я быстро вернулся к ждавшему меня тунгусу и после часовой быстрой езды (рысью, обыкновенно же мы ехали скорым шагом), которая меня несколько не затруднила, мы догнали остальных. Про езду верхом на оленях уже так много писалось, что мне, собственно говоря, и не надо на этом останавливаться; я только замечу, что этот способ передвижения для начинающего очень утомителен. Скоро привыкаешь балансировать на седле, слабо привязанном на передней части тела, почти на шее оленя, особенно с помощью длинного шеста, которым опираешься о землю или во всё время езды, или лишь при случае (при переходе в брод небольших рек). Рога вообще мало беспокоят, благодаря тому, что они наклонены вперёд; только иногда, когда животное закинет назад голову, получаешь удар, но всё же довольно слабый, так как в это время года рога покрыты мягкой густой шерстью, особенно на их концах. Но долго ехать верхом без стремян очень трудно; особенно устают ляжки и они начинают невыносимо болеть; помочь этой боли лишь на короткое время можно ходьбой пешком, особенно под конец дня (после двенадцатичасовой езды).

Дорога наша шла, как уже сказано, к С и ССЗ, а одно время даже прямо на З; несколько раз я мог видеть море в расстоянии 4-5 вёрст. У северного конца озера Тонольдó (Тонольдó-кёл) мы сделали небольшой привал. (Название «тонольдó» служит здесь общим обозначением морских бухт, далеко врезающихся в берег; Тональдó-кёл означает озеро, отделённое от моря лишь незначительной низменностью; во время сильного прилива в него попадает солёная вода). Здесь и ещё немного раньше я снова мог пеленговать. Потом мы быстро двинулись дальше. Вечером мы пришли к речке Турханах, которая втекает в море двумя рукавами, между которыми находится мыс того же имени. На берегу этой

речки, где лежала опять масса плавника, мы остановились. Стало ужасно холодно; вскоре после нашего прихода (часов в 11 вечера) термометр показывал -2°Ц .

Так как я только что упомянул о плавнике, с которого я на другой день снял фотографию, то сделаю здесь несколько кратких замечаний о нём. Наносный лес или плавник встречается или на берегу самих морских бухт, часто в огромных массах (залежи у Хатера-Ямы простирались на несколько вёрст при ширине в 300-400 шагов и толщине от 3 до 5 фут), или на низменностях, простирающихся до моря, как например, на берегу речки Турханах, или, наконец, на берегах озёр, которые временно соединяются с морем, как Тонольдó-кёл. Дальше от берега моря в тундре плавник уже не встречается. Нигде я не встречал наносного леса на большей высоте, чем около 20 футов над обыкновенным уровнем воды, даже в середине дельты, где он всегда лежит по берегам рукавов. На Мостахе, недалеко от места мамонта, одна полоса плавника была точно измерена и оказалось, что нижний край превышает поверхность воды на 16 футов, а верхний — на 17 фут 8 дюймов; над этим слоем находился ещё один совсем тонкий слой плавника на высоте 21 фута над уровнем реки. Сначала якуты говорили, что весною вода подымается так высоко и при сильных волнах небольшие куски дерева забрасываются на указанную высоту в 21 фут; потом они изменили своё мнение и приписывали образование верхнего слоя «потопу», а один из них пошёл даже ещё дальше в своих предположениях, говоря, что обработанный кусок дерева, на который я особенно обратил своё внимание при расспросах, происходит от Ноева ковчега.

Вообще якуты очень склонны приписывать происхождение наносного леса временам Ноя или Адама, про которого даже думают, что он собственноручно вытаскивал брёвна из воды, так как ему ведь не помогал «потоп» при этой работе. Я только смущал их всякий раз, когда обращал их внимание на обработанные доски и проч. встречающиеся часто как на берегу моря, так и рукавов реки, но всегда лишь в самых низких местах, расположенных ближе всего к воде. Эти доски сильно пообтёрлись, углы очень закруглились, но всё же ясно видно, что они были когда-то обработаны. Некоторые, без всякого сомнения, происходят (как например, вышеупомянутый кусок на Мостахе) от старых ленских

барок, подобных тем, на которых мы совершили нашу поездку в Сагастырь. Когда я указывал якутам на это обстоятельство, то они говорили, что действительно вода иногда подымается так высоко, или давали сумасбродные ответы вроде того, о котором я говорил выше. В этом отношении нельзя придавать рассказам якутов решительно никакого значения. Нижний край залежей и поясов наносного леса, особенно больших, лежит всегда лишь несколько футов (не более 10) под верхним, где дерево гораздо больше развалилось и выветрилось. Если же плавник и попадает в таких местах, куда, по достоверным показаниям якутов и по нашим собственным, положим лишь двухгодичным, наблюдениям, вода не доходит весною, то здесь он лежит или на берегах несомненных старых рукавов рек, или в середине низких островов, как например, на Сагастыре, и то лишь несколькими футами (5-10) выше, наивысшего наблюденного уровня воды весною. Так как с одной стороны верхние слои плавника сильно выветрились и в них не встречаются обработанные доски, попадающие лишь в нижних слоях, а с другой стороны, плавник встречается и там, куда вода теперь не доходит, то можно было бы заключить, что берег в последнее время поднялся, во всяком случае это поднятие весьма незначительно; возможно даже, что в течение длинного ряда лет один раз был необыкновенно высокий уровень воды с одновременным сильным волнением, загнавшем дерево в такие места, куда вода теперь, по-видимому, вовсе не попадает. Для решения этого интересного вопроса надо было бы иметь многолетний ряд точных измерений на берегу моря вблизи залежей наносного леса.

Больше всего плавника даёт ель (*pinus abies*, а также *p. pichta*) и лиственница (*larix sibirica*); далее сосна (*p. sylvestris*) и некоторые виды *salix*; наконец, следует тополь (вид похожий на *pop. tremula*, который встречается на Лене или небольшими лесами, или растёт вместе с другими вышеназванными деревьями) и берёза, кора которой часто бросается в глаза. Особенно ценятся толстые стволы тополей, потому что из них готовят лучшие ветки. На мои расспросы тунгусы говорили, что раньше встречались и более редкие деревья, что надо, вероятно, понять так, что они вообще встречаются очень редко; трудно предположить, чтобы из огромных масс плавника действительно выбраны все такие деревья. К полю наносного леса у Хатера-ямы постоянно приносились новые деревья из воды; это, впрочем, вероятно, зависит от того,

что место отложения плавника в бухте меняется вследствие перемен в направлении ветра и в высоте уровня моря.

На следующее утро 15 (27) июля нам надо было рано собраться в путь, так как следующее место стоянки, где можно снова найти плавник лежало очень далеко. Пока мы укладывали наши вещи, наш проводник Афанасий заметил своими удивительными глазами (эти глаза были всегда предметом зависти казака, который сам мог не без причины гордиться своим зрением; оба видели невооружённым глазом оленей, когда я в бинокль, и то если мне укажут направление, едва различал, что что-то такое движется) в большом расстоянии всадника, который быстро скакал к нам. Это был один из кочевавших с вышеупомянутым Егором (Кути́). Он вёл с собою на привязи второго оленя, который был выдрессирован для охоты на диких оленей: тунгусы употребляют таких оленей, чтобы подкрадываться к ним. Он рассказал, что его спутники также находятся на пути сюда, что Кути́ тяжело болен, что он, может быть, не доедет живым до места и проч. Я решился во всяком случае обождать их. Занимаясь пеленгованием на хребте вблизи нашего лагеря, я увидал весь караван,двигающийся к нашему лагерю с юга через ближайший хребет. Он состоял приблизительно из 20 человек, мужчин, женщин и детей и из 50-60 оленей, на которых была навьючена часть вещей; остальные вещи, а также несколько веток везли на нартах. Всё представляло пёструю живую картину, с которой я снял фотографию. Сам Кути́ лежал на нарте и был действительно очень болен, хотя в настоящую минуту ему не грозила ещё смерть. Он страдал тяжёлым ревматизмом в суставах (*rheumarthritis deformans* в соединении с болезненным состоянием сердца), который уже давно причинял ему боль при всяком движении; теперь у него был сильный жар, оконечности похолодели и пульс был едва заметен. В этом состоянии его таскали ещё по тундре до самой осени, когда я встретил его вблизи Борхаи 1-го (13) сентября. Всё же было возможно переговорить с ним о мамонте, о котором, как говорили, он имел сведения; но на все мои вопросы он уверял и клялся, что никогда ничего не слышал о мамонте, при этом он всё время крестился с помощью своей жены (известной шаманки). Я был настолько жесток напомнить ему о его смертном часе; но ничего не помогало; он говорил, что если бы он что-нибудь знал, то, несмотря на

свою болезнь, пошёл бы со мною и указал бы место и проч. Так что нечего было делать, надо было оставить его в покое. По его просьбе я дал ему немного чаю, табаку и некоторые лекарства (хинин, морфий), которые были как раз под рукой, и мы поехали дальше. Проехав несколько вёрст, я снова мог обозреть всю окрестность; так как я боялся, что на дальнейшем пути я не увижу больше гор материка (и тунгусы также соглашались с этим) и так как наш следующий привал будет уже на северном берегу острова, то я хотел определить по крайней мере один пункт на одном из мысов западного берега, который здесь выступает дальше всего на запад. А потому я решил отправиться верхом с проводником Афанасием и казаком на один из мысов, хотя ещё одна задержка в этот день была более чем нежелательна, остальной же караван должен был идти дальше.

Тунгусам, по-видимому, очень не понравилось это изменение маршрута. Для объяснения этого обстоятельства замечу, что вообще среди всех обитателей дельты заметна была какая-то антипатия против поездки на остров Дунай; исключение представлял один лишь Афанасий, принявший на себя обязанность проводника и мастерски выполнивший её. Они приводили самые разнообразные причины, отчасти основательные, отчасти же совсем неосновательные, которые делали будто бы поездку невозможною или по крайней мере очень трудною; да и теперь они, казалось, хотели как можно скорее окончить путешествие и освободиться. К счастью, они добродушны и послушны и никогда не отказываются исполнять приказания, если только они выполнимы.

Итак, мы отправились в ЗЮЗ направлении к самому северному из трёх мысов, носящих все одно и то же название Турханах-тумул (тумул = мыс, Турханах — прилагательное от Турхан = гага, *sounnateria spectabilis*); с этого мыса я в последний раз произвёл пеленгования, связанные с предыдущей съёмкой. Этот мыс выступал несколько менее, чем мысы, лежащие к северу и к югу от него, но всё же он принадлежит, вероятно, к одному из мысов, наиболее выступающих на запад. Морской берег простирался, по указанию Афанасия, в одну сторону на ЮЮВ, а в другую на СВ. Этот мыс был значительно выше смежных с ним мысов и поднимался футов на 50 над уровнем моря. Берег, а также оконечность мыса были песчаны, море же совершенно мелко. Вдали, насколько я только мог разглядеть в бинокль, виднелись грязные льдины, очевидно

стоящие неподвижно, и несколько стволов наносного леса; нигде на берегу не видно было признаков жизни: ни раковин, ни птиц. После недолгой остановки мы поехали за нашим караваном, который мы догнали через несколько часов; люди скоро остановились, не зная дальше дороги. Теперь мы быстро двинулись дальше, и проехали без остановок до 12 часов ночи. В 10 часов вечера поднялся сильный туман, часто мешавший нам видеть нашего проводника, быстро ехавшего впереди. Он сам ошибся в направлении: мы слишком далеко отъехали к северо-западу, а потому переменили направление, направились прямо на восток через бесконечные лишённые всякой растительности песчаные площади, где попадались лишь иногда оленье следы. Наконец мы достигли открытой морской бухты Хастырь-тонольд, глубоко врезавшейся в остров; здесь мы нашли плавник и расположились на ночлег. В расстоянии приблизительно 8 вёрст к северу в море виднелся остров Еркогёр. Туман рассеялся, температура воздуха равнялась -2°C .

Жители устья реки Лены (мужчины)

Мы спали очень долго и лишь поздно пустились в дальнейший путь. Но так как мы подвигались дальше безостановочно, — только переправы через небольшие речки несколько задерживали нас — то мы проехали на следующий день довольно большое пространство и достигли

стоянки у Арангастах-тонольд, которую имели в виду. Арангастах-тонольд — морская бухта, совершенно сходная с Хастырь-тонольд и отстоит от последней вёрст на 25. Местность, по которой мы ехали из Тураха, очень однообразна: низкие коричневые холмистые, гряды, поросшие мхом и лишаями тянулись одна за другой, их разделяли друг от друга сырые низменности, иногда покрытые роскошной (для здешних мест) травой. Холмистые хребты — самые высокие поднимаются приблизительно футов на 60-70 над уровнем моря (некоторые, может быть, и больше?) — оканчиваются у моря вышеупомянутыми мысами, и здесь ясно видно, что они образованы из расположенного слоями песка, поверх которого лежит тонкий слой торфа. То, что я раньше писал об образовании торфа нельзя применить к этому острову: я видел тогда только юго-западную его часть и притом зимой. Значительное образование торфа находится, очевидно, в связи с наводнениями: чем выше поднимается весною вода в каком-нибудь месте, тем сильнее образование торфа на островах, исключая таких, подпочву которых составляют большие массы песка; так что образование тем сильнее, чем ближе к собственному устью Лены, например, на острове Столбовой, тем слабее, чем ближе к морю. Не трудно проследить это. Точно также ясно можно видеть слоеобразное строение торфа, содержащего много земли.

Везде попадаются много малых озёр, простирающихся до крайних пределов мыса; берега их совсем низки. Реже встречаются большие озёра, обыкновенно богатые рыбой, как например, Дандах-озеро. Берега последних напоминают свойства морского берега у мысов: они высоки и точно так же песчаны. У северного берега моря гряды имеют направление по большей части с юга на север. Соответственно этому и низменности тянутся в том же направлении. По этим низменностям протекают очень извилистые речки, часто вытекающие из одного из больших озёр, связывающие между собой много мелких озёр и втекающие в морскую бухту. Названия некоторых из этих речек мне удалось узнать.

Судя по рассказам одного якута, казалось, что низменности по всей вероятности соответствуют старым руслам рек; г. Юргенс, по-видимому, был того же мнения. Если это действительно так, то где-нибудь на них должен бы встречаться плавник. Между тем он попадает только на берегу моря; внутри же островов его нигде не видно.

Растительность здесь большею частью очень скудная, по крайней мере это можно сказать о явнобрачных растениях. Чем дальше подвигаешься к северу, тем беднее становится флора. Уже давно пропали цветы, в немалом количестве попадавшие на южных тундрах. Но здесь я встретил снова тот вид *potentilla*, который я видел на Орто-Тоэбе-Булгуньяхе; отчасти на этой находке я основал моё предположение, что булгуньях ничто иное, как остаток вышеописанных гряд. Немногие растения, которые здесь цвели, пострадали от последних морозов. Зато лишай росли здесь местами в изобилии. Особенно много было видов, употребляемых в пищу оленями: при очень недолгой стоянке олени так наедались, что ложились на землю для жвачки. Фауна также очень бедна, и часто я вспоминал слова Миддендорфа в его дневнике: «тундра пуста, так пуста, что в ней можно умереть с голоду». Положим, мы нередко видели оленей, но по большей части лишь вдали, и охота на них оставалась безуспешной; можно было бы всю нашу поездку назвать неудачной охотой на оленей. Причины неудачи главным образом состояли в том, что в нашем распоряжении было мало времени, что местность была очень неудобна для охоты, наконец в том, что олени очень осторожные и дикие, животные выбирающие всегда такие места, откуда они вполне могут оглядеть все окрестности; трудно было ожидать чего-либо от нескольких выстрелов на большом расстоянии. По рассказам тунгусов, мы ожидали встретить гораздо больше оленей. Они тоже очень удивлялись, что оленей так мало, и думали, что это находится в связи с частыми волчьими следами. Кажется, я раньше уже сообщил кое-что о передвижении оленей, здесь я хотел бы только вкратце дополнить прежние сведениями, добытыми мною особенно в последнем году. Вообще весною наблюдается внутри дельты движение от запада к востоку, осенью же в обратном направлении. Вместе с тем весной олени перекачываются к морю с материка, а осенью возвращаются на материк. Если бы все олени, находящиеся летом в дельте, пришли с материка, то можно было бы себе объяснить это передвижение тем, что животные спасаются от преследований комаров и оленьих оводов, что им, конечно, удаётся на ветряных и прохладных берегах моря (личинка оленьего овода очень хорошо известна жителям дельты, но, по их мнению, она встречается лишь у животных, приходящих в дельту с материка).

Но, кроме того, олени перекочёвывают ещё дальше на восточные острова и из только что описанных мест, где они живут в продолжении всей зимы в больших массах вместе с волками и где они летом могли бы найти лучшую защиту от насекомых. Якуты объясняют это движение тем, что олени идут искать «мягкой травы», растущей на низких островах, когда летом пастбище их, покрытое лишаями, делается слишком сухим. Но такое объяснение кажется мне неверным, так как, во-первых, движение начинается уже рано весною (в конце марта), а во-вторых, здесь на низменности особенно в южных частях трава растёт гораздо роскошнее, чем на отдалённых восточных островах. Мы встречаем и здесь то необъяснимое стремление к странствованию, которым часто в необыкновенно сильной степени страдает и человек. Часто его долго мучает это отчасти бессознательное стремление, которое проявляется иногда под давлением обстоятельств в совершенно бессмысленных предприятиях, пока, наконец, обстоятельства не слагаются так, что он может удовлетворить своему влечению с пользою для себя и для других.

Жители устья реки Лены (женщины)

Особенно же пустынную делает тундру отсутствие или по крайней мере редкость птиц; всего только раз мы встретили стаю линяющих гусей (*a. segetum* и *albifrons* вместе), из которых мы нескольких застрелили. Гуси и гаги, встречавшиеся чаще в южных частях, составляли во всё время нашей поездки главную часть нашей пищи. Кроме того, попадаются лишь местами кое-какие птицы (*larus glaucus, argentatus, lestris parasitica, charadr. squatarola, calidris arenaria, tringa minuta*). Как раз это спорадическое появление птиц и их однозвучные крики и свисты ещё увеличивают однообразие и пустынность тундры. Что касается до насекомых, то об них не может быть и речи после того, что я уже сказал раньше о температуре.

На следующий день, 17-го (29) июля, неприятное ненастье со свежим ветром задержало нас у Арангастаха. Я согласился на предложение тунгусов обождать более благоприятной погоды, так как отсюда до острова Дуная нам оставалось всего только несколько дней пути, а оттуда до Борхая. ещё дня 4, так что нам представлялась возможность кончить наш путь раньше, чем я сначала думал. Мы укрылись в палатке, насколько было возможно, от холода и дождя. Чтобы скоротать время я попросил Афанасия, которого я уже с весны (во время работ у мамонта) знал за хорошего рассказчика сказок, рассказать одну из его сказок. Он с удовольствием согласился на это и рассказывал целый день одну сказку, причём меня очень забавляли восклицания удивления его обоих слушателей — тунгусов. Вечером я попросил вкратце передать мне содержание сказки и записал её после на Сагастыре в возможно точном переводе. Эта сказка стоит того, чтобы с ней познакомиться: она показывает, какая замечательно живая фантазия у якутов.

18-го (30) июля мы поехали дальше и, идя вначале в восточном и даже в юго-восточном направлении, чтобы обойти речку Оссук или Огук, достигли вóвремя мыса Оссук, расположенного к востоку от реки того же имени, против острова Дуная, который отсюда ясно виден. Отсюда мне надо было попробовать сделать несколько пеленгований; а между тем, чтобы добраться до ближайших мысов, надо было преодолеть большие трудности и потратить много времени. К сожалению, я по неопытности не запасся веткой, что только незначительно увеличило бы стоимость экскурсии; на ветке я легко мог бы добраться до ближай-

ших маленьких островов и мысов, даже до самого острова Дуная и сделать мои измерения с гораздо большею точностью. Пеленгования отдалённых островов, произведённые при малом базисе давали лишь небольшие углы. Речка Оссук, связывающая между собою много мелких озёр, интересна тем, что она представляет границу между областью Тумат и Ары (Турах): к востоку от Оссука жители Тумата ставят вдоль берега свои песцовые ловушки, к западу же жители Тураха. Здесь, на Оссук, оказалось, что мои тунгусы были совершенно без провианта; они наверное рассчитывали на то, что нам удастся убить оленей. Но это было, положим, ещё небольшая беда, так как пока я мог уступить им часть моего провианта, а потом, в крайнем случае, мы могли бы убить одного из наших оленей, хотя мои люди вряд ли решились бы на это, особенно потому, что олени были не их собственные. Между тем здесь чуть было не случилось обстоятельство, которое совсем лишило бы нас наших оленей и этой помощи в крайнем случае. Прибыв на Оссук, мы заметили двух оленей, самку с молодым оленем; мы погнались за ними и они ушли в море, которое и здесь было совсем мелко и пропали, наконец, потеряв друг друга, на небольшом острове. На другое утро, ещё очень рано я видел молодое животное на берегу этого острова и слышал его призывный крик, похожий на хрюканье, но не обратил на это внимания и снова лёг спать. Когда я несколько позже проснулся, все наши олени пропали; двое из тунгусов пошли искать их, а оставшийся рассказал нам, что причиной всего было маленькое заблудившееся животное. Тунгусы мне потом рассказывали, что такое молодое животное, потерявшее мать, часто делается гораздо опаснее ручным оленям, чем волк: в надежде найти между ручными оленями свою мать оно кидается к ним; эти же, думая, что это дикое животное, убегают от него; оно в свою очередь бежит за ними, и начинается дикая гонка до бесконечности по тундре; целые стада, говорят, пропадают иногда бесследно. Волк же поймает одно животное, и тем погоня оканчивается; остальных животных скоро находят.

Дело, казалось, приняло плохой оборот, и я уже думал, что придётся пешком идти в Борхаю. Целый день я занимался пеленгованием и осматривал местность, которая представляла совершенно пустынный берег без признаков жизни с жалкою растительностью. Кроме небольших ледяных глыб, которые отчасти были выкинуты на берег, отчасти

стояли неподвижно дальше в море, я заметил здесь в расстоянии около 8 вёрст сплошное ледяное поле, которое, казалось, покрывало всё море и тянулось к СВ и к СЗ, по-видимому, без конца, насколько я мог видеть моим биноклем. Впоследствии я снова возвращусь к нему. Около полудня один из проводников вернулся с одним оленем, но, оседлав его, сейчас же снова уехал на помощь другим. Лишь поздно вечером меня обрадовал крик казака: «едут»; все олени, кроме одного, были пойманы. На мой вопрос Афанасию, голоден ли он, он сказал, что он со страху не думал об этом. Тем вкуснее был ужин при весёлом настроении всех участников. С самого начала тунгусы так поняли меня, что наша экспедиция заканчивается осмотром этого пункта берега и хотели воротиться отсюда в Борхаю, пройдя поперёк острова. Мне же хотелось осмотреть ещё морскую бухту, которая, по всей вероятности, соответствовала старому устью реки; кроме того, я надеялся увидеть более глубокое море и найти по крайней мере кое-что из его фауны. Так что нашей ближайшей целью был Иван-Тонольд, расположенный несколько далее на восток, у которого мы, однако, не остановились, потому что здесь было мало плавника; мы расположились у ближайшей западной морской бухты под названием Харгы-Иван-Тонольд (= мелкая Ивановская бухта).

Когда мы на следующий день покинули место нашей стоянки, Афанасий сказал, что Оссук худое место, что здесь никто никогда не останавливается без того, чтобы не случилось что-либо неприятное. Действительно мы были рады, что отделались лишь страхом; мало того мы были очень приятно поражены, когда после десятивёрстного пути мы нашли нашего 15-го оленя, спокойно лежащего в тундре и пережёвывающего свою жвачку. К вечеру мы достигли северной оконечности Харгы-Иван-Тонольд. Про пройденное пространство мало можно сказать интересного: одна цепь холмов за другой, на крутых откосах ещё снег с прошедшей зимы, несколько небольших речек, которые заставляли нас сворачивать на юг, чтобы найти брод — вот и всё. С места нашей стоянки я мог снова видеть сплошную ледяную поверхность, но гораздо ближе к берегу, чем у Оссука; я очень хотел осмотреть её поближе. Вместе с тем более высокие волны указывали на то, что там море несколько глубже, и я решился потому пожертвовать ещё одним днём и осмотреть подробнее мыс между обеими Ивановскими бухтами. От нашей стоянки до северной оконечности мыса было версты 4.

На следующий день 21-го июля (2 авг.) я с казаком и Афанасием отправились верхом на оленях и скоро достигли северной оконечности мыса. Отсюда я мог при помощи бинокля свободно осмотреть лёд; это была сплошная ледяная поверхность, простирающаяся безгранично на север; только местами были видны незначительные возвышения (то-росы) на ней, которые, по-видимому, образовались благодаря отмелям. Этот лёд нельзя ещё назвать полярным льдом; это лишь зимний лёд, до сих пор ещё не растаявший. Что лёд так долго не тает, указывает на то, что море здесь очень мелко: вода промерзает до дна, а потому не могут образоваться волны, которые бы разбили лёд. Ближе к берегу лёд уже потому тает скорее, что он здесь тоньше, а кроме того, и потому, что он затопляется весенней водой, стекающей с берега и несущей с собою песок и землю, благодаря чему влияние солнечных лучей усиливается. Несмотря на свежий ветер, лёд стоял ещё совершенно твёрдо; но проводник полагал, что на этих днях («около Ильина дня», т.е. 20 июля старого стиля) вода разобьёт лёд. По-видимому, это мнение оправдывалось, ибо постоянно отделялись от ледяного поля льдины, которые пригонялись к берегу. Сняв фотографию с берега со льдом, я осмотрел подробнее берег и нашёл, наконец, несколько морских животных, которых я так давно искал, а именно: два вида двустворчатых раковидных животных и одно животнорастение, находящихся на песке; наконец мне попались ещё несколько водорослей, кажется, два, а может быть, и три вида в стольких же экземплярах. Из царства птиц здесь были по крайней мере видны гаги, летающие в больших стаях или сидящие в море. Наконец, с высоты мыса я мог видеть, хотя и неясно, остров Дунай и два маленьких острова, на которые я два дня тому назад пеленговал; теперь я присоединил и этот . пункт, положим, не очень точно, к прежней съёмке. Погода, довольно сносная утром, после полудня сделалась очень неприятной; температура упала ниже 0°, сильный холодный северо-западный ветер гнал одну снежную тучу за другой, снег, смешанный с песком, нёсся над замёрзшей сырой песчаной поверхностью и часто мешал мне открывать глаза. Это были наши каникулы!

Вечером я вернулся к палатке совершенно окоченевший от холода, но очень довольный удачной и успешной экскурсией. Пора была теперь окончить наше путешествие: не говоря уже о том, что у нас осталось немного провизии и что несколько из наших оленей очень пострадали при

травле на Оссукке, и хромали так сильно, что были негодны к езде, я боялся, кроме того, опоздать к работам у мамонта, так как я должен был заехать ещё в Сагастырь, чтобы сделать некоторые приготовления к ним.

Наши сборы на следующий день 22-го июля (3 августа) продолжались довольно долго: мы отсюда должны были взять с собой, кроме нашего багажа, ещё топливо и жерди для палаток, потому что в дальнейшем пути в следующие дни по тундре нигде нельзя было найти плавника. Наша дорога шла сначала по берегу Иван-Тонольдо, потом вдоль речки того же имени, причём я мог убедиться, что Иван-Тонольдо отличается от прочих бухт только тем, что он вдаётся глубже в остров. Вскоре мы переправились через речку Иван и ехали весь день в юго-восточном направлении по холмистым тундрам с превосходными пастбищами для оленей, проехали ещё несколько ручьёв с чудной, прозрачной, зеленоватой водой и расположились вечером у небольшого озера на ночлег. Местечко называлось Улах-Баха (= конец воды, вод?). На месте нашей следующей стоянки мы могли, по словам проводников, снова найти дрова; очень интересно будет осмотреть их, так как нам оттуда оставалось ещё около 20 вёрст до Борхая, а следовательно и до ближайшего рукава реки. Но мне пришлось очень разочароваться, когда мы вечером 23-го июля (4 августа) остановились у большого Мугур-Келя (озеро Мугур или Чир) и нашли здесь вместо плавника старую волчью яму, брёвна которой сжигаются постепенно проезжими. Эти брёвна, которыми выложена как эта яма, так и устроенные здесь ямы для ловли лисиц, привезены издалека на нартах много-много лет тому назад.

На следующий день мы продолжали наш путь прямо в восточном направлении, и вскоре я увидел уже церковь Борхая, куда мы приехали ещё до вечера. Незадолго до того мы нашли первые брёвна плавника на берегу низменности, которая весною стоит под водой. Хотя в деревне не заметно было никаких признаков жизни, всё же наш проводник пошёл вперёд пешком, а мы остались ждать его: если в деревне находились, люди, а вместе с ними и собаки, то он должен был велеть крепко привязать последних, чтоб они не могли причинить вреда оленям. Вскоре, взобравшись на юрту, он дал нам знак, что мы можем спокойно идти вперёд. В деревне, не было ни людей, ни собак, что было очень непри-

ятно, так как придётся из-за этого, не говоря о других неудобствах, сделать долгую остановку. Ближайшие обитаемые сёла, которых можно было достигнуть сухим путём, лежали больше чем на день езды южнее, на том рукаве, по которому мы начали наше путешествие; Кытаха же или других расположенных поблизости обитаемых сёл можно было достигнуть только водою. Дать сигнал огнём или дымом не принесло бы тоже никакой пользы: огня не было бы видно на далёком расстоянии вследствие постоянного дня, а дыма вследствие постоянного ветра. Хотя и нашлись здесь одна лодка и одна ветка, но обе они были в таком непоправимом состоянии, что с ними ничего нельзя было сделать. Наконец, после долгих поисков, нашлась ещё вторая ветка; подвергнув её предварительно починке и обождав более тихую погоду, Афанасий решился на ней достигнуть Кытаха, объявить о нашем приезде и выслать нам людей с лодкой. Мы устроились в хорошей юрте как можно лучше и рады были, что могли, наконец, укрыться под крепкую крышу, у горящего камина, чего мы не имели целых 12 дней.

На следующее утро уехали два тунгуса с оленями; Афанасий же сказал, что он останется со мной ещё некоторое время и поедет вместе в Сагастырь. Из бересты, немного масла, которое он выпросил себе, и очень много слюны он состряпал какую-то адскую кашу, которую он потом пережёвывал во рту в чёрные комки, чтобы конопатить этим свою лодку. До обеда эта работа была благополучно окончена и, так как ветер стих, он поспешил отправиться в путь. Уже вечером мы увидели лодку с 4-мя гребцами, которая приближалась к Борхае, а несколько часов спустя, мы уже ехали в Сагастырь, куда мы благополучно прибыли утром 26-го июля (7-го августа).

Главные результаты, достигнутые мною в этой экскурсии, относятся к области картографии. Мои, хотя и неполные, наблюдения всё-таки могут послужить материалом для дальнейшего изучения дельты и имеют некоторое значение особенно как дополнение к астрономическим определениям г. Юргенса, обнаружившим протяжение дельты далее на северо-запад¹.

¹ Остров дельты, который я объездил (на старых картах Хангалахский хребет), не имеет общего названия; якуты обозначают эту страну словом «систер» (множественное число от «сис», хребет).

Результаты в области зоологии можно считать очень незначительными; на более важные я уже указал в этом отчёте; подробности о птицах находятся в списке животных, наблюденных в 1884 году. Растений я собрал тоже немного, уже потому, что у меня не было достаточно бумаги, чтобы разместить растения, так как я не получил испрошенной мною бумаги; кроме того флора здесь очень однообразна, всё одни и те же виды, которые я собрал уже в прошлом году. Однако, мне удалось разместить всё, что я нашёл нового.

Метеорологические наблюдения я продолжал всё время, насколько только позволяли обстоятельства. Полными они не могли быть уже потому, что у меня не было барометра; кроме того, я не имел даже часов, а при помощи компаса не всегда удавалось определить время вследствие облачности. Но всё-таки собранный материал может служить дополнением к наблюдениям, произведённым до сих пор на станции, так как по крайней мере наблюдения над температурой, произведённые хотя и не совсем регулярно, дополняются таким образом до двух полных лет.

Возвратясь в Сагастырь, я к сожалению, не застал там ещё старосты и других якутов, которые провожали г. Юргенса в Булун; а между тем я должен был во всяком случае обождать их возвращения, так как моя провизия почти вся вышла. Из Булуна г. Юргенс хотел выслать мне всё необходимое для моего пребывания на севере. Хотя для меня и для казака и хватило бы ещё провизии на некоторое время, но рабочим я почти ничего не мог бы уделить из неё; а при всех наших предприятиях, в которых нам помогали здешние жители, мы всегда выдавали им некоторую провизию (чай, муку, сухари, табак.) Значит, я должен был ждать, и ждать очень долго, что было мне весьма неприятно, так как я боялся не успеть до наступления зимы с работами у мамонта, тем более, что ведь размеры их мне были совершенно неизвестны. В это время у нас свирепствовали жестокие бури и не раз разражались сильные грозы, чего в прошлом году не было. Они-то и помешали якутам приехать к нам вовремя. К счастью 31-го июня (11 авг.) прибыла почта, которую г. Юргенс переслал мне из Кумаксур, где он встретил её; с нею прибыло несколько писем и газет за март и апрель; за чтением их я забывал на время моё беспокойство и нетерпение.

Лишь 6-го (18) августа прибыл староста, а с ним и необходимый провиант. 7-го (19) августа я отправился с рабочими к месту нахождения

мамонта на остров Мостах, где я велел между тем построить для себя поместительную урасу; 8-го (20) августа я уже устроился в ней. Юрту надо было построить в расстоянии приблизительно полуверсты от предполагаемого места нахождения мамонта, так как вблизи самого места не было плавника, а, кроме того, постоянно наметаемый песок здесь очень мешал бы нам.

Здесь меня встретил кандидат на должность головы, Константин Мухаплеев, с которым я уже весною осматривал это место; он расположился здесь с несколькими якутами, чтобы подкараулить оленей, которые начинали теперь возвращаться на запад. Здесь же жил и старый якут Степан, на которого мне указали ещё весной, как на хорошего знатока места нахождения мамонта. Наконец среди нанятых мною рабочих один видал раз, но уже давно, этого мамонта. Утром 9-го (21) августа мы осмотрели место. Хотя я назначил, небольшую, положим, награду тому, кто найдёт здесь мамонта до моего прибытия, всё-таки не было сделано почти никаких поисков; только на некоторых местах были вырыты небольшие ямы в песке. Оба вышеназванные лица указали одно и тоже место без всяких разногласий: оно находилось на 60 шагов к югу от того места, на котором я весною тщетно старался что-нибудь найти.

О берегах здесь можно сказать следующее: река, текущая вообще в направлении S-N образует здесь, как я уже раньше сообщал, изгиб, обращённый выпуклостью к западу. Немного ниже река соединяется с другим рукавом, протекающим с юго-востока, а потом, после слияния с третьим рукавом с запада (по которому я ехал в Турах) ещё версты 2 ниже, течёт до Сагастыря, где сливается с большой протокой Тумат. Песчаный берег вдоль названного изгиба высок, и состоит из горизонтально расположенных слоёв и лишь сверху покрыт тонким слоем земли, на которой заметна незначительная растительность (преимущественно трава). Высота берега равняется 30-31 футу над обыкновенным уровнем воды. Между этим крутым берегом и рекой простирается плоская, почти горизонтальная отмель, шириною от 12 до 16 футов, оканчивающаяся у воды небольшою ступенью, высота которой то увеличивается, то уменьшается, смотря по очень изменчивому уровню воды (прилив и отлив чередуются здесь совершенно правильно). Начиная от этой отмели до середины реки, дно её понижается лишь постепенно, так что в сильное мелководье вода значительно отступает от берега. Иногда же

в половодье вода заливает даже края отмели. Самая высокая часть отмели, лежащая ближе всего к откосу берега, на 2 фута 5 дюймов выше обыкновенного уровня воды. В том месте, где отмель переходит в откос, лежали большие глыбы земли, свалившиеся сверху; эти глыбы вместе с песком образуют небольшую ступень перед самым песчаным откосом; на этом-то месте, на высоте около 5 фут 7 дюймов над уровнем реки, и появились в 1857 и 1858 гг. клыки мамонта. Кажется, я уже раньше упоминал, что мамонт лежал на правом боку, что голова его обращена к откосу, а задняя часть к реке. Однако, место, где теперь должны были сосредоточиться поиски, по указаниям обоих якутов, находится гораздо ближе к берегу реки, на самом краю отмели, так как обваливающийся берег понемногу отступил назад.

Чтобы найти животное, не надо будет рыть слишком глубоко; добираться до промёрзшей земли не придётся; оно лежит во всяком случае хотя отчасти над нею. Если же нам удастся найти его, придётся рыть вокруг него до мёрзлой земли и даже в ней самой, потом опустить в землю вокруг животного деревянный ящик, чтобы препятствовать воде проникнуть в яму, так как место это лишь очень незначительно превышает уровень протекающей мимо реки и проч. Но всё это определится при самых работах. Главное дело заключалось теперь в том, чтобы найти мамонта, и это казалось не очень трудным, так как обозначенное людьми место, которое надо было обыскать, имело лишь небольшое протяжение, около 15 шагов вдоль берега. Если животное здесь не удастся найти, говорили они, то его унесло водою. Место, которое нам приходилось обыскивать, с одной стороны граничило с водою, с другой, — крутым песчаным берегом. Что мамонта унесло водою, казалось невероятным, во-первых, потому, что труп лежал здесь уж долгие годы, а во-вторых, и потому, что он во время половодья, продолжающегося очень недолго, должен ещё находиться по большей части в мёрзлом песке, хотя бы он теперь осенью и лежал в немёрзлой почве. Всё прочее время года, исключая времени половодья, рукав здесь очень незначителен, не имеет почти никакого течения, и лишь при сильных ветрах поднимаются высокие волны, действие которых на берег, однако, очень незначительно. Во время же половодья влияние реки на высокий берег должно быть очень значительно, так как вода подымается над обыкновенным уровнем на 16-17 футов, в чём я убедился, измеряя толщину

слоя плавника. Таким образом возможно, что берег с течением времени отступил назад больше, чем предполагали якуты, и что животное находилось уже под поверхностью воды. Но с этим моим предположением якуты никак не соглашались: так далеко, говорили они, берег ещё не мог подвинуться. Я возвращусь ещё к этому при описании работ.

После полудня того же дня мы с пятью рабочими — казак, который всё время очень деятельно помогал, был шестой — принялись за работу, полные надежд на скорые результаты. Сперва мы вырыли вблизи берега яму приблизительно в 2 сажени длины и одну сажень ширины на том месте, где, по словам якутов, можно было главным образом чего-либо ожидать. Вырытый песок я велел сбрасывать к реке, в воду, во-первых, чтобы иметь при высокой воде защищающий нас вал, а во-вторых, чтобы берег отодвинулся дальше к реке и образовал бы новую площадь, которую, может быть, придётся впоследствии обыскать. Мы раскапывали почву не очень глубоко, всего лишь фута на два, рабочие говорили, что не было надобности рыть более глубоко. Сперва я не имел ничего против этого, так как они, казалось, были так уверены в своём деле. Почва, которую мы рыли, состояла из крупного песка с небольшими кусками торфяной земли, которая попала сюда с верхнего края обрыва. Так как мы здесь ничего не нашли, то вырыли на следующий день вторую яму около прежней, дальше к северу, оставив между обеими небольшой промежуток в 2 фута, чтобы накопившаяся между тем в первой яме вода не могла помешать нам. При величине отыскиваемого предмета подобные промежутки не могли иметь влияния на точность наших исследований. На дне ям собиралась, как уже сказано, вода. Количество её, а также и скорость, с которой она проникала в ямы, изменялись, конечно, вместе с колебаниями уровня воды. Но всё же было возможно облегчить работу, вычерпав воду вёдрами, и потом уже углублять ямы, что делалось главным образом впоследствии. Только когда мы совсем приближались к мёрзлой почве, работа становилась очень трудной. Здесь всё зависело от того, чтоб как можно скорей окончательно осмотреть место, так как вследствие быстро проникающей воды рыхлые песчаные стены ямы обсыпались и таким образом в одно мгновение уничтожалась вся предыдущая работа. При одновременном вычерпывании и усиленном копании нам всё-таки удалось подробно осмотреть и обыскать всю почву вплоть до её мёрзлых слоёв. Так как мы ни во второй яме, ни в

третьей, вырытой к югу от первой ничего не нашли, то я велел 11-го (23-го) августа углубить прежние ямы до мёрзлой почвы. Якуты очень неохотно принялись за эту грязную и нелёгкую работу, которую они к тому же считали совершенно бесполезною. Но и при этом мы ничего не нашли, и вот рабочие нашли теперь нужным искать сначала ближе к обрыву. На моё замечание, что скорее следует осмотреть почву ближе к реке или даже в самой реке, под поверхностью воды, я получил в ответ, что вряд ли там что-нибудь найдётся. При настоящей высоте воды работа там являлась совсем невозможною или сопровождалась большими затруднениями (устройство деревянных ящиков и т.д.). Впрочем, я решил во всяком случае поискать и там при более низком уровне воды. Я надеялся что в случае, если мамонт находится под поверхностью воды, то место нахождения обнаружится всплыванием жирных частиц (которые легко заметить по радужным цветам на поверхности воды), и обращал особенное внимание на поверхность воды, главным образом при тихой погоде. Но ничего подобного не случалось; даже газы никогда не поднимались из песка.

В следующие дни мы продолжали нашу работу следующим образом: мы рыли два параллельных ряда ям, одну у воды, другую у обрыва, подвигаясь вперёд как к северу, так и к югу. Во всех ямах мы докапывались до мёрзлой почвы; у обрыва мы достигали её на глубине от 2 ф. 8 д. до 3 ф., а у берега на глубине от 3 ф. 9 д. до 4 ф. Если наша неудача до сих пор зависела от ошибки якутов относительно места, то мы должны были при таком способе разыскивания наткнуться, наконец, на животное, если оно только находилось в области раньше описанного, плоского песчаного берега. В самой же воде можно было начать работу только тогда, когда само местонахождение мамонта будет достоверно известно. Искать там не было возможности, а твёрдо высказанное мнение якутов, что животное не может лежать под водою, побудило меня на первое время отказаться от тяжёлой работы при раскопках под водою. Что якуты ошибались было весьма возможно: ведь зимою они обозначали же место на 60 шагов севернее. Особых примет у них не было и теперь. На мой вопрос, по каким признакам они думают узнать место, они отвечали: «именно по самому месту». Между тем берег на значительном протяжении не представлял никаких выдающихся примет. Кроме того,

здесь нашлось несколько костей (один позвонок и одно ребро), которые, по словам старого Степана, были оставлены им здесь как-то раз четыре года тому назад; но было ведь более чем вероятно, что их сдвинула с места вода, люди или животные. Один из моих рабочих нашёл же три или четыре года тому назад в 185 шагах далее к северу или скорее к северу-западу на берегу одно ребро и подле него глубокую, недавно вырытую яму. На этом сообщении была также отчасти основана моя надежда найти животное: ведь не без всякого же основания копал этот человек, которого теперь никак не удавалось разыскать. Рабочий указал в точности то же самое место, как и зимой. Столько и мне удалось заметить: здесь были ясные знаки в виде небольших возвышений на верхнем краю обрыва.

Вышеизложенным способом мы продолжали работу до 16-го (28-го) августа. Я должен сознаться, что это было для меня нелёгкое время. Пока работа даёт какой-нибудь хотя бы незначительный результат, находишь в ней удовлетворение; утешаешься тем, что вследствие неблагоприятных обстоятельств и не можешь достигнуть большего. Но когда ничего не достигаешь, и с каждым днём всё более и более исчезает надежда, что наше горячее желание исполнится, тогда всё в жизни представляется мрачным; каждый удар заступом был мне в тягость: ведь всё равно всё напрасно! Якуты уже на третий день потеряли всякую надежду: животное унесло водою, говорили они. Если к тому ещё выпал день с высоким уровнем воды, который мешал нашим работам, подвижающимся вообще довольно скоро, то настроение делалось совершенно невыносимым. Неужели же мне придётся ехать отсюда, ничего не достигнув? В таком настроении я не мог отрешиться от мысли, что якуты всё-таки, может быть, по каким-нибудь причинам нарочно скрывают настоящее место, хотя с другой стороны мне казалось немыслимым, чтобы они могли быть настолько равнодушны, чтоб спокойно производить совершенно бесцельную работу, или что почтенный старик Степан старается обмануть меня; казалось, он действительно поступает совершенно чистосердечно.

16-го августа двое рабочих сказали, что они не могут дольше оставаться здесь, так как некому без них кормить их семейства и что они должны воротиться домой. Кандидат Константин, который уже 10-го

(22-го) Августа покинул Мостах, обещал мне тотчас же прислать рабочих, так как мне уже тогда казалось необходимым иметь бóльшее число рабочих; но до сих пор ещё никто не являлся. Вместе с тем я узнал в этот день, что недалеко отсюда живёт якут Семенкан, который, как говорили про него, года четыре-пять тому назад ещё видел мамонта. Когда его, однако, весной расспрашивали об этом, он уверял, что ему. ничего неизвестно о мамонте. Но так как тогда я сам его не расспрашивал, то я хотел воспользоваться теперь случаем и поговорить с ним. Я решил послать одного из двух оставшихся рабочих (старика едва можно было считать рабочим) за Семенканом со строгим приказанием непременно привести его ко мне. Он попросил написать ему это поручение и наложить на бумагу печать, хотя ни он, ни тот, кому он должен был передать её, не умел читать. Он получил такую бумагу. — Рабочим, возвращающимся в Кытах, я приказал побудить кандидата или старосту как можно скорее выслать рабочих. Они также выпросили себе бумагу с печатью, которую они тоже получили. Последнего рабочего я послал ловить рыбу, так как здесь рыбная ловля не производилась и мы уже несколько дней не имели свежей рыбы. Утром 17-го (29-го) августа все разъехались в разные стороны. Этот перерыв в работе, благодаря которому, как я ожидал, переменится дурное настроение, в чём и не ошибся, я сам употребил на небольшие экскурсии на Орто-Тоебэ Булгуньях и другие места ближайшей окрестности, собирал растения и производил ещё некоторые пленгования, нужные для съёмки местности; а казак между тем вполне предался охоте, против чего я ничего не имел: в то время прямо начался перелёт гусей. Эта перемена подействовала на нас очень благотворно.

Обе бумаги произвели своё действие: вечером 18-го (30-го) августа прибыл к нам якут Семенкан, а 19-го (31-го) августа староста из Тумата, но без рабочих. Он уверял, что при всём желании невозможно достать рабочих, так как все разъехались осматривать свои песцовые ловушки, немногие, оставшиеся в Кытахе, совершенно заняты добыванием пищи для женщин и детей; улов рыбы в этом году очень плох и т.д.; спустя некоторое время можно будет достать людей; он сам хочет теперь привести в порядок свои песцовые ловушки, а потом переселится сюда на некоторое время и будет помогать при работах. Мне было очень приятно, что он приехал как раз теперь. Дело в том, что якут Семенкан уверял меня, что он ничего не знает о месте, где лежит мамонт; что лишь

случайно, проезжая здесь, он встретил у находящихся здесь юрт другого якута, который в то время прямо смазывал свою ветку мамонтовым жиром; этот же якут уверял, что он нашёл жир у юрт (весною он дал те же показания); тогда же присоединился к ним будто бы староста из Тумата, который может подтвердить всё сказанное. А между тем как раз этот староста указал мне на Семенкана, как на человека, знающего место, где лежит мамонт; а потому я мог ожидать от очной ставки обоих разъяснения этого недоразумения. Мне казалось немыслимым, чтобы ни один из троих не постарался по крайней мере посмотреть, откуда этот жир и не найдётся ли там чего-нибудь пригодного и для него; все трое знали, что мамонт лежит здесь. Оба, староста и Семенкан, уверяли теперь, что они действительно не стали дальше разыскивать мамонта; староста объяснял свои прежние показания относительно Семенкана тем, что судя по виденному им тогда, он должен был заключить (так же, как я теперь!), что они сами брали жир от мамонта; но он не стал их дальше расспрашивать. Значит, нечего было делать; я не подвигался ни на шаг вперёд.

Хотя я во время этого отдыха не узнал ничего такого, что могло бы подвинуть мою работу вперёд, мы всё-таки приступили к ней 20-го августа (1-го сентября) с новыми надеждами и свежими силами (староста остался здесь на один день, и я получил хорошего рабочего из Тураха). Небольшое развлечение подействовало на нас очень благотворно. Мы продолжали нашу работу прежним способом, вырывая два ряда ям, теперь к северу от места, указанного якутами, тогда как прежде мы подвигались к югу (около 60 шагов, или 140 футов от исходной точки). Вечером 21-го августа (2-го сентября) вода стояла так низко, что я имел возможность копать ближе к воде или даже в местах, обыкновенно покрытых водой. При этом я велел вырыть три ямы: одну соответствующую как раз середине означенного места, другую к северу и третью к югу от него. Дорыть до мёрзлой почвы нам не удалось: рыхлый песок слишком скоро обсыпался, а вода набиралась так быстро, что мы не успевали вычерпывать её. Но мы проникали в почву более чем на 3 фута глубины, т.е. глубже, чем якуты находили нужным.

Однако, никакого следа мамонта не находилось, и таким образом опять рушилась надежда, которая меня так долго воодушевляла. Этот третий ряд ям, а также и два прежних, я хотел впоследствии продолжить к северу и к югу. Если же мне помешает высокий уровень, воды я

хотел сделать некоторый перерыв и возобновить здесь работы уже по наступлению сильных морозов, приблизительно в конце сентября или начале октября по старому стилю. При высокой воде я мог искать лишь на раньше упомянутом месте, лежащем на 185 шагов севернее. Если и там ничего не найдётся, то придётся обыскать весь берег, начиная отсюда до выполненных уже работ. (В этом пространстве находился и тот участок, который я исследовал весною на совершенно верном месте, что касается расстояния от обрыва; следы весенней работы мы нашли впоследствии при копании). Мы приступили к этой работе 22-го августа (3-го сентября); начиная немного севернее второго места (где мы опять-таки ничего не нашли) мы вырывали у самой воды одну яму около другой, доходя каждый раз до мёрзлой почвы. При этом достаточно было одной ямы, чтобы вполне исследовать полосу которая здесь была менее широка. Теперь я смотрел на работы совершенно равнодушно, почти ничего от них не ожидая, и продолжал их только потому, чтоб сделать всё, что было в моих силах.

24-го августа (5-го сентября) мне прислали двух рабочих из Кытаха, а вечером того же дня прибыли ещё трое из Тураха; таким образом работа могла по крайней мере быстро подвигаться вперёд. Между тем температура стала постоянно падать ниже нуля; уже ночью с 24-ое на 25-ое августа наступил минимум в $-7,5^{\circ}\text{C}$. Небольшие озёра в тундре покрылись тонким слоем льда, который удерживал человека, и нам приходилось до начала работы лопатой прорубать заступами слой замёрзшего песка в несколько дюймов толщины. Но эти низкие температуры нисколько не мешали работе (раннему наступлению зимы я был очень рад, так как вместе с тем наступает низкий уровень воды; в переходное же время он по большей части высок); работа ежедневно быстро подвигалась вперёд, и вечером 25-го августа (6-го сентября) мы соединили ряд вновь вырытых ям с прежними. Весь берег на протяжении 245-ти шагов (около 560 ф.) был исследован вплоть до мёрзлой почвы, было вырыто более 80-ти ям, — и всё напрасно!

Я был в настоящую минуту в нерешимости, что предпринять: отложить ли дальнейшую работу до зимы, обождать более низкого уровня воды, или же начать очень трудную работу, опуская в воду кессоны? Так как было ещё слишком рано окончить работы в этот день, и я как раз располагал значительными рабочими силами, то я решил попробовать

поискать ещё раз под водой, хотя вода и не стояла особенно низко. Как я упомянул уже раньше, наброшенная земля выдвинула берег несколько вперёд, и при быстрой работе мы всегда могли проникнуть достаточно глубоко, прежде, чем нам помешает вода, и вот я велел вырыть к северу от трёх ям третьего ряда, вырытых 21-го августа, ещё две новые ямы. Когда мы проникли уже на 3 фута глубины, и края ямы постоянно обваливались, уничтожая нашу работу, — в одной яме, находившейся ближе всех к прежним, приблизительно в 4 футах от них и в таком же расстоянии от ям, лежащих у обрыва, один из рабочих наткнулся на что то твёрдое. Сначала мы думали, что это кусок плавника, который нередко попадался в песке вблизи воды; но вскоре оказалось, что твёрдый предмет очень больших размеров. Тогда я заставил самых сильных рабочих копать здесь общими силами по возможности быстро, между тем как другие беспрестанно вычерпывали набирающуюся воду и размываемый ею песок, и мне удалось увидеть на одну минуту позвонок и около него большую кость. Я думал, что видел часть уже обнажённого от мягких частей позвоночного столба, а именно часть бёдер и таза.

Невозможно описать нашу радость! Якуты радовались так чистосердечно, что я мог вполне убедиться, как я был неправ, подозревая их в умышленном укрывании места (хотя я, впрочем, не показывал им этого). Когда на следующий день казак рассказал о нашей находке старику Степану, который уехал 24-го августа (5-го сентября), чтобы найти себе более тёплый приют, старик стал креститься со слезами на глазах. Так как вода быстро поднималась и мои люди очень устали, и так как теперь должна была начаться работа совсем другого рода, то я окончил работы на этот день, и мы провели вечер в самом весёлом настроении¹.

После всего, что мне понемногу удалось узнать, начиная с весны, о мамонте, а впоследствии и самому увидеть, я не мог уже ожидать, что найду мамонта в целости. Уже при самом нахождении мамонта, как я раньше упоминал, некоторые его части были отделены и отданы купцу Шахурдину, а именно голова и левая передняя конечность; последняя, по словам якутов, была отделена вместе с плечной лопаткой (*scapula*),

¹ Таким образом якуты ошиблись относительно места нахождения мамонта в направлении от обрыва к реке приблизительно на 4 фута, а вдоль реки на 10 шагов. (См. следующее описание дальнейших работ). — При копании мы часто натыкались уже в мёрзлой почве на слои чистого прозрачного льда. Но каждый раз можно было убедиться, что он лишь наполнял собою отвесно идущие щели в песке.

— что, однако, впоследствии оказалось неверным, так как нашлись и крайние внутренние и внешние приростки обеих плечевых костей (humeri).

Тогда же были взяты значительные части шкуры левой стороны, несколько рёбер и т.д. С тех пор, кажется, (т.е. с 1857 или 1858 года) труп мамонта потерял для якутов всякое значение; только изредка тот или другой из них приходили и брали себе некоторые части его без того, чтобы другие знали об этом или обращали на это особенное внимание. Место это вообще довольно часто посещается, так как здесь, как я уже упоминал, осенью (т.е. прямо во время низкой воды) переправляются через реку олени, перекочёвывающие в большом количестве на запад. Уже позже (в октябре!) я узнал, что приблизительно десять лет тому назад труп лежал довольно открыто, и тогда и люди, и собаки, и песцы сильно пользовались им. В том же году опять передали купцу Ляпунову (который между тем умер) одну конечность, или скорее внешнюю часть, которую именно — я не мог разузнать. Эта конечность была покрыта, по словам якутов, короткой, густой, бархатистой шерстью. Что животное было всё покрыто густой шерстью, я также уже сообщил. На мой вопрос, могло бы ли животное прожить, например, здесь в дельте при сильном холоде, люди отвечали: конечно, лучше, чем олень. На следы дальнейшего расхищения мамонта мы напали во время нашего пребывания здесь в июне (с г. Юргенсом); я нашёл тогда кусок позвонка (левую половину грудного позвонка), который г. Юргенс взял с собой. Он совсем не походил на окаменелость, был очень лёгок, — одним словом напоминал кость не очень давно убитого животного. По тому, как легко он отделился от позвоночного столба, можно было заключить, что он принадлежал молодому животному.

Теперь, при моём приезде, мне также отдали почти цельный позвонок и несколько рёбер, между ними одно ребро правой стороны. Эта последняя находка особенно беспокоила меня раньше: я надеялся, что по крайней мере правая сторона нетронута. Но так как в яме, вырытой близ обрыва, мы ничего не нашли, хотя мы проникли до мёрзлой почвы, и так как я видел, как мне показалось, части позвоночного столба и таза, лишь несколькими футами дальше к реке, то я должен был предположить, что из передней части животного уцелело очень немного или даже ничего. Теперь я надеялся лишь на то, что правая половина таза и

окружающие её мягкие части, особенно шерсть, лежат отчасти в мёрзлой почве и хорошо сохранились, а вместе с тем послужили защитой для части содержимого кишок.

26-го августа (7-го сентября) пало на воскресенье, и работы не производились; высокая вода и без того помешала бы нам. Всё стояло под водой. Мы воспользовались праздником, чтобы поохотиться на оленей. Охота наша увенчалась успехом: якуты убили копьями в реке четырёх оленей. При дележе на мою долю выпало тоже некоторое количество свежего мяса, что мне было очень приятно. Вечером воротился староста, и я мог переговорить с ним о предстоящей работе. Так как я был ещё того мнения, что по крайней мере задняя часть мамонта была в целости, то я намеревался опустить в землю вокруг него не пропускающий воду деревянный ящик, настолько пространный, чтобы в нём могло двигаться несколько человек, чтобы таким образом иметь возможность продолжать работу беспрепятственно при всяком уровне воды. Для этого мне были нужны хорошие плотники. Одного я нашёл в лице старосты, который уже раньше согласился остаться; ещё нескольких надо было призвать из Кытаха. Так как работы, по всей вероятности, продолжатся ещё довольно долго, а моя провизия сильно поубавилась, то я решил послать казака в Сагастырь за новой провизией, причём он должен был зараз сыскать в Кытахе нужных рабочих и воротиться с ними вместе. На следующее утро, 27-го августа (8-го сентября) он отправился в лодке с двумя якутами, которые в то время как раз проезжали мимо. В ожидании его возвращения мы хотели начать необходимые предварительные работы, заготовку дерева и т.д.

Необыкновенно низкий уровень воды в этот день избавил нас от предполагаемой тяжёлой работы. Вода стояла на три фута ниже обыкновенного уровня. Где прежде вода доходила выше колен, мы сегодня могли спокойно копать. Этим благоприятным обстоятельством надо было поскорее воспользоваться. Мы тотчас же с большими ожиданиями принялись за работу и без труда отрыли кости. Каково же было моё разочарование, когда мы вместо связанных между собой костей нашли лишь беспорядочно разбросанные отдельные куски костей, принадлежащим различным частям тела. Положим, я не ошибся: наверху лежал действительно позвонок и сейчас же около него вполне сохранившаяся

левая половина таза, но, кроме того, здесь находились несколько приростков костей, между ними внутренний приросток левой плечевой кости, части от diaphysis и два ребра. Все эти куски, в особенности же части diaphysis от трубчатой кости носили ясные следы ударов топором. Между костями нашлись, кроме многочисленных больших и мелких частиц жира, несколько клочков соединительной ткани и — несколько кругловатых, коричневых тел величиною в маленький картофель, которые я на первый взгляд принял за небольшие куски торфа; но при ближайшем рассмотрении оказалось, что я ошибся, так как части эти совсем не были похожи на торф. Якуты тотчас же объяснили, что это испражнения, в чём не было никакой причины сомневаться, хотя вполне удостовериться в этом можно было лишь при помощи микроскопического и химического исследования. Всё же это было хоть небольшое вознаграждение за первоначальное разочарование. Теперь было ясно, что эти кости были брошены сюда кем-нибудь, и что это не было настоящее местонахождение мамонта. Но оно должно лежать поблизости, а потому, чтобы добраться до него, следует только воспользоваться низким уровнем воды. Всё это я постарался изъяснить якутам на моём бестолковом языке (смесь русского с якутским), что мне, к счастью, вполне удалось, так как они постепенно привыкли к моему способу объясняться. Мы до сих пор нашли только левую часть таза; я надеялся, что правая лежит ещё глубже, может быть, в мёрзлой почве. Если её не окажется, то вообще больше нечего, или почти нечего ожидать, кроме костей. Полнейшее исчезновение всех соединительных частей заставляло заключить, что и от кожи, как бы толста она ни была, ничего не осталось, так как сопротивление этих частей вовсе не меньше сопротивления кожи. Кроме того, я должен был принять во внимание и то, что я имею дело, судя по всем остаткам костей, с молодым животным кожа которого ещё нежнее. Сначала мы стали копать в глубину до мёрзлой почвы, которой мы здесь достигли на глубине от 4 ф. 10 д. до 5 ф. ниже самого большого уровня воды, но ничего не нашли. Тогда мы стали увеличивать яму в разных направлениях, причём в течение дня были найдены ещё несколько кусков костей, между прочим epiphysis distalis правой плечевой кости. Правая передняя конечность была значит также вполне разрушена. Но до сих пор не нашлось ещё никаких частей правой задней конечности. Якуты уверяли меня, что большая кость (они даже намекали,

что эта правая половина таза) уж много лет находится в Кытахе. Раньше я ничего об этом не слышал.

К счастью, вода продолжала стоять очень низко и на следующий день, 28-го августа (9-го сентября). Сначала мы обыскали почву к югу от вчерашней ямы, там, где я уже раньше велел выкопать яму; но где мы в этот день могли проникнуть гораздо глубже в почву; однако и здесь ничего не нашлось. Тогда мы перешли на северную сторону — и здесь на глубине 3 футов ниже самого большого уровня воды (по которому я здесь только и мог производить измерения) мы напали на черноватые массы песка, содержащие волосы, жир, и клочки соединительных тканей. Теперь мы без сомнения нашли место, где лежал мамонт. Немного выше нашлось ещё раньше несколько костей, между ними внешний приросток левой бедренной кости, внутренний приросток правой плечевой кости и внешняя часть левой плечевой кости.

Теперь мы с большой осторожностью приступили к рассмотрению черноватых масс, причём мы давали стекать просачивающейся воде в углубление, чтобы таким образом иметь возможность работать до известной степени в сухом месте. Оказалось, что эти массы лежали в виде слоя в несколько дюймов толщины, который вверху и внизу по большей части состоял из черновато окрашенного песка, в середине которого находился тонкий слой совершенно чёрного, органического вещества, перемешанного с волосами, жиром и частицами соединительных тканей. Кроме вышеназванных составных частей, мы заметили в слое ещё и ясные следы растительных частиц, в виде коротких стебельков, на концах которых, казалось, можно было различить следы зубов. Старик Степан, которому я показал эти чёрные массы, рассказал мне потом, что вскоре после того, как был найден мамонт, он вместе с некоторыми другими якутами, вынул из внутренности животного кругловатый мешкообразный орган (желудок, слепую кишку?), из которого, когда они разрезали тонкую стенку его, вышли чёрные «порохообразные» массы; и эти-то массы, по его мнению, распространённые водою по поверхности земли, были причиной чёрной окраски песка. Остальные якуты тоже говорили, что чёрные массы — содержимое желудка или кишок, причём они беспрестанно указывали на выше упомянутые растительные частицы. Я же думаю, что и при таком происхождении эти массы получили чёрную окраску преимущественно от разложившихся красящих частей

крови, а также от сгнивших частей шкуры, присутствие которой доказывается без всякого сомнения волосами и вышеуказанными частями связочной ткани; положим, что сравнительно небольшое количество волос заставляет думать, что большая часть шкуры была снята, конечно, предполагая, что показания якутов о густоте шерсти мамонта верны. Иногда попадались, правда, толстые комки шерсти, уже обратившейся в войлок. Толщина волос была самая разнообразная: были все промежуточные степени, начиная от толстой щетины и кончая мягким как шёлк волнистым волосом. Длина же волос была очень невелика: мне не попадались волосы длиннее 7 дюймов.

В течение дня мы осторожно вынули из этой ямы всё, что только было сколько-нибудь интересного. Первое исследованное место, в котором были найдены чёрные массы, простирается на четыре фута от откоса до реки и приблизительно на шесть футов вдоль реки. — Вдоль реки слой не шёл дальше, а также не достигал и краёв ямы со стороны откоса, но, понемногу ослабевая, совсем исчезал ещё до этого края. Потому-то мы ничего и не нашли в яме, вырытой ещё раньше ближе к откосу. Дальше по направлению к реке слой снова появился, и здесь надо было продолжить работы, хотя от неё нельзя было ожидать больших результатов, а, если правая половина таза находится в Кытахе, то даже почти ничего. В более глубоких слоях не попадались никакие остатки, которые можно бы было приписать мамонту; песок был совершенно чист.

Самым важным результатом работ этих двух дней надо во всяком случае считать предполагаемые остатки содержимого кишок и желудка. Для решения вопроса, на сколько верны эти предложения, надо подвергнуть эти остатки точному критическому исследованию, которое здесь, конечно, нельзя было произвести. Но даже не вооружённым глазом можно было различить, если я не ошибаюсь, в тех стебельках частицы трав. Вид, к которому принадлежат эти травы, растёт в большом количестве на песчаной возвышенности над местом нахождения мамонта (я собрал недели две тому назад все встречающиеся здесь травы!) и очень вероятно, что растительные частицы происходят от этих трав. Этот вопрос можно будет решить, сравнив эти остатки с найденными в первый день твёрдыми испражнениями, после того как будет доказано, что они действительно испражнения, которые в таком случае только и могут принадлежать мамонту. Более вероятным кажется мне однако,

что те твёрдые растительные части действительно остатки содержимого кишок или желудка, которые сохранились благодаря волосам распавшейся шкуры, причём более мелкие массы вместе с кровью пропитали песок над ними и под ними и окрасили его в чёрный цвет.

Все кости я тщательно сохранил. В течение зимы их перешлют в Булун (к сожалению, я не мог сам взять их с собою), а оттуда их можно отправить и дальше, в случае, если это окажется нужным. То немногое, что я нашёл из мягких частей, я смочил в хромовой кислоте и сохранил в алкоголе. Они не имеют, однако, особого значения. Из слоя земли, содержащего волосы и прочее, я велел тогда же заморозить несколько кусков, и в таком виде они будут привезены в Петербург. Части слоя, легче распадающиеся были собраны в кадку, и я потом промыл песок и получил из него волосы и растительные остатки и проч. При исследовании полученного таким образом спорного содержимого желудка не следует придавать ему особого значения, так как сосуд, в который собирался песок, несмотря на принятые меры предосторожности не был совершенно чист (прежде в нём была солоница, и мне самому попались среди остатков мамонта кусок лаврового листа и крупинка перца!).

На следующее утро 29-го августа (10-го сентября) нельзя было продолжать работы из-за высокой воды. Ямы были до краёв наполнены водой и насыпи обвалились. Так как надежда на дальнейшие результаты была невелика, то я сначала думал отказаться от трудной работы с деревянными ящиками и прочим и лучше дождаться более низкой воды. На другое утро, 30-го августа (11-го сентября) вода стояла ещё гораздо выше, и мы могли спокойно праздновать тезоименитство Е.И.В. Государя Императора: было решено устроить после обеда охоту на оленей. Кроме высокой воды, случилось ещё одно обстоятельство, заставившее меня совершенно переменить мои планы: а именно: ночью температура упала до -10°Ц. ; по всем признакам казалось, будто начинается зима, на реке начал образовываться лёд; таким образом наступило самое лучшее время для охоты на оленей. В тот же день после обеда я заметил стадо в 35 животных, которое, однако, к сожалению, немного не доходя реки, повернуло и исчезло снова на востоке. (Все места переправы были заняты, и ни одному оленю не удалось бы, вероятно, уйти, если бы они попытались переплыть реку). Так как хорошие плотники, на которых я рассчитывал, были вместе с тем самые лучшие охотники на оленей, то,

продолжая теперь работы, я или помешал бы им заняться охотой, которая является у них необходимым средством добывания себе пропитания, или был бы сам поставлен в неприятное положение, если бы они просто не пришли, извиняясь тем, что должны заниматься охотой — тем более, что в оба последние года охота была очень неудачная. В последнем случае мне пришлось бы ждать рабочих, пока река не замёрзнет окончательно, и я не мог бы без них предпринять никакой значительной работы. Кроме того, я опасался, что, если образование льда на реке не прекратится, казак не будет в состоянии вернуться сюда, и мне придётся оставаться здесь почти без провианта. А потому я решил отложить работы до наступления более сильных морозов, т.е. до конца сентября, когда я мог также рассчитывать на более низкий уровень воды. Когда я объяснил моё решение якутам, они вполне со мной согласились: по их словам, всё это время будет почти постоянно высокая вода, которая бы очень мешала работам. Действительно в двух предшествующих годах у нас была высокая вода именно во время образования льда. Теперь всё дело сводилось к тому, чтобы не терять ни одной минуты и собраться раньше прибытия других рабочих.

Хотя на следующее утро 31-го августа (12-го сентября) вода и не стояла высоко, я всё же решился во всяком случае уехать и, сняв фотографию с места наших работ, начал собираться. Однако, мы уехали лишь очень поздно, так как на укладку вещей пошло много времени, и прибыли лишь ночью в Борхаю, где я застал казака с ожидаемыми рабочими. Их задержала здесь хорошая охота на оленей, которые проходили здесь в больших стадах, так что было очень желательно иметь как можно больше охотников на месте. В последние дни были убиты в окрестностях Борхаи 29 оленей. Везде виднелись следы крови, полные горшки и весёлые лица. После небольшой остановки я поехал дальше, но, отойдя одну версту от Борхаи я должен был вернуться, так как лёд совершенно запрудил реку. Все попытки пробить эту запруду, были тщетны; лишь на другой день высокий подъём воды уничтожил эту запруду, и я прибыл в ночь со 2-го (14) на 3 (15) сентября обратно на станцию в Сагастырь.

Казака я оставил в Борхае, чтобы он мог вознаградить себя за последнее тяжёлое время охотой на оленей; так как он вместе с тем помогал

якутам охотиться, то мы могли рассчитывать на законную долю добычи, которая пришлась бы по меньшей мере очень кстати. Но, к сожалению, с этого времени охота была почти безуспешна. Для моих надобностей ко мне были прикомандированы два мальчика: все взрослые были заняты охотой. Окончательное замерзание рукавов реки последовало ещё не так скоро: наступила тёплая погода, после чего последовал продолжительный ледоход, во время которого никто не мог проникнуть к нам, что, впрочем, вовсе и не было нужно. Лишь 18-го (30-го) сентября лёд окончательно стал, а 20-го сент. (2-го окт.) к нам в Сагастырь прибыл пешком первый якут, хотя и не без некоторой опасности, 22-го сент. (4-го окт.) возвратился казак. Я с некоторой пользой употребил это время, занимаясь описанием вышеизложенных событий и черчением карт.

В день моего прибытия в Сагастырь мне принесли два куска правой половины таза мамонта: полуобуглившуюся лопатку горизонтальную ветвь os pubis с соответствующей частью сочленовочной впадины, — оба куска отрублены от недостающих частей топором. Якут, у которого нашлись эти куски, говорил, что 4-5 лет тому назад он видел правую половину таза ещё в целости у юрты, в пяти верстах от местонахождения мамонта; заинтересованный этими рассказами якута, я уже прежде посылал туда человека, чтобы принести мне всё находящееся там. Мне был доставлен тогда обломок средней части толстой трубчатой кости (левой берцовой кости?). Вместе с тем рушилась последняя надежда найти ещё какие-нибудь значительные части мамонта. Если я всё-таки ещё раз принялся за работы, то только потому, что по мнению якутов должны были сохраниться части шкуры (в чём я очень сомневался); кроме того, я хотел найти вполне определённые части скелета, чтоб убедиться в полнейшем разрушении правой задней конечности (в чём, впрочем, нельзя было сомневаться). По найденному до сих пор, т.е. по различным осколкам diaphysis, нельзя было ещё с полной уверенностью заключить об этом; а между тем до сих пор не было найдено ещё ни одного epiphysis.

30-го сент. (12-го окт.) я опять поехал в Мостах, чтобы снова приняться за прерванную работу. Мороз принёс нам вообще мало пользы (почва замёрзла только на 1½ фута глубины, и лишь там, где были набросаны высокие кучи земли замёрзший слой доходил до 3 фут); но

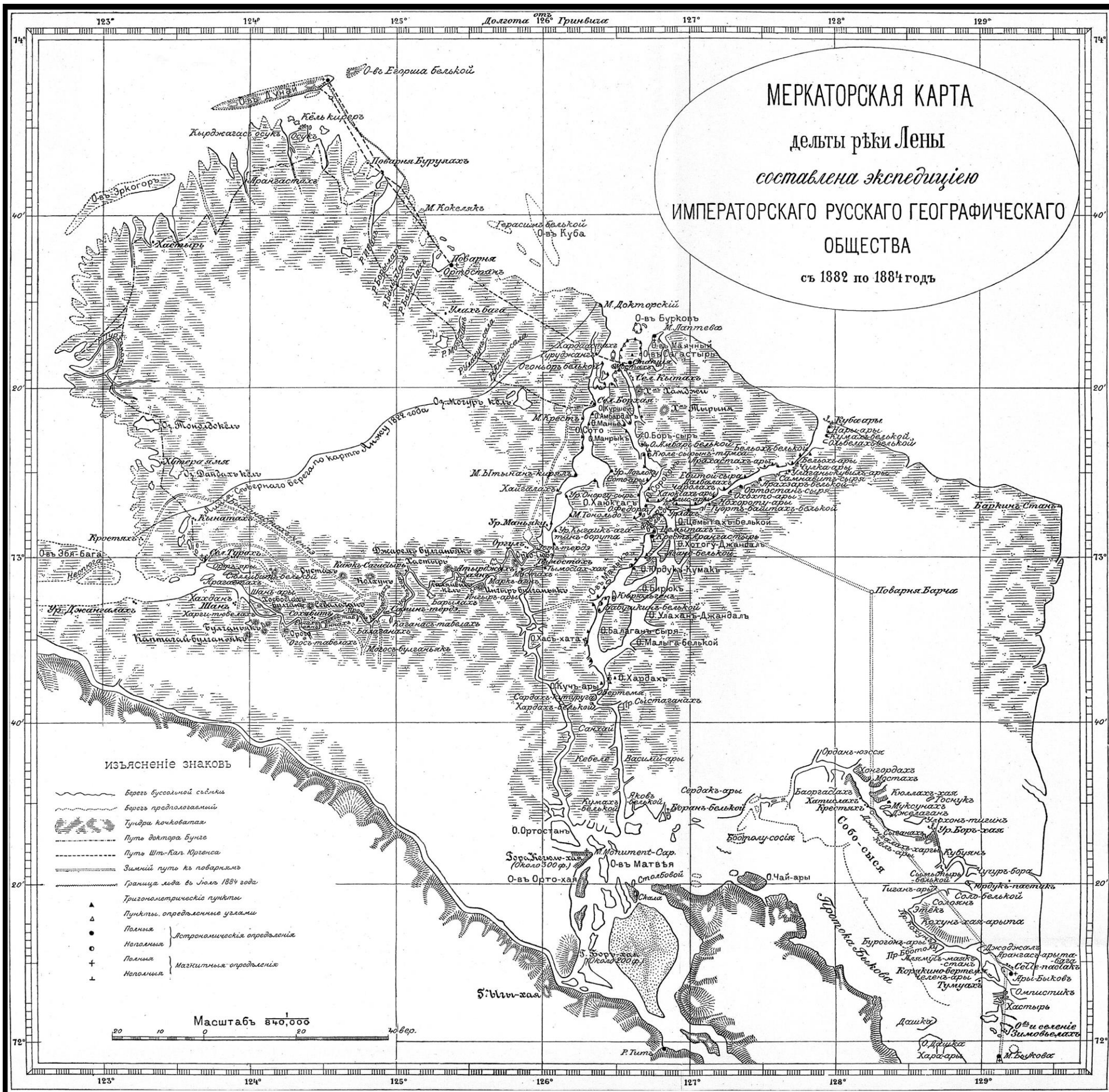
зато низкий уровень воды очень помог нам: вода стояла, не считая слоя льда в фут толщины, приблизительно на 2½ фута ниже самого низкого уровня в августе (27-го и 28-го); довольно значительные массы снега и льда не позволяли произвести совершенно точных измерений. Когда снег и лёд были устранены, я велел сперва откопать раньше исследованную яму, а отсюда мы стали понемногу подвигаться по направлению к реке. Мы снимали слой за слоем: сперва сплошную ледяную кору в ¾ фута толщины, потом мёрзлую землю (в 1½ фута толщины — это была самая тяжёлая работа) и добрались таким образом до сырого песка, в котором на 1½ фута глубины мы попали на чёрный слой. Со большою осторожностью мы проследили этот слой таким же способом, как и раньше, по направлению к реке на 14 футов дальше от того места, где мы остановились в августе. Ширина слоя равнялась здесь от 8-12 футам. В длину мы проследили слой, считая и прежние 4 фута, на расстоянии 18 футов. Следовательно в общем чёрный слой (считая среднюю ширину его в 9 фут) был исследован на пространстве 162 кв. футов. Мы и здесь нашли опять волосы, частицы жира и остатки растительности. Кроме того, в верхних частях ямы было найдено ещё одно ребро. Странно было то обстоятельство, что нигде не попадались маленькие кости конечностей, почему приходится, как мне кажется, заключить, что все без исключения внешние части конечностей были унесены с этого места; относительно двух из них это было ведь уже известно. Что все мягкие части, а вместе с тем и шкура, были вполне уничтожены, в этом не могло быть больше никакого сомнения. Неизвестные грабители разломали и уничтожили и последнее. Ближе к реке волосы, частицы жира и т.д. попадались всё реже и реже, и, наконец, мы выкапывали лишь черноватый песок, окраска которого, как и в верхней части ямы (по направлению к обрыву) делалась всё слабее и слабее. Очевидно это был лишь песок, пропитанный продуктами разложения; мы уже переступили границы предполагаемого места нахождения мамонта; размеры этого места вполне соответствовали трупу молодого животного.

Таковы были результаты работы до 4-го окт. (3-го окт. почти вовсе не работали по случаю высокой воды, выступившей из-под льда). Вечером 4-го окт. вода опять стала сильнее подниматься, а 5-го (17-го) окт. она стояла в яме на 3 фута глубины. Если бы я захотел проследить слой ближе к реке, то пришлось бы подождать ещё некоторое время, так как

нельзя было рассчитывать на то, что сильный мороз скоро поможет нам бороться с водой. Несмотря на температуры в -26°C , даже в открытой яме образовывался лишь тонкий слой льда. Так как не было никакой надежды на какой-нибудь успех, то я решил не тратить более даром времени и денег и окончательно закончил работы 5-го (17-го) октября. В тот же день я отправился обратно в Сагастырь.

Я позволю себе прибавить ещё несколько слов о том, как и когда труп мамонта мог попасть на это место. Между якутами господствовало по поводу этого вопроса три мнения, на которых и основано настоящее рассуждение; одни говорили, что вода размыва песчаный обрыв, и животное упало сюда сверху; другие думали, что оно с самого начала лежало там, где его нашли, и показалось потому, что песок понемногу смывало с него. Третье мнение, наконец, заключалось в том, что животное в тот же год, когда его нашли, было принесено сюда водою («льдом») из Лены. Рассматривая всё это с научной точки зрения, выходит, что по всем трём мнениям животное принесено водою, так как и на основании двух первых мнений оно лежало в наслоившемся песке, который образовался сырым путём. Таким образом вопрос, как труп попал сюда, можно считать покуда решённым. Труднее ответить на вопрос «когда?», и я ограничусь здесь лишь указанием на то, что последнему мнению даёт некоторое основание то обстоятельство, что труп лежал как раз в самой западной части изгиба рукава; а такие места особенно удобны для отложения более тяжёлых тел (т.е. имеющих почти тот же удельный вес, как и вода; про дерево этого нельзя сказать!) Для определения возраста песчаных наносов могут, может быть, послужить мои показания о плавнике и микроскопическое исследование песка, образчик которого я взял с собой».

В октябре и д-р Бунге также покинул устье Лены и отправился через Булун, Устьянск (где он навёл справки о предстоящей экспедиции на Новосибирские острова) и Верхоянск в Якутск, куда он прибыл в конце ноября, принятый так же радушно, как и его товарищи. В конце декабря он доехал до Иркутска, когда его товарищи уже прибыли в Петербург. Таким образом благополучно окончилась Ленская экспедиция.

К карте дельты р. Лены.

Устье р. Лены занимает пространство между мысами Олохон-Крест (большой крест) на западе от главного русла реки и Быкова на восток от главного русла реки, и имеет протяжение по этой линии около 250 вёрст. Оба берега главного русла оканчиваются к северу мысами — западный берег — мысом Кэгюль-хая¹ (Чуб-гора) и восточный — мысом Крест-хая. Всё пространство к северу от устья реки до параллели 74° северной широты заполнено множеством островов, которые составляют дельту Лены. Эти острова лишь в редких случаях возвышаются более 20 фут над уровнем воды. Северо-западную часть дельты, к северу от параллели селения Турах и к западу от меридиана о-ва Сагастырь, на котором расположена была станция, составляет один сплошной остров, не перерезанный протоками. Этот остров у местных жителей не носит особого имени, а на карте, составленной экспедицией Анжу, назван Хайгалахский хребет, вероятно, потому, что на острове есть деревня Хайгалах, обитаемая, впрочем, только летом. На некоторых островах встречаются оригинальные куполообразной или конической формы холмы 60-70 фут. высотой. Вдоль берегов его в море разбросано несколько островов. Острова дельты состоят из торфа и льда. Поверхность их ровная и носит ясно выраженный характер тундры.

Река Лена изливает свои воды в Ледовитый океан, кроме двух главных рукавов — одного, идущего на запад к мысу Большой-Крест, и другого — на восток к мысу Быкова, ещё бесчисленными протоками между островами дельты. Более или менее значительных протоков местные жители насчитывают 45, но о судоходности их никаких сведений сообщить не могли.

На карту нанесены только те протоки, которые были пройдены членами экспедиции, причём протоки от о-ва Сагастырь к о-ву Мостах, где экспедиция разыскивала мамонта, и по направлению к о-ву Столбовой — путь, которым экспедиция следовала к месту назначения до о-ва Хардах, сняты при помощи теодолита г. Юргенсом. Протока от о-ва Куба (127°58'20» в.д. 73°16'00» с.ш.), где высадились часть экипажа шхуны «Жаннетта» под начальством капитана Де-Лонга, до о-ва Сороком снята

¹ Гора Кегюль-хая (126°18' 0» в.д. 72°23'30» с.ш.), могила капитана Де-Лонга и его спутников.

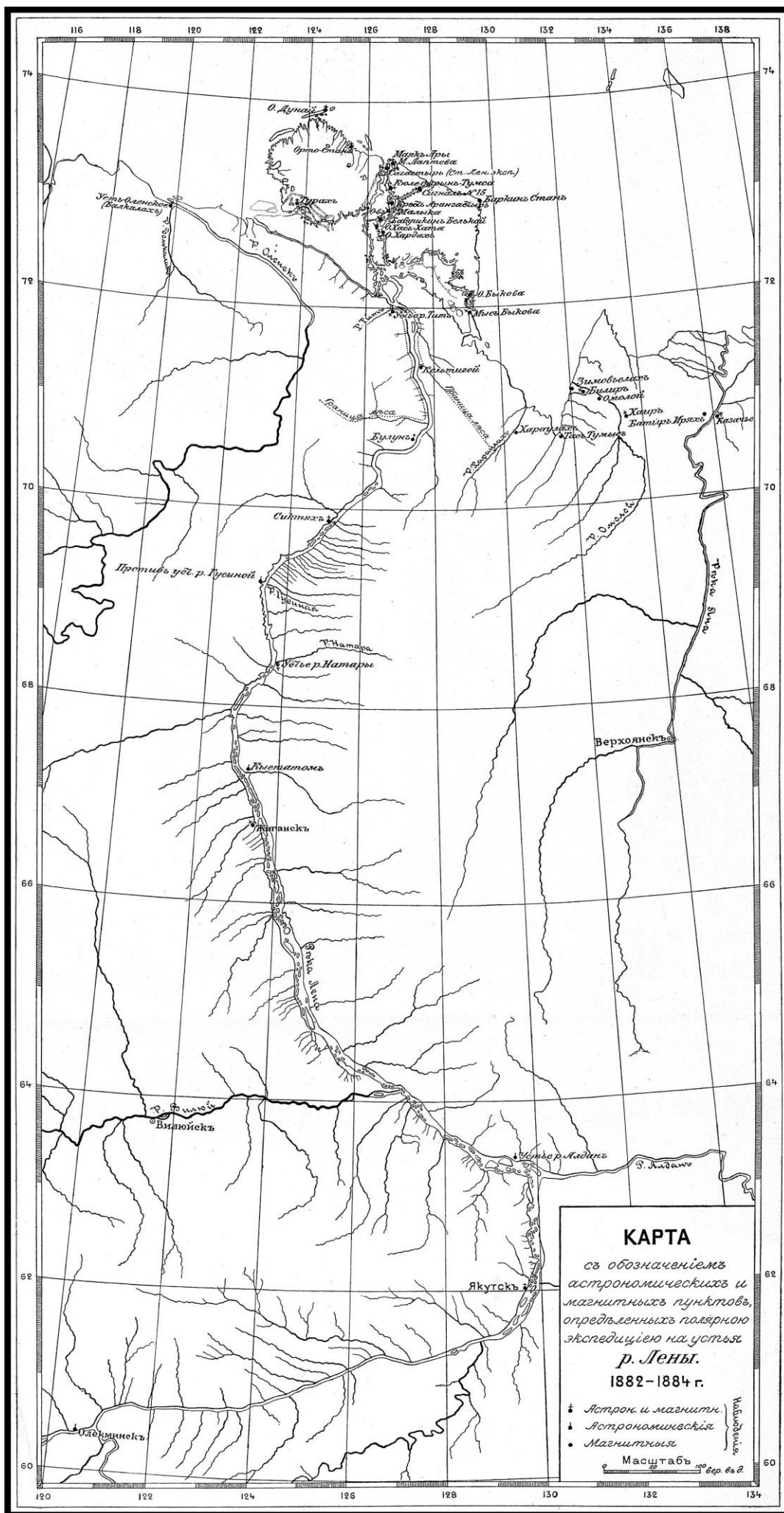
также теодолитом г. Эйгнером. У последнего о-ва его триангуляция при-
мыкает к триангуляции г. Юргенса. (Для этих триангуляций на о-ве Са-
гастырь был измерен базис в 2 км. длиной).

Протока от о-ва Хардах до о-ва Яков-Белькой на Быковском рукаве р.
Лены была снята д-ром Бунге буссолью во время его экскурсии к мысу
Быкова летом 1883 года. От о-ва Яков-Белькой он следовал через о-в Бо-
ран-Белькой $126^{\circ}51'00''$ в.д. $72^{\circ}28'30''$ с.ш.), на котором умерли с голоду
капитан Де-Лонг и его спутники, по протокам, ведущим к урочищу Бор-
Хая ($128^{\circ}41'20''$ в.д. $72^{\circ}26'30''$ с.ш.), где другая часть экипажа шхуны
«Жаннетта», бывшая под начальством механика Мельвилля, встретила
своих спасителей-туземцев, и к селениям на о-ве Быкова и на о-ве Зимо-
вьелах до мыса Быкова. Окончив здесь порученное ему Академией Наук
исследование условий, в которых мог находиться мамонт Адамса, д-р
Бунге продолжал свой путь вдоль южного берега Быковской протоки до
о-ва Столбового., Весь этот путь он также снял буссолью. Летом 1884 г.,
по прекращении наблюдений на станции, д-р Бунге снял буссолью про-
току, идущую от о-ва Мостах на запад к селению Турах. Отсюда верхом
на оленях он проехал вдоль западного и северного берега дельты до се-
ления Борхая, находящегося на берегу протоки, вошедшей в триангуля-
цию г. Юргенса. На всём пути он производил маршрутную съёмку, до-
полняя её показаниями тунгусов-проводников.

Протоки от о-ва Мостах к м. Кегюль-Хая и левый берег р. Лены до
устья речки Тит, также как и острова вдоль этого берега, сняты глазо-
мерно во время обратного следования экспедиции со станции Сага-
стыря в Якутск.

Западный рукав р. Лены и очертания берегов восточной части
дельты от м. Лаптева до м. Баркин-Стан и отсюда до о-ва Зимовьялах в
Быковском рукаве Лены взяты с карты экспедиции Анжу.

Астрономически определённые пункты, на основании которых со-
ставлена карта дельты р. Лены, помещены в тексте.

Карта в масштабе 100 вёрст в дюйме включает в себе все пункты, в которых были произведены астрономические и магнитные определения за исключением Иркутска. На этой карте течение Лены приурочено к географическому положению точек, определённых Усть-Ленской экспедицией. Прочие же подробности взяты с карты того же масштаба Азиатской России, изданной Военно-Топографическим Отделом Главного Штаба, но с исправлениями на основании подробной карты дельты реки Лены по съёмкам экспедиции.

OCR Андрей Дуглас, 2023